

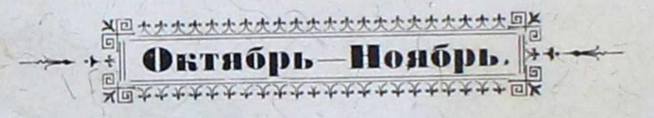
ЖУРНАЛЪ

учениковъ

Пензенской 2-й Гимназіи.

1906.

Октябрь—Ноябрь.

№ 1 и 2.

ПЕНЗА.
Типогр. Попова и Соломонова.
1906

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНИКОВЪ

Пензенской 2-й Гимназіи.

1906.

№ 1 и 2.

ПЕНЗА.
Типогр. Попова и Соломонова.
1906

ПЕЧАТАНО СЪ РАЗРѢШЕНІЯ НАЧАЛЬСТВА.

Замѣченные пропуски и опечатки.

		Напечатано:	Вмѣсто:
Въ Редакціонной статьѣ „Pro domo sua"	На стр. XII строка 2 снизу	такое изданіе и разрѣшено намъ	такое изданіе, но лишь **для старшихъ классовъ**, разрѣшено намъ
ВЪ ОТДѢЛѢ I-мъ. Въ разсказѣ «У Окопа».	На стр. 7 строка 17 сверху	всплестнулъ	всплеснулъ
Тамъ же:	На стр. 11 строка 12 снизу	и отомстятъ за тебя!!...	и отомстятъ за тебя коварному врагу!...
ВЪ ОТДѢЛѢ III-мъ: въ замѣткѣ «Живыя стѣны»	На стр. 6 строка 14 снизу	но какъ—объ этомъ же заботился. Какъ ни бился	но какъ объ этомъ ни заботился, какъ ни бился
ВЪ ОТДѢЛѢ IV-мъ: Въ спискѣ членовъ родительскаго комитета	На стр. 1 строка 4 сверху	Ѳоковичъ	Фоковичъ
Въ Смѣси «Эпиграфъ»	На стр. 1 строка 2 снизу	сдѣсь	здѣсь

Въ отдѣлѣ IV. Смѣсь. Школьная жизнь. Въ статьѣ «Рукописные гимназическіе журналы» на страницѣ 18 пропущено подстрочное примѣчаніе къ стихотворенію Пошутилова «Пророкъ». Вотъ оно. «Герой», которому посвящено это стихотвореніе, нынѣ состоитъ начальникомъ отдѣленія казенной палаты и никогда въ дѣйствительности не былъ такимъ, какимъ его старается представить авторъ стихотворенія. Въ этомъ и заключалась вся суть добродушнаго юмора, которымъ дышитъ означенное стихотвореніе.

Примѣчаніе автора. (Бывшаго гимназиста).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ II-й.

Стран.

Отдѣлъ III-й.

Отдѣлъ IV-й.

Редакторъ-изд. В. В. Лапинъ.

Отъ Редакціи.

I.

Вопросъ объ изданіи ученическихъ журналовъ нѣсколько разъ поднимался въ русскомъ педагогическомъ мірѣ; отдѣльныя попытки изданія школьныхъ журналовъ бывали въ округахъ: Петербургскомъ (при В. К. фонъ-Анрепѣ), Рижскомъ и Московскомъ, но всесторонне вопросъ объ изданіи такихъ журналовъ разработанъ былъ Кавказскимъ учебнымъ округомъ, который, какъ при незабвенномъ Яновскомъ, такъ и при его преемникѣ, Завадскомъ, по большей части шелъ во главѣ педагогическихъ реформъ и нововведеній.

Въ циркулярѣ, отъ 30 Января 1904 года, (за № 2581), попечитель Кавказскаго учебнаго округа, просилъ директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній названнаго округа предложить на разсмотрѣніе комиссіи преподавателей русскаго языка различные вопросы, касающіеся преподаванія литературы въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, причемъ на первомъ мѣстѣ стоялъ вопросъ „о мѣрахъ, принимаемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ для развитія въ учащихся интереса и любви къ литературнымъ занятіямъ.“

Комиссія, работавшая по этому вопросу и состоявшая изъ преподавателей словесности въ среднихъ

учебныхъ заведеніяхъ округа, находила необходимыми для достиженія означенной цѣли слѣдующія мѣры:

1) внимательно и заботливо относиться къ литературнымъ вкусамъ и интересамъ учащихся, поддерживая въ нихъ любовь къ чтенію путемъ частныхъ бесѣдъ съ отдѣльными учениками и по группамъ—по поводу читаемыхъ ими авторовъ;

2) устанавливать преемственную связь между произведеніями новѣйшей словесности и литературными образцами, проходимыми учениками въ школѣ;

3) *пробуждать и поддерживать въ юношахъ авторскія способности путемъ назначенія конкурсныхъ сочиненій для соисканія премій;*

4) *поощрять ученическіе журналы*;

5) назначать домашнія чтенія и руководить ими.

Обратимъ вниманіе читателей на мнѣнія комиссіи только относительно двухъ изъ перечисленныхъ мѣръ: третьей и четвертой. Комиссія находитъ весьма полезнымъ развитіе въ юношахъ (V—VIII кл.) авторскихъ наклонностей назначеніемъ конкурсныхъ сочиненій на преміи, съ тою же цѣлью рекомендуетъ поощрять ученическіе журналы, но высказывается *противъ рукописныхъ* школьныхъ журналовъ, *издаваемыхъ самими учащимися безъ всякаго руководства*,—на томъ основаніи, что сотрудники ихъ обыкновенно пытаются толковать о предметахъ, превышающихъ ихъ пониманіе и силы.... Съ такимъ заключеніемъ комиссіи нельзя не согласиться.

Относительно назначенія конкурсныхъ сочиненій на премію мы намѣрены высказаться въ другомъ мѣстѣ, а теперь посмотримъ, какъ отнеслась комиссія (при нѣсколько иномъ составѣ) *къ печатнымъ* гимназиче-

скимъ *журналамъ, выходящимъ подъ руководствомъ* того или другого *наставника?* Этотъ вопросъ былъ детально разработанъ въ засѣданіи комиссіи, происходившемъ въ присутствіи попечителя Кавказскаго учебнаго округа, 22 Мая 1904 года, въ залѣ Тифлисской женской гимназіи. Мы позволимъ себѣ сдѣлать подробныя и почти дословныя извлеченія изъ протоколовъ означеннаго засѣданія въ интересахъ большинства нашихъ читателей, незнакомыхъ съ постановкою интересующаго насъ вопроса въ русской педагогической практикѣ, и въ надеждѣ, что авторы приводимыхъ нами мнѣній не посѣтуютъ на насъ за опубликованіе таковыхъ въ нашемъ скромномъ изданіи, почти не выходящемъ за предѣлы Пензенской губерніи.

Вступительную рѣчь произнесъ предсѣдатель собранія, директоръ Тифлисской женской гимназіи С. С. Ларіоновъ. Хотя эта рѣчь не имѣетъ прямого отношенія къ поставленному нами вопросу, но мы не можемъ пройти молчаніемъ справедливаго замѣчанія означеннаго педагога относительно мѣста занимаемаго литературой среди другихъ предметовъ общеобразовательной школы. „Литература, по словамъ С. С. Ларіонова, болѣе, чѣмъ всякій другой предметъ, можетъ способствовать достиженію всестороннихъ воспитательныхъ и образовательныхъ цѣлей; она пробуждаетъ въ молодежи интересъ къ самостоятельной работѣ, она даетъ правильное развитіе критическимъ способностямъ учащихся, она развиваетъ чувство художественной правды и укрѣпляетъ свѣтлые идеалы на почвѣ общечеловѣческаго и національнаго развитія“. „Для достиженія таковыхъ цѣлей хороши всѣ средства, всѣ методы преподаванія, лишь-бы только

въ нихъ видно было желаніе принести посильную пользу въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ развитіе и сформированіе идей будущаго человѣка—гражданина".

Но намъ особенно интересны мнѣнія отдѣльныхъ членовъ педагогическаго собранія относительно ученическихъ журналовъ. Приведемъ эти мнѣнія въ томъ же порядкѣ, какъ они записаны въ протоколахъ комиссіи.

Преподаватель словесности Клименовъ въ доказательство пользы, которую могутъ приносить учащимся школьные журналы, приводилъ примѣръ Жуковскаго, Гоголя и другихъ писателей, утверждая, что „въ дѣлѣ ихъ умственнаго развитія видную роль играли школьныя изданія".

„Компиляція, по мнѣнію г. Клименова, нисколько не уменьшаетъ пользы самаго дѣла; ученики не могутъ самостоятельно работать, и для нихъ имѣетъ серіозное значеніе и то, если они прочтутъ какую-нибудь полезную книгу, осмыслятъ ея содержаніе и подѣлятся съ товарищами прочитаннымъ".

По его же словамъ, въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго Округа въ 1904 году издавался учениками 6 класса рукописный журналъ. Ученики помѣщали въ немъ статьи беллетристическаго и научнаго содержанія (преимущественно по естествовѣдѣнію) и наконецъ юмористическаго характера.

Преподаватель Абрамовъ припоминаетъ изъ своихъ ученическихъ лѣтъ, какой интересъ къ литературнымъ занятіямъ пробуждало въ гимназистахъ изданіе собственнаго журнала. „Уже фактъ существованія дневниковъ, въ которые ученики и ученицы старшихъ

классовъ заносятъ свои наблюденія и мысли,—говоритъ за желательность изданія школьныхъ журналовъ". „Было-бы желательно, добавляетъ означенный педагогъ, чтобы учебное заведеніе отпускало нѣкоторую сумму изъ своихъ спеціальныхъ средствъ на печатаніе журналовъ. Такъ поставлено дѣло изданія журнала въ одной изъ московскихъ гимназій". Къ сожалѣнію, г. Абрамовъ не говоритъ, въ какой именно.

Преподаватель Франгопуло утверждаетъ, что „отрицать пользу школьныхъ журналовъ нельзя. Въ школѣ учатся дѣти изъ разныхъ слоевъ общества и наблюдаютъ поэтому жизнь подъ разными углами зрѣнія; будучи уроженцами разныхъ мѣстностей, они выносятъ различныя впечатлѣнія отъ природы: каждый изъ нихъ при посредствѣ журнала можетъ дѣлиться всѣмъ этимъ со своими товарищами."

Преподаватель Епифановъ находитъ, что „изданіе и веденіе журналовъ весьма желательное явленіе, такъ какъ даетъ исходъ стремленіямъ учащихся къ самостоятельному мышленію"...... „Въ интересахъ школьныхъ изданій необходимо подчинять ихъ руководству разумному, твердому, но добродушному."

Преподаватель А. Н. Дьячковъ—Тарасовъ заявилъ, что „у многихъ учащихся есть потребность писать, излагать свои мысли и впечатлѣнія и передавать ихъ на судъ товарищей и учителя. Преподавателю отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать этимъ".... По мнѣнію того-же педагога, журналъ повелъ-бы къ сближенію учениковъ и преподавателей, уничтожилъ-бы то средостѣніе, которое нерѣдко существуетъ между ними.

Преподаватель Сибирцевъ высказалъ мнѣніе, что „разумный журналъ—немаловажный факторъ въ дѣ-

лѣ развитія вкусовъ, взглядовъ, понятій учащихся; на этихъ журналахъ формировалась и развивалась мысль нашихъ великихъ художниковъ слова"......

„Мелкаго самолюбія, которое, по мнѣнію комиссіи, можетъ вызываться сотрудничествомъ въ журналѣ,—бояться нечего. Значительное большинство другихъ учащихся получитъ отъ журнала серіозную пользу"....

Интересны также по данному вопросу замѣчанія Д. Д. Мучканскаго: „польза отъ школьныхъ журналовъ, говоритъ онъ, велика даже для учениковъ младшихъ классовъ. Дѣти съ большимъ интересомъ отнесутся къ „своему" журналу, въ которомъ работаютъ ихъ „собственные" сотрудники..... Ученикъ, никогда ничего не читавшій, узнаетъ изъ журнальной статьи, что его товарищъ прочиталъ хорошую книгу, и, можетъ-быть, захочетъ и самъ ее прочитать, Изданіе журнала вноситъ жизнь въ умственную сферу учащихся".....

Практическіе совѣты учащимся, что и въ какомъ объемѣ писать для журнала, названный педагогъ считаетъ необходимыми, причемъ отрицаетъ пользу назначенія опредѣленныхъ сроковъ выхода журнала въ свѣтъ.

Еще много нашлось среди педагоговъ защитниковъ школьныхъ журналовъ, но были и противники. Такъ преподаватель Боголюбскій, указавъ на возможность для учениковъ подъ видомъ собственныхъ помѣщать чужія статьи, а также на излишекъ авторскаго самолюбія среди учащихся, сотрудниковъ журнала, настаивалъ, однако на изданіи оффиціальнаго журнала, въ которомъ помѣщали-бы свои статьи

преподаватели и только *нѣкоторые ученики*..... Что, конечно, едва-ли желательно,—прибавимъ мы отъ себя: школьный журналъ долженъ быть доступенъ для всѣхъ, желающихъ въ немъ участвовать, если только статьи ихъ мало-мальски удовлетворяютъ литературнымъ требованiямъ, предъявляемымъ къ школьнымъ изданiямъ..... Кромѣ возраженiя г. Боголюбскаго, другiя, не касаясь существа дѣла, а отмѣчая только практическiя затрудненiя, неизбѣжныя при изданiи школьныхъ журналовъ, не могли повлiять на рѣшенiе комиссiи: громаднымъ большинствомъ мнѣнiй *ученическiе журналы признаны полезными и заслуживающими особаго вниманiя со стороны преподавателей словесности.* *)

Заканчивая обзоръ различныхъ мнѣнiй по интересующему насъ вопросу, мы должны съ особымъ удовольствiемъ отмѣтить тотъ весьма важный для нашего дѣла фактъ что среди высказанныхъ гг. педагогами замѣчанiй,—хотя бы и направленныхъ противъ школьныхъ журналовъ,—не было ни одного, которое касалось-бы недостатка у учащихся времени для занятiя журналистикой. Это обычное и опошлившееся возраженiе никому даже и не пришло на умъ. Слишкомъ очевидна уже необоснованность его: если въ прежнiя времена учащiеся находили возможнымъ издавать рукописные журналы и притомъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, принимая на себя неблагодарный трудъ механической переписки чужихъ статей, то во сколько же разъ легче только принимать участiе въ журналѣ, въ качествѣ сотрудника? А если читатели припомнятъ,

*) См. „Съѣздъ преподавателей русскаго языка и словесности среднихъ учебныхъ заведенiй Кавказскаго учебнаго округа". Засѣданiе 22 мая 1904 г. IV, журналы засѣданiя комиссiи преподавателей словесности, стр. 7—18.

чѣмъ заполняетъ часы своего досуга, свои многочисленные праздники учащаяся молодежь, не только живущая у квартирохозяевъ, но и у своихъ родителей, то, очевидно, большинство изъ нихъ станетъ на сторону нашего предпріятія.

По поводу необходимости самостоятельной работы для учащихся высказываетъ много интересныхъ мыслей г. Вахтеровъ въ статьѣ, помѣщенной въ №№ 166 и 168 „Русскихъ Вѣдомостей", подъ заглавіемъ „Насущный вопросъ", и составляющей его докладъ, прочитанный авторомъ въ Петербургѣ въ комиссіи по низшей школѣ лиги образованія, въ ея первомъ засѣданіи. Оставляя на совѣсти автора его предложеніе о немедленной и полной ломкѣ всего стараго школьнаго строя и вообще слишкомъ рѣзкіе отзывы о педагогахъ старой школы, отзывы, невполнѣ компетентные уже потому, что авторъ—знатокъ низшей школы, а не средней,—мы не можемъ однако не согласиться съ его основными положеніями:

1) что въ средней школѣ необходимо долженъ быть проведенъ принципъ *объединенія* изучаемаго матеріала и обобщенія полученныхъ свѣдѣній и 2) что школа всѣми мѣрами должна развивать въ учащихся способность къ самостоятельному мышленію.

„Если мы заглянемъ внутрь себя, говоритъ г-нъ Вахтеровъ, то мы найдемъ тамъ не только состоянія сознанія, но еще и связи между ними"..... „Не количество и разнообразіе воспринятыхъ матеріаловъ, а главнымъ образомъ обработка ихъ —вотъ что даетъ вѣсъ и цѣнность нашему умственному багажу"... „Если бы можно было выучить наизусть цѣлую библіотеку, то это одно не сдѣлало-

бы насъ развитыми и образованными. Нужны связи между знаніями... Наши мысли ясны только тогда, когда онѣ хорошо связаны другъ съ другомъ. Узнать предметъ—это значитъ опредѣлить его связи съ другими предметами"..... „Сама логика, по удачному выраженію философа, это—отраженіе въ нашемъ умѣ связей между явленіями въ окружающемъ насъ мірѣ"..... Научить юношей самимъ опредѣлять связь между предметами—т. е. мыслить ясно и правильно—есть высшая задача всякой школы. Въ настоящее время, когда каждому изъ насъ приходится мыслить и дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, руководиться не ходячими мнѣніями, а велѣніями собственнаго разсудка,—школа болѣе, чѣмъ когда-либо, должна заботиться о томъ, чтобы подготовить учащихся къ самостоятельному мышленію. Надо, чтобы ученики привыкли сами дѣлать выводы изъ фактовъ, пользуясь, насколько это возможно для нихъ, научными пріемами изслѣдованія. А этого можно достигнуть лишь тогда, когда мы заставимъ учениковъ переживать тѣ-же психическіе процессы, какіе переживаетъ изслѣдователь, или, по крайней мѣрѣ, составитель (компиляторъ) статьи изъ нѣсколькихъ прочитанныхъ имъ книгъ—по одному и тому же вопросу. Такую способность обобщенія, комбинированія фактовъ и умѣніе составлять на основаніи извѣстнаго матеріала, или изъ сопоставленія прочитаннаго самостоятельные выводы и заключенія можетъ дать учащимся самостоятельная-же работа: участіе въ школьной журналистикѣ, конечно,—подъ руководствомъ наставниковъ.

II.

„Pro domo sua“

Приступая къ изданію нашего „Журнала“, мы невольно испытываемъ нѣкоторую неувѣренность, и вовсе не потому, чтобы мы были homo novus въ литературномъ дѣлѣ, а вслѣдствіе весьма понятныхъ треволненій не только за будущее молодыхъ авторовъ, которымъ придется впервые увидать печатныя строки своихъ произведеній, но и за судьбу самого „Журнала“.... Дѣло въ томъ, что изданіе плохо обезпечено въ матеріальномъ отношеніи. Если бы не пришли на помощь намъ нѣкоторые жертвователи, имена которыхъ мы приведемъ ниже, то едва ли бы могла появиться въ свѣтъ и настоящая книжка „Журнала“ (за октябрь и ноябрь мѣсяцы)... Но этого мало: такъ какъ редакція не находила удобнымъ рекламировать свое изданіе, и, не преслѣдуя какихъ либо коммерческихъ цѣлей, только *одинъ разъ* помѣстила объявленіе о выходѣ въ свѣтъ „Журнала“, то до сихъ поръ подписка дала самые незначительные результаты... и, если „Журналъ“ не встрѣтитъ поддержки со стороны гг. родителей и вообще пензенской интеллигентной публики, то ему придется захирѣть и, быть можетъ, прекратиться послѣ выхода этой первой книжки въ свѣтъ. Однако, увѣренные въ томъ, что всякое доброе начинаніе должно встрѣтить поддержку со стороны просвѣщенныхъ людей, мы позволимъ себѣ выразить надежду, что всѣ читатели „Журнала“ отнесутся снисходительно къ юному члену русской прессы, у котораго—увы!—, почти нѣтъ собратій... Издаваемый учениками Тени-

шевскаго училища въ Петербургѣ журналъ „Впередъ“—пока единственно извѣстный намъ представитель русской прессы въ этомъ родѣ.... Поэтому казалось бы, нашъ „Журналъ“, предпочтительно предъ другими,—долженъ разсчитывать не только на бо́льшую снисходительность со стороны читателей, но и, особенно, на поддержку учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ первая попытка дать исходъ ихъ стремленіямъ къ самостоятельной работѣ....

Зная однако по опыту, какъ много затрудненій встрѣчаетъ всякое новое дѣло, мы вмѣстѣ съ напечатаніемъ объявленія о выходѣ въ свѣтъ нашего „Журнала“ должны были ожидать какъ нѣкоторыхъ нареканій на него, такъ и недоразумѣній по поводу его программы и ближайшей цѣли. Такъ и случилось. Раздѣляя вполнѣ взглядъ недавно сошедшаго въ могилу „нашего идеалиста“ кн. С. Н. Трубецкаго, утверждавшаго, что „въ университетѣ нѣтъ мѣста для политики“, мы, конечно, не допускали и мысли о появленіи таковой на страницахъ нашего „Журнала“, а между тѣмъ какъ разъ для разъясненія недоразумѣній именно по этому поводу намъ пришлось помѣстить въ мѣстной газетѣ слѣдующее письмо:

М. Г., г. Р.!

“Въ сообщеніи о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ новаго повременнаго изданія: „Журнала учениковъ Пензенской 2 гимназіи“, помѣщенномъ въ № 150 „Пензенскихъ Губ. Вѣдомостей“, вкралась нежелательная ошибка, именно—въ популярно-научномъ отдѣлѣ (2) программы „Журнала“ напечатано: „статьи въ популярномъ изложеніи *„политики“* вмѣсто *„по литературѣ“*, что совершенно иска-

жаетъ цѣль и значеніе нашего „Журнала", именно *„совершенно чуждаго какой либо политики"*. „Цѣль новаго органа дать возможность мыслящему ученику правильно и послѣдовательно излагать свои мысли по интересующему его вопросу, самостоятельно имъ избранному,—способствовать такимъ образомъ его умственному развитію. Но нѣкоторыя явленія общественной жизни настолько сложны, что ихъ ошибочно понимаютъ и толкуютъ и взрослые люди. Таковы явленія политической жизни. Вотъ это — именно область явленій совершенно недоступная и для ума только что вступающаго въ жизнь юноши, а тѣмъ болѣе для учащагося хотя бы и старшихъ классовъ. Наша цѣль—избѣжать какого бы то ни было соприкосновенія съ политикой: она уже и такъ заполнила собою всѣ повременныя изданія... Нѣтъ, нарождающійся „Журналъ" долженъ быть тѣмъ „уголкомъ человѣческой культуры", куда не должна проникать никакая „политика". Имѣющіяся уже въ распоряженіи редакціи произведенія учащихся, по крайней мѣрѣ, далеки отъ всякой политики и этому нельзя не порадоваться".

Такъ, въ краткихъ словахъ, пришлось намъ коснуться задачъ нашего „Журнала", но изъ предыдущей статьи читатель легко можетъ усмотрѣть, что задачи нашего журнала нѣсколько шире и глубже... Дѣло въ томъ, что преслѣдуя цѣли обобщенія изучаемаго въ гимназіи матеріала и развитія въ учащихся самостоятельнаго мышленія, неразъ уже гимназія наша практиковала различныя мѣры. Къ числу такихъ мѣръ нужно отнести рядъ воскресныхъ чтеній, устроенныхъ для учениковъ старшихъ классовъ въ 1903 и 1904 гг. Чтенія пошли сначала очень

успѣшно. Удалось даже привлечь къ участію въ нихъ и учениковъ старшихъ классовъ. Напр., чтенія по физикѣ дѣйствительно велись самими учащимися: но затѣмъ интересъ къ такимъ чтеніямъ нѣсколько ослабѣлъ, главнымъ образомъ, потому, что каждое чтеніе отнимало время отъ праздничнаго отдыха учащихъ и учащихся. Другая попытка—устраивать вечернія семинаріи подъ руководствомъ преподавателей по психологіи и законовѣдѣнію свелась собственно къ репетиціямъ, а между тѣмъ наличность въ средѣ учащихся стремленій къ самостоятельной работѣ была несомнѣнна...

Стремленія учениковъ къ такой работѣ выразились въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ представляли намъ на просмотръ свои произведенія въ прозѣ и стихахъ; а одинъ ученикъ (младшаго класса) задумалъ даже изданіе рукописнаго журнала... Съ цѣлью объединенія интересовъ и сближенія учащихъ и учащихся было сдѣлано, съ нашей стороны, уже немало усилій, оставалось пойти на встрѣчу исконному стремленію юношей—дѣлиться своими мыслями не только между собою, но и со своими наставниками, а это возможно только путемъ изданія общаго для тѣхъ и другихъ журнала. Такимъ образомъ возникла мысль объ изданіи журнала, о которомъ усердно просили преимущественно ученики восьмого класса, но желая дать возможность участвовать въ „Журналѣ" *всѣмъ классамъ*, мы, съ своей стороны, ходатайствовали передъ начальствомъ о разрѣшеніи издавать „журналъ учениковъ П. 2 г." безъ ограниченія возрастомъ или классомъ. Такое изданіе и разрѣшено намъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, а затѣмъ

и г. Пензенскимъ губернаторомъ утверждена программа „Журнала“, извѣстная уже нашимъ читателямъ. Здѣсь одинъ изъ отдѣловъ именно: *Смѣсь* (куда входятъ Школьная жизнь и Вопросы Педагогики) предназначенъ для участія взрослыхъ лицъ: г.г. преподавателей и родителей; точно также и Почтовый ящикъ. Остальные отдѣлы должны заполняться произведеніями, преимущественно, учениковъ пензенской 2 гимназіи, хотя впослѣдствіи можно будетъ открыть доступъ въ „Журналъ“ и другимъ учащимся въ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Пензы (Вѣдомства Мин. Нар. Просв.).

Такова въ краткихъ чертахъ исторія возникновенія, цѣль и программа нашего „Журнала“. Насколько выполнена послѣдняя въ выпускаемыхъ теперь октябрьской и ноябрьской книжкахъ—судить не намъ, а читателямъ, у которыхъ мы просили уже снисхожденія... къ молодымъ начинающимъ силамъ и къ самой редакціи „Журнала“, имѣющей много дѣла и помимо редактированія...

Въ заключеніе редакція приноситъ свою искреннюю благодарность всѣмъ г.г. жертвователямъ, безъ помощи которыхъ нашъ „Журналъ“ никогда не появился бы въ свѣтъ,—именно: *Александру Васильевичу Ассѣеву* за пожертвованные имъ сто рублей и за разрѣшеніе пріобрѣтать бумагу для печатанія по фабричной цѣнѣ на фабрикѣ товарищества Сергѣева; *Льву Афанасьевичу Пастушкову* за пожертвованные имъ двадцать пять руб. и *г. В. Л—о* за пожертвованные сверхъ подписной цѣны девятнадцать рублей.

Редакція.

Отдѣлъ I-й.

Стихотворенія въ прозѣ.

I.

ЛЕГЕНДА ОБЪ ИСТИНѢ.

„Quid est veritas“?

„Изъ всѣхъ сокровищъ, пріобрѣтенныхъ человѣкомъ, ему должны быть дороже всего сокровища Истины“. Лессингъ.

Съ начала міра жила въ немъ „Предвѣчная Истина“.

Въ туманной дали терялось ея происхожденіе да и начала не было ей... И была она такъ могуча, чарующе-прекрасна, такъ живительна и обаятельна, что многіе вѣка неслышно пронеслись надъ нею... Рушились и создавались царства, цѣлые народы дряхлѣли—не дряхлѣла лишь она, вѣчно юная, лучезарная, таинственная и манящая. И милліоны людей жили ею, умирали съ нею на устахъ, въ ней черпали бодрость и силу, въ борьбѣ съ земными невзгодами. Подобно яркой путеводной звѣздѣ, Истина свѣтила людямъ въ печальной тьмѣ жизни... Поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ, а Истина оставалась неотразимо-чарующей: для предковъ и для потомковъ.

Что за необъяснимая сила заключалась въ ней?...

Человѣчество никогда и не задумывалось надъ этимъ—оно сознавало лишь себя въ полной власти дивной Истины...

Великая Истина была облечена покровомъ непроницаемой тайны, и это еще увеличивало ея непостижимое обаяніе...

Миновали вѣка младенчества человѣческихъ поколѣній. Одряхлѣла уже и великая греко-римская культура; человѣчество, казалось, оцѣпенѣло въ желѣзныхъ объятіяхъ Рима, когда Истина озарила весь міръ своимъ сіяніемъ... Она сошла на землю; Она жила средь людей: чудный проникающій въ душу голосъ Ея жегъ сердца людей!.. Немногимъ дано было познать Ее; много пролилось за Нее крови мучениковъ: никакая сила не могла уже загасить Истины... Но предразсвѣтная тьма еще облекала исторію... Человѣчество переживало сумракъ среднихъ вѣковъ. Въ эту печальную эпоху многіе неразумные, заблудшіе люди собственнымъ невѣжествомъ, слабостью и пороками на время какъ-бы затемняли свѣтлый образъ Истины, и ихъ помутившійся разумъ доходилъ даже до полнаго Ея отрицанія. Были и другіе люди, другія заблужденія... Въ своемъ увлеченіи, ослѣпленіи дивной Истиной они доходили до безумствъ и жестокостей „во имя Ея", „во имя Истины", что было совершенно несовмѣстимо съ сущностью Ея и... Истина все болѣе омрачалась и искажалась...

Забрезжилъ разсвѣтъ... Настали новые вѣка... Неустанно двигалась впередъ мысль человѣческая, открывались одинъ за другимъ новые и новые горизонты. Пробудившаяся мысль тревожно искала выхода, страстно стремилась къ свѣту знанія,—и отважные смѣльчаки дерзновенною рукою пытались приподнять покровъ и съ недосягаемой чудесной Истины. Тяжкая кара постигла многихъ изъ нихъ... Безумная попытка навсегда поколебала ихъ вѣру въ Истину, а жить безъ нея оказалось имъ не подъ силу,—и въ отчаяніи, съ холодной пустотой въ серд-

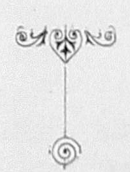
цѣ, жалкіе безумцы одинъ за другимъ сходили въ могилу. И вотъ насталъ ужасный вѣкъ... вѣкъ изумительныхъ открытій во всѣхъ областяхъ знанія, но и всеобщаго отрицанія, „переоцѣнки цѣнностей...“ Все завѣтное, святое, недосягаемое было грубо осмѣяно, безпощадно унижено и затоптано въ грязь... Много чудныхъ жемчужинъ человѣческаго духа погибло подъ неумолимымъ ножемъ анализа,—много чуткихъ страдающихъ сердецъ не вынесло этой страшной картины разрушенія и позора и... погибло, погибло безъ стона, безъ слезъ, незамѣтно...

И пришелъ роковой часъ... Безумныя, нечистыя руки дерзко коснулись прекрасной благоухающей „Истины“... Свергли ее съ пьедестала таинственной недосягаемости—и съ дикимъ хохотомъ, въ непостижимомъ ослѣпленіи гордынею—подвергли ее поруганію!

И не осталось мѣста въ огрубѣвшихъ сердцахъ для великой, чарующей, могучей и святой Истины...

Безпросвѣтный мракъ сгустился надъ грѣшной, измученной землею... И безумное человѣчество, загасивъ источникъ свѣта и жизни, въ безысходномъ отчаяніи металось, ища спасенія, ища то, что безвозвратно оно утратило: *вѣру!*

Excelsior.

II.

КАРТИНКИ СЧАСТЬЯ.

(Стихотвореніе въ прозѣ.)

Ночь... Лампадка красноватымъ вспыхивающимъ огонькомъ освѣщаетъ небольшую уютную комнату... Слышится мѣрное дѣтское дыханіе... Слабый лучъ свѣта ласково скользитъ по нѣжному разгорѣвшемуся личику ребенка... Райскіе сны витаютъ надъ безпечной головкой—и улыбка невинности такъ чудно хороша на яркихъ губкахъ... Чу, шаги!.. Тихіе, едва слышные шаги приближаются... Прелестная, молодая мать, точно видѣніе, склоняется къ спящему ребенку,—безконечная нѣжность озаряетъ ея лицо, вмѣстѣ со вспыхивающимъ лучомъ лампадки...

Это—счастье!

Балъ въ разгарѣ... Шумъ говора, музыки, блескъ огней и нарядовъ... Комедія чувствъ и улыбокъ, незримыя слезы обиды... Пары скользятъ и кружатся, въ душной атмосферѣ зала никнутъ головками роскошные цвѣты, эта минутная прихоть изнѣженныхъ, бездушныхъ красавицъ... Но вотъ идетъ одна... Раздвиньте ряды, дорогу ей, царицѣ этого веселья! Юное, прелестное лицо дышитъ восторгомъ, жизнью, упоеніемъ побѣды... Покорно слѣдуетъ за нею ея блестящая свита...

И это—счастье!

Ранній часъ морознаго дня... Огромный свѣтлый залъ переполненъ людьми... Все больше молодыя, бе-

зусыя лица... Волнуется, шумитъ, живетъ это море молодыхъ головъ... Оно ждетъ кого-то, то замирая, то вспыхивая въ горячемъ нетерпѣніи... И вотъ входитъ человѣкъ... Высоко надъ толпою возвышается его сѣдая, гордая голова, сильно и смѣло звучитъ его рѣчь... Въ ней слышится такая пламенная любовь къ наукѣ, такая могучая вѣра въ идеалы, что, когда онъ кончаетъ дрогнувшимъ голосомъ,—огромный залъ тоже весь вздрагиваетъ отъ шумнаго безудержнаго восторга молодежи... И серьезные задумчивые глаза стараго профессора вспыхиваютъ... душа возвышается надъ землею...

Это—счастье!

Полумракъ театральной залы... Занавѣсъ поднятъ... Съ яркаго, залитаго огнями пространства сцены вмѣстѣ съ волною свѣта льются чудные звуки: то нѣжные и молящіе, то бурные, полные гнѣва и скорби. Цѣлая гамма человѣческихъ чувствъ звучитъ здѣсь и чаруетъ съ неодолимою властью... Сегодня слышится задумчивая арія идеальной Татьяны... Завтра—грозные звуки воинственной пѣсни Варяга... То льется, полная тоски, пѣснь умирающей Травіаты, то слышится сатанинскій хохотъ торжествующаго Мефистофеля... О, великое искусство!..

Высоко, высоко, подъ самымъ куполомъ театра, можно видѣть восторженныя молодыя лица, горящіе глаза... Эти „верхніе“ зрители приходятъ въ театръ, какъ въ волшебную страну, полную чудныхъ грезъ и видѣній, и приходятъ—пѣшкомъ, часто съ другого конца города... Взгляните-же еще разъ на эти ликующія, безпечныя лица: восторгъ такъ и сіяетъ въ

каждой чертѣ ихъ... Они забыли всѣ свои невзгоды и лишенія, они—въ другомъ мірѣ...

Это—счастье!..

Сумерки грустнаго зимняго дня... Воетъ вьюга, стучатъ вѣтви въ окно... Въ полутемной сырой комнатѣ все тихо. За стѣной какъ-будто ворчитъ кто-то... Прерывистый стонъ прозвучалъ одиноко... Болѣзнь поселилась въ мрачномъ жилищѣ. Ужъ много дней отецъ, спасая сына, ведетъ безмолвную, жестокую борьбу съ надвигающейся смертью. Никто не придетъ къ бѣднякамъ, никто не поможетъ... Одни, одни въ цѣломъ мірѣ!.. А жизнь дорога, жизнь манитъ и... уходитъ... Но что это? Стучатъ... Знаменитый докторъ стоитъ на порогѣ... Вспоминаются разсказы про его самоотверженность... Но не сонъ-ли?.. Нѣтъ, онъ идетъ къ постели больного... Вотъ слышится его голосъ:—чудный, ласковый голосъ. Какъ они отвыкли отъ ласки и состраданія!.. Наступаетъ тишина... Томительная неизвѣстность... Но докторъ выходитъ съ просвѣтленнымъ лицомъ: „вашъ сынъ спасенъ! кризисъ миновалъ“. Отецъ опускается на колѣни... А докторъ, въ первый разъ въ жизни, чувствуетъ слезы на своемъ лицѣ...

Это—счастье!..

Оптимистъ.

III.

УТРО.

(Стихотвореніе въ прозѣ).

Это было на зарѣ... Заря въ природѣ, заря въ жизни... Праздникъ юности, блестящій шумный праздникъ,—когда десятки молодыхъ голосовъ звучали въ аллеяхъ, гдѣ разноцвѣтные фонарики бросали на листву причудливо-красивые лучи свѣта и звѣздное небо привѣтливыми сіяющими очами глядѣло на живописный уголокъ и на веселое пиршество,—теперь этотъ праздникъ только что кончился. На смѣну благоухающей шумной ночи медленно и величаво вставало дивное лѣтнее утро. Прозрачно-сѣрый сумракъ, точно нѣжный вуаль, окуталъ задремавшій садъ; кое-гдѣ блестѣла роса на пышныхъ, то бархатно-красныхъ, то блѣдно-розовыхъ розахъ, напоминая слезы на нѣжныхъ ланитахъ уснувшей красавицы; бѣлыя и красныя маргаритки скромно и какъ будто боязливо выглядывали около нихъ, и вѣтерокъ пробѣгалъ по ихъ мелкимъ лепесткамъ. Тихо дремали гордые тюльпаны, покачивая своей красивой, но бездушной головкой; покрытые росою, благоухали лиловые цвѣточки геліотропа... Легкій ажурный мостикъ, граціозно перекинувшись черезъ небольшой, узкій прудъ, таинственно бѣлѣлъ въ сѣроватомъ сумракѣ просыпающагося утра и отражался въ зеркалѣ пруда... Царственнымъ спокой-

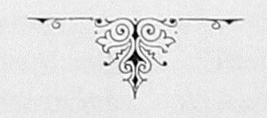
ствіемъ вѣяло отъ сада... И среди этого величаваго безмолвія, среди дремлющей прекрасной природы, вдругъ послышалась тихая рѣчь... То говорили двое людей, стоя на высокой золотистой песчаной площадкѣ, обнесенной съ трехъ сторонъ бѣлой мраморной рѣшеткой. Они давно уже были тутъ, пережили веселье минувшей ночи, переживали теперь задумчивую тишину и нѣжную прелесть утра... Оба были молоды: стройная, гордая дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ съ атласнымъ бантомъ на поясѣ, съ изящной темноволосой головкой, на которой небрежно приколота была бѣлая полураспустившаяся роза—едва пережила восемнадцатую весну... Ея матовое личико выражало своенравный, живой умъ, большіе синіе глаза разсѣянно скользили взглядомъ по разстилающейся у ногъ живописной картинѣ... Тотъ, кто стоялъ рядомъ съ нею въ этотъ тихій предъутренній часъ, былъ молодъ и силенъ, но голосъ его, тихо звучавшій, порой дрожалъ отъ сдерживаемаго волненія. Казалось, онъ не замѣчалъ безучастности молодой собесѣдницы, и рѣчь его лилась безостановочно... А природа пробуждалась... Вотъ всколыхнулась прозрачно-сѣрая дымка, облегавшая садъ; ночныя тѣни безслѣдно разсѣялись, и—торжествующій золотисто-розовый свѣтъ яркимъ потокомъ залилъ весь садъ, отъ верхушекъ деревьевъ до рѣшетки бѣлой террасы... Розовый отблескъ лежалъ и на миломъ лицѣ дѣвушки, и вся она, въ своемъ воздушномъ нарядѣ, въ лучахъ зари, олицетворяла собой майское утро... О чемъ говорили они?.. Онъ уѣзжалъ въ большой, холодный городъ, гдѣ ждалъ его упорный трудъ,—и въ его рѣчахъ, помимо его гордой воли, слышался страхъ за будущее: не

свое, а—милой дѣвушки, стоявшей такъ спокойно подлѣ него,—боязнь... боязнь выдать свое чувство (увы, оно было безнадежно!)—и, не смотря ни на что, глубокое нѣжное чувство дрожало и вспыхивало въ каждомъ звукѣ его голоса. Такъ вспыхиваетъ, невольно и—безпомощно, отдаленный отблескъ зарницы на темномъ грозовомъ небѣ... Дѣвушкѣ жаль было, что дивная картина лѣтняго утра, какъ бы блекнетъ и омрачается отъ его грустныхъ рѣчей, въ груди ея вставало вмѣстѣ съ тѣмъ и неопредѣленное чувство жалости... Къ чему? Она-бы затруднилась сказать... Въ умѣ мелькалъ дѣтски-капризный вопросъ: „зачѣмъ?!...“ Вопросъ умиралъ безъ отвѣта...

И услышали просыпающіеся листья мольбу: „о, дайте, мнѣ вашу розу“! И вздрогнули отъ ужаса листья: своенравная дѣвушка внезапно отколола розу отъ волосъ, бросила ее на холодный песокъ и—равнодушно наступила на нее своимъ атласнымъ башмачкомъ...

...Взошло солнце... Ослѣпительно засіяло оно надъ садомъ, но сердца не забились радостно на встрѣчу его лучамъ... Отъ сада вѣяло безмолвной пустотой... И только бѣдная полузавядшая роза, смятая и подавленная скорбью, лежала на золотистомъ пескѣ у рѣшетки и тихо умирала...

Василекъ.

IV.

ВИДѢНІЕ.

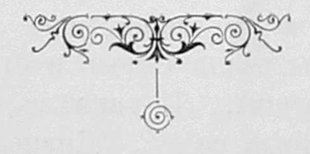
(Стихотвореніе въ прозѣ).

Съ глубокой раною лежалъ онъ на полѣ битвы. Надъ нимъ высоко сіяло голубое небо и блѣдныя облака проносились одно за другимъ. . Онъ тихо умиралъ... Иногда его взглядъ поднимался къ этому прекрасному, вѣчно-голубому небу, сіяющему зноемъ и счастьемъ,—и, какъ будто съ нѣмымъ укоромъ, спрашивалъ отвѣта у этихъ безпечно проносившихся надъ нимъ волнъ облаковъ... Но они бѣжали все мимо и мимо... Одно изъ нихъ на мгновеніе остановилось, словно о чемъ-то задумавшись, но потомъ, быстро перемѣнивъ прихотливыя очертанія, понеслось въ неизвѣстную даль... А онъ умиралъ... Мысли толпились, мѣшались!... Онъ вспомнилъ родную страну, далекій, родимый свой край... И тихія слезы, слезы сожалѣнія потекли изъ его потухавшихъ глазъ на впалыя щеки. Онъ умиралъ, безмолвно страдая отъ глубокой раны, терзавшей его грудь. И увидѣлъ онъ высоко надъ собою это синее море лазури, которое понемногу какъ-бы раздвигалось и открывало передъ нимъ чудныя картины... И увидѣлъ онъ за лазурью этого неба роскошный садъ... Дивные цвѣты толпились въ немъ и шептались, склоняясь своими пестрыми головками другъ къ другу; стройныя деревья кивали своими вѣтвями и, соединяя ихъ, сплетались въ прихотливые узоры.

Жгучіе лучи солнца озаряли эту картину безмятежнаго покоя и счастья. Но людей тамъ не было, ни одинъ цвѣтокъ, ни одна травка не были смяты человѣческой ногой, ни одинъ листъ, ни одна вѣтка не были сорваны. „Отчего-же нѣтъ здѣсь, въ этомъ прекрасномъ саду, полномъ волшебнаго счастья, полномъ сладкихъ грезъ и мечтаній,—отчего въ немъ нѣтъ человѣка?...“ И онъ услышалъ отвѣтъ. Тихій, ласковый голосъ, словно далекая мелодія, отвѣчалъ ему. —„Сначала и міръ былъ такимъ-же садомъ... Но человѣкъ загрязнилъ его, сорвалъ лучшіе цвѣты, чтобы, насладившись ими, бросить; онъ растопталъ эту шелковую мураву, сорвалъ эти пахучія вѣтви... И нынѣ—здѣсь нѣтъ мѣста человѣку!..“—Прозрачная дымка мало-по-малу начала заволакивать свѣтлую картину, и завѣса голубой лазури скрыла этотъ чудный міръ отъ недостойныхъ взоровъ человѣка...

Онъ тихо вздрогнулъ и, открывъ въ послѣдній разъ глаза, безъ муки, безъ сожалѣнія, безъ горькихъ слезъ покинулъ этотъ грубый міръ...

Д. Лазо.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Страничка изъ воспоминанiй.

Повѣсть.

„...Обманна въ жизни тишина,
И капля водъ полна трагедій
И неизбѣжности полна“...

К. Случевскій.

I.

Немало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда, въ дни моего дѣтства, со всею горячностью юнаго сердца, я переживалъ еще невполнѣ понятную для меня трагедію души чужого, но любимаго мною человѣка.

Не одинъ разъ чарующая гостья—весна приходила и вновь уходила, не одинъ цвѣтокъ расцвѣлъ и поблекъ на глазахъ моихъ, но никакъ не могутъ изгладиться изъ памяти моей воспоминанія объ этомъ прошломъ: точно живыя стоятъ предо мною далеко уже отошедшія картины былого, и грустныя, скорбныя по прежнему глядятъ въ мою душу. И каждый разъ, какъ приходитъ весенняя пора, каждый разъ, какъ начинаетъ, въ дѣвственномъ своемъ уборѣ, природа принимать пернатыхъ гостей изъ далекихъ странъ, встаютъ безъ конца въ моемъ воображеніи тѣни минувшаго...

Да, это было давно... Я жилъ еще въ деревнѣ съ родителями, готовясь къ вступительному экзамену въ гимназію. Семью нашу составляли: отецъ, мать, я и сестра моя, только что окончившая пансіонъ. Жизнь шла, конечно, очень монотонно, изрѣдка лишь

прерываясь посѣщеніями сосѣдей... Въ деревенской тиши и уединеніи радъ бываешь живому человѣку и часто незамѣтно какъ-то происходитъ сближеніе людей между собою... Такъ было и съ нами. Недалеко отъ насъ лежало графское имѣніе. Было оно буквально запущено; послѣ отмѣны крѣпостного права въ теченіе многихъ лѣтъ его никто не посѣщалъ, предоставивъ судьбу его всецѣло въ руки управляющихъ. Но вотъ нашлись дальніе родственники покойнаго графа, заинтересовавшіеся деревней,—и все моментально приняло иной видъ: прежній управляющій былъ замѣненъ новымъ, началось обновленіе помѣстья: поля покрылись хлѣбами, луга засѣяны клеверомъ, запущенный садъ скоро украсился цвѣтниками, словомъ все возродилось трудами новаго управляющаго-практика, прекрасно знающаго свое дѣло... Онъ былъ еще молодъ и полонъ энергіи. Какъ ближайшій сосѣдъ, онъ часто бывалъ у насъ и скоро сдѣлался, можно сказать, членомъ нашей семьи. Звали его Василіемъ Филипповичемъ. Это былъ рѣдкой души человѣкъ. Я какъ сейчасъ вижу его блѣдное, открытое лицо, обрамленное золотистыми вьющимися волосами, ясные, постоянно мягко улыбающіеся голубые глаза; торопливую, нервную походку... Съ неизмѣнною дубовою палкою въ рукахъ, опираясь на которую онъ тщетно старался скрыть свое прихрамываніе, и папиросой во рту, веселый и жизнерадостный, онъ чуждъ былъ, казалось, всякихъ тревогъ и волненій. И теперь, когда вспоминаешь его грустную долю, то невольно проникаешься къ нему уваженіемъ: сколько нравственной силы таилось въ немъ, если ниразу не выдалъ онъ всей муки и горя, терзавшихъ его сердце. Чуткій и впечатлительный, онъ, казалось,

былъ женственно-деликатенъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, и лишь дѣловитость и вѣрность разъ намѣченному плану говорили объ его мужественной и энергичной натурѣ. Человѣкъ—дѣла у себя въ конторѣ и на поляхъ, въ обществѣ онъ былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ: остроумный и находчивый, онъ ни давалъ никому скучать въ своемъ присутствіи. Но горемъ всей его жизни, отравляющимъ самыя свѣтлыя минуты, была его хромота: Василій Филипповичъ гдѣ-то еще въ дѣтствѣ ранилъ себѣ ногу, которая, теперь какъ-то безпомощно волочилась по землѣ. Сознаніе, что онъ калѣка, что онъ способенъ вызывать одно лишь состраданіе,—страшно терзало его... И можетъ быть въ ту самую минуту, когда онъ сыпалъ остроты и каламбуры безъ конца, когда все лицо его дышало беззаботнымъ весельемъ, можетъ быть все это были мучительныя попытки затушевать свое тяжелое настроеніе и подъ хохотомъ скрыть все, наболѣвшее въ глубинѣ души,—обмануть самого себя...

Мы познакомились съ нимъ въ началѣ лѣта. При первомъ же визитѣ онъ сразу произвелъ благопріятное впечатлѣніе на насъ, и вся наша семья скоро полюбила его. Всѣ мы были очарованы его жизнерадостностью. А я просто души въ немъ не чаялъ... Безмятежно и тихо текла наша совмѣстная деревенская жизнь. То мы, съ сестрой, во время нашихъ прогулокъ, встрѣчали его въ различныхъ мѣстахъ графскаго имѣнія, то онъ заѣзжалъ на нашъ хуторъ по вечерамъ, и вся семья наша незамѣтно для самой себя просиживала подъ его шутливую рѣчь до полуночи. Василій Филипповичъ въ своихъ дѣлахъ не зналъ, казалось, усталости: вездѣ можно было встрѣ-

тить его на поляхъ; на своемъ излюбленномъ Бурлакѣ, (такъ звали его верховую лошадь) всюду носился онъ, раздавая приказанія, сыпя прибауточками направо и налѣво. Дѣло у него и его помощниковъ просто горѣло подъ руками: крайне энергичный и трудолюбивый, онъ и въ другихъ умѣлъ пробудить любовь къ труду и энергію. Скоро пролетѣло лѣто. Работы становилось меньше, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и часы отдыха Василія Филипповича. Всѣ свои досуги онъ дѣлилъ съ нами и, конечно, больше всего съ сестрою, которая теперь осталась совершенно одна, потому что меня засадили уже за книги: надо было заниматься. Ихъ встрѣчи и прогулки вдвоемъ повторялись все чаще и чаще. Сестра не давала себѣ отчета въ томъ, что значатъ эти встрѣчи и къ чему онѣ ведутъ, а Василій Филипповичъ былъ просто счастливъ и не замѣчалъ, что сестра относится къ нему только какъ къ хорошему знакомому и другу нашей семьи. Такъ они проводили дни, словно въ туманѣ, и никто изъ нихъ не задумывался о будущемъ.

II.

Роковой финалъ не замедлилъ. Онъ наступилъ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ началѣ осени сестра моя поѣхала въ ближайшій губернскій городъ —къ роднымъ. Начинался сезонъ обычныхъ городскихъ развлеченій. Сестра моя, очень миловидная и веселая дѣвушка, скоро обратила на себя вниманіе, и чрезъ какой-нибудь мѣсяцъ, родители наши уже были извѣщены о томъ, что за сестру „сватается женихъ“.

На сестру онъ произвелъ самое пріятное впечатлѣніе: онъ былъ уменъ, изященъ и обладалъ значительнымъ состояніемъ. Родители, поразузнавъ все о молодомъ человѣкѣ, нашли, что сестра будетъ вполнѣ съ нимъ счастлива... Согласіе было дано, и начались хлопоты о приданомъ и приготовленія къ свадьбѣ. Сестру ждали въ деревню.

Василій Филипповичъ ничего не зналъ обо всемъ этомъ. Онъ былъ полонъ радужныхъ надеждъ на скорое и, какъ ему казалось, возможное для него счастье, онъ ждалъ только возвращенія сестры... Наконецъ она пріѣхала... Я, помню, первый оповѣстилъ его о днѣ ея пріѣзда, и онъ до того былъ обрадованъ, что не могъ скрыть этого: наклонился ко мнѣ крѣпко обнялъ и горячо, горячо поцѣловалъ меня... Я вырвался отъ него и побѣжалъ домой, крича ему издали: „смотрите, пріѣзжайте же!"

И Василій Филипповичъ дѣйствительно пріѣхалъ. Вечеръ обѣщалъ быть очень веселымъ. Сестра была очень оживлена и говорила безъ умолку... Василій Филипповичъ, по обычаю своему, шутилъ. но—нечаянно налетѣла на него туча и мгновенно все... рушилось... Отецъ, слово за слово, разговорился и, когда остался одинъ съ Василіемъ Филипповичемъ, повѣдалъ ему о нашей „семейной радости". Въ своемъ радужномъ настроеніи, онъ и не замѣтилъ, какое ужасное впечатлѣніе производитъ эта новость на его собесѣдника... Когда я вошелъ въ комнату, то прямо не узналъ Василія Филипповича: предо мной стоялъ какой-то совсѣмъ иной человѣкъ съ блѣднымъ неподвижнымъ лицомъ! Какъ мы ни старались разсѣять его грусть и тоску, все было напрасно: онъ сослался на недомоганіе, и скоро распрощался съ нами.

Всѣ мы были поражены: не знали, чему приписать перемѣну Василія Филипповича, а о чемъ говорилъ съ нимъ отецъ—никому не было извѣстно. Василій Филипповичъ ушелъ... На дворѣ стояла чудная лунная ночь... Мы скоро поужинали и я съ сестрой вышелъ погулять въ садъ, прилегавшій къ нашей усадьбѣ. Тишина была невозмутимая. Изрѣдка на окраинѣ лаяли собаки, скрипѣли по дорогѣ телѣги, съ кладью направлявшіяся въ городъ, и все замирало вдали. Мы долго ходили и разговаривали. Сестра собственно думала вслухъ, невольно повѣряя мнѣ свои планы и надежды... Въ своихъ разговорахъ мы и не замѣтили, какъ кто-то подошелъ къ нашему дому и остановился. Дворовая чуткая собака бросилась къ калиткѣ и залилась лаемъ. Мы, перепуганные, устремились къ дому, но знакомый голосъ насъ успокоилъ. То былъ Василій Филипповичъ. Я, обрадовавшись, что вновь его вижу, съ хохотомъ сталъ разсказывать ему о нашемъ испугѣ и сталъ просить его зайти въ садъ. Сестра присоединилась къ моимъ просьбамъ, и онъ согласился.

Но чуть онъ вошелъ, я сразу замѣтилъ, что съ нимъ творится что-то неладное, и заботливо сталъ распрашивать его. Онъ взглянулъ на меня, и мнѣ какъ то невольно до слезъ стало его жаль. Въ глазахъ его была такая мука, столько горя и тоски, что онъ не могъ проронить ни одного слова. Я, кажется готовъ былъ бы отдать все, чтобы облегчить его горе, но я ничего не могъ придумать, и только, бросившись къ нему на шею, крѣпко его поцѣловалъ; тронутый моей лаской, онъ уже не могъ скрыть своего горя, и слезы покатились по его щекамъ... Сестра стояла, ничего не понимая, блѣдная, трепещущая. Она чуяла

сердцемъ, что произошло какое то страшное несчастье, суть котораго она боялась опредѣлить.... Меня сестра услала домой, и еще долго ходили они въ саду... Я не спалъ и выжидалъ, когда Василій Филипповичъ направится къ себѣ. Но вотъ раздались ихъ голоса, и Василій Филипповичъ съ сестрой остановились возлѣ самой моей комнатки; я бросился къ окну... Луна полнымъ своимъ блескомъ озаряла все, придавая блѣдный, матовый цвѣтъ окружающему. Лицо Василія Филипповича, облитое ея лучами, казалось, неземнымъ: мертвенно-неподвижное, оно точно застыло и окаменѣло, лишь глаза, грустные, грустные, да катившіяся слезы говорили о томъ, что это—живой человѣкъ у котораго горитъ и страдаетъ горячее сердце. Онъ держалъ сестру за руку, молчаливо глядя на нее своими грустными глазами, которые, при блескѣ луны, казались бездонною пропастью. Наконецъ, онъ печально склонилъ голову, припалъ къ ея рукѣ и подошелъ къ калиткѣ. Сестра стояла точно статуя. Василій Филипповичъ обернулся еще разъ... Его лицо, покрытое слезами, было такое страдальческое, что я не могъ уже больше смотрѣть на него: бросился въ постель и заплакалъ горькими слезами... Сестра тихо прошла къ себѣ, безшумно раздѣлась и долго, долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Я сталъ уже засыпать, какъ меня разбудилъ странный шумъ. Я приподнялся и сталъ прислушиваться. Что то творилось въ комнатѣ сестры. Я тихонько всталъ и подошелъ къ ея дверямъ; сестра сидѣла у подзеркальника, и стиснувъ голову руками, безутѣшно рыдала...

Тяжелое настроеніе царило повсюду у насъ въ домѣ на другой день. Сестра, какъ оказалось, не уснула совсѣмъ, и подъ утро съ нею сдѣлался сильнѣй-

шій нервный припадокъ. Испуганные родители не знали сначала, что и дѣлать, и, словно потерявъ разсудокъ, метались по комнатамъ. Припадокъ, однако, скоро прекратился, пришелъ фельдшеръ, и больная, обложенная холодными компрессами, уснула. Могильная тишина водворилась въ домѣ. Точно въ страшномъ кошмарѣ прошелъ день и наступилъ вечеръ. Сестра проснулась, и прежде всего попросила къ себѣ мать. Комнату закрыли со всѣхъ сторонъ, и онѣ долго, долго о чемъ то говорили. Мать наконецъ вышла блѣдная и съ красными отъ слезъ глазами. Сестра сообщила матери, что Василій Филипповичъ признался ей въ любви и прибавилъ, что „ему теперь нѣтъ возврата къ жизни"... Всѣ мы хорошо понимали, что гибнетъ человѣкъ, такой хорошій и притомъ такой близкій всѣмъ намъ... но ничѣмъ не могли помочь ему... Мы были точно оглушены ударомъ грома и, не зная, что предпринять, ужасно томились безисходнымъ положеніемъ...

Но время все врачуетъ. Василій Филипповичъ исчезъ съ нашего горизонта. Отецъ правда, нѣсколько разъ навѣщалъ его, не подавая вида, что ему все извѣстно. Василій Филипповичъ тоже молчалъ, энергично отстраняя приглашенія посѣтить насъ. Жизненные пути наши, видимо, расходились и мы понемногу успакаивались....

Но это была лишь съ большимъ трудомъ одержанная побѣда несчастнаго неудачника надъ самимъ собой....

Прошла осень, наступила зима. Пролетѣли незамѣтно рождественскіе праздники, среди шума и гама, обычно царившихъ у насъ въ это время. Въ эти дни обыкновенно всѣ почти родные съѣзжались

къ отцу, и веселью не было конца. Теперь же присоединилась еще вѣсть о скорой свадьбѣ сестры, такъ что поводовъ къ веселью было много.... Пріѣхалъ женихъ, оказавшійся весьма привѣтливымъ человѣкомъ, но мнѣ онъ не особенно понравился...

Свадьбу рѣшено было отпраздновать сейчасъ же послѣ праздниковъ, помолвка же была какъ разъ подъ новый годъ.

Среди всей этой сутолоки мы какъ то совершенно забыли про Василія Филипповича. Онъ, правда, былъ у насъ на первый день Рождества, но въ остальные праздничные дни онъ не могъ быть, такъ какъ, по его словамъ, собирался поѣхать на родину... Несчастный всѣмъ существомъ своимъ понялъ,—послѣ той трогательной встрѣчи,—что его личному счастью пришелъ конецъ. Ждать было нечего... И вотъ съ нимъ стало происходить что-то неладное: къ нему тихо и незамѣтно подкрадывалась страшная болѣзнь—чахотка, которая, кажется, была наслѣдственной въ его семьѣ... Или, быть можетъ, онъ не могъ вынести тяжести обрушившагося на него несчастья?... Но это зналъ только онъ одинъ. Онъ съ каждымъ днемъ становился раздражительнѣе: ему стоило громаднаго труда сдерживаться при малѣйшемъ противорѣчіи. Глухой кашель то и дѣло потрясалъ его грудь; здоровый сонъ смѣнился безсонницей. Просыпаясь, онъ чувствовалъ себя покрытымъ холоднымъ потомъ...

Не зная и не вѣдая о томъ, что творится съ нимъ, мы, какъ-то катаясь вблизи графскаго имѣнія, цѣлой кампаніей рѣшили заглянуть къ Василію Филипповичу, думая, что онъ уже вернулся изъ своей поѣздки къ роднымъ, такъ какъ праздники приходили къ концу. Насъ было пятеро: я, два нашихъ моло-

дыхъ родственника, успѣвшихъ познакомиться съ Василіемъ Филипповичемъ и даже полюбить его, и двое сыновей сосѣдняго помѣщика, оканчивавшихъ курсъ гимназіи и не разъ вмѣстѣ со мною посѣщавшихъ нашего общаго пріятеля и друга. Чуть слышно подъѣхавъ къ довольно большому и красивому дому, въ которомъ жилъ Василій Филипповичъ, мы разсчитывали явиться къ нему какъ снѣгъ на голову. Гурьбой войдя въ прихожую, мы миновали другія комнаты, направляясь въ кабинетъ, и, съ осторожностью отворили дверь... но взрывъ хохота, готовый огласить комнаты, какъ бы замеръ у всѣхъ на устахъ. Худой, изможденный Василій Филипповичъ сидѣлъ у письменнаго стола, положивъ голову на руки и безутѣшно рыдалъ... Онъ долго насъ не замѣчалъ и обернулся лишь тогда, когда кто-то изъ насъ назвалъ его по имени. На лицѣ его въ ту минуту, когда онъ узналъ насъ, выразился такой ужасъ и мольба, что трудно и передать. Онъ хотѣлъ было встать намъ на встрѣчу, но тутъ же вновь упалъ въ кресло. Минуты двѣ длилась ужасная пауза; мы стояли точно окаменѣлые. Страшный, мучительный взрывъ кашля больного вернулъ намъ однако сознаніе. Я первый бросился къ нему и, припавъ къ его ногамъ, сталъ рыдать... Пустыя комнаты огласились рыданьями, и, эхо раскатисто отражая ихъ, превратило все въ какую-то юдоль плача... Мы опомнились лишь на воздухѣ, точно очнувшись отъ страшнаго кошмара, въ существованіе котораго боялись даже вѣрить.

III.

Нашъ домъ горѣлъ огнями. Торжественно праздновалась свадьба сестры. Гости сновали повсюду, гдѣ только возможно. Гремѣла музыка, и пары смѣнялись парами безъ конца. Среди нихъ, словно какіе-то языческіе боги, сидѣли на главномъ мѣстѣ виновники торжества, безъ конца принимавшіе поздравленія. Василій Филипповичъ, къ удивленію всѣхъ, знавшихъ о его болѣзни, тоже пріѣхалъ на свадьбу. Правда, это былъ не прежній жизнерадостный Василій Филипповичъ; это, скорѣе, была тѣнь его: такъ онъ былъ худъ и блѣденъ; но держалъ онъ себя съ удивительнымъ спокойствіемъ... Поздравивъ молодыхъ, онъ ушелъ въ одинъ изъ уголковъ залы и спокойно созерцалъ вальсирующихъ. Но все это, казалось, шло мимо, мимо сознанія несчастнаго Василія Филипповича. Онъ былъ какъ будто внѣ пространства и времени. Глаза лишь немного выказывали его душевное настроеніе: такъ грустно они глядѣли на окружающее. Тяжелыя думы гнѣздились, вѣроятно, въ то время у него. Этотъ шумъ и трепетъ юной жизни, которая во все еще вѣрила и надѣялась, были тономъ, рѣзко противоположнымъ его настроенію, рамой, въ которой яснѣе вырисовывалось его личное безвыходное горе. И какъ ни спокоенъ съ виду былъ онъ, взглядъ его время отъ времени останавливался на той, въ которой было его счастье и жизнь, и весь смыслъ существованія. Да, онъ крѣпился, мучительно крѣпился, какъ пораженный мечомъ рыцарь, у котораго осталась одна надежда умереть съ честью. А кругомъ шла жизнь, блестящая, шумная, счастливая и какъ всегда узко эгоистичная. Время шло своимъ чере-

ся въ комнаты, гдѣ, дѣйствительно, засталъ сестру. Она пріѣхала одна,—безъ мужа, котораго задержали въ городѣ какія-то дѣла, или служба,—не помню. Она стала какою-то серіозной, сосредоточенной и глядѣла уже совсѣмъ дамой. Начались обычные распросы о томъ, о семъ... Но я видѣлъ, что сестрѣ о чемъ то хотѣлось поговорить со мною наединѣ... Отца дома не было. Мать пошла похлопотать по хозяйству, и вотъ мы остались одни. Сестра встала и потащила меня въ садъ. Мы зашли въ самое тѣнистое мѣсто сада, въ которомъ когда-то любили вдвоемъ съ нею укрываться отъ жгучихъ лучей солнца, и она почти шопотомъ спросила меня:—„Ну, а что, какъ же *онъ?*“ Я сразу понялъ, о комъ говорится. Я зналъ, что это—Василій Филипповичъ, что имъ интересуется сестра, но не зналъ, какъ страдала и мучилась она отъ неизвѣстности, считая себя его убійцей. Не давая себѣ отчета въ своихъ словахъ, я какъ-то машинально отвѣтилъ:—„Да, онъ очень плохъ, не сегодня, завтра умретъ. Да ты лучше распроси маму“. Окликъ матери, звавшей сестру къ отцу, только что вернувшемуся домой, прервалъ нашу бесѣду, и я не могъ, конечно, видѣть того, что произошло дальше. Занявшись разсматриваніемъ привезенныхъ мнѣ сестрою въ подарокъ интересныхъ книжекъ съ картинами, я позабылъ обо всемъ на свѣтѣ... Только черезъ часъ всѣ мы были снова вмѣстѣ. Здѣсь только я понялъ,—да и трудно было не понять,—что случилось что-то ужасное. Отецъ былъ мраченъ, мать и сестра прямо обливались слезами: Василій Филипповичъ только что умеръ. Благородное и горячее сердце его не выдержало выпавшихъ на его долю страданій... и перестало биться. Больная грудь была въ конецъ надор-

вана... и жизнь, здѣсь, въ земной юдоли прекратилась... Найдетъ ли его чистая душа себѣ отраду за гробомъ?... или, быть можетъ, любовь сильнѣе смерти и... О нѣтъ! Мнѣ страстно хотѣлось вѣрить, что хоть *тамъ* измученный духъ его найдетъ себѣ успокоеніе...

Хоронили его въ то роковое утро перваго мая, которое до сихъ поръ, точно живое, стоитъ въ моей памяти. Природа была вся сплошная нѣга и красота. Май, казалось, спорилъ съ уходящимъ апрѣлемъ въ степени свѣжести и красоты, и употреблялъ всѣ свои чары, чтобы остаться побѣдителемъ. Луга и поля цвѣли своими бархатными коврами, и звонкіе голоса воздушныхъ пѣвцовъ сливались въ гармоничное цѣлое...

Было около 11 часовъ дня, когда скорбное шествіе торжественно и медленно двинулось изъ церкви. Много, много людей собрались проводить покойнаго, котораго любили и почитали всѣ окрестные жители... Увитый цвѣтами гробъ точно плылъ на рукахъ несшей его молодежи... Безконечно грустно гудѣли колокола, сливаясь съ надрывающимъ душу пѣніемъ. Трудно описать мое душевное состояніе. Я точно разставался съ самымъ дорогимъ мнѣ существомъ въ свѣтѣ. Страшно и жалко было мнѣ смотрѣть на блѣдное лицо сестры моей... Очевидно, и ей было нестерпимо жаль несчастнаго, невольною виновницей смерти котораго она продолжала считать себя...

. . . .

И каждый годъ, какъ случится мнѣ быть на родинѣ, я хожу на могилу моего незабвеннаго Василія Филипповича, и все инымъ, и лучшимъ онъ возстаетъ въ моемъ воображеніи. Годы идутъ и цѣли жизни мѣняются, но остается такимъ же милымъ мнѣ его образъ. Проходятъ тысячи картинъ, смѣняется обста-

новка, но все по прежнему грустно, и мягко глядятъ очи, дорогія мнѣ, и точно говорятъ они: нѣтъ правыхъ, нѣтъ виновныхъ; есть одна неумолимая, неотразимая сила судьбы. И долго стою я, объятый этими мыслями, душа, невольно умиляясь, молитвенно настраивается, и слезы струятся по моему лицу, падая капля за каплей на могилу несчастнаго... И я отъ всего сердца желалъ бы, чтобы отъ моихъ слезъ—вспоенные ими—выросли бы на могилѣ дорогого Василія Филипповича чудные цвѣты, какіе не могутъ быть посажены грѣшными руками людей, и чтобы,—лишь только зацвѣтетъ сирень,—на могилу страдальца прилеталъ соловей и пѣлъ бы ему дивную пѣснь о счастьѣ, котораго не зналъ этотъ благородный человѣкъ при жизни...

Nemo.

У ОКОПА.

Разсказъ изъ Русско-Японской войны.*)

Слышь, милый человѣкъ, нѣтъ ли у тебя огоньку?

— Есть, паря. Курить хочешь? Смотри, одначе, тихо надо...

— Ну, пошелъ ты: я въ акуратѣ! Больно курить то охота...

И солдатикъ Антонъ, съ трудомъ вытащивъ изъ кармана пестрый кисетъ, принялся набивать трубку, тщетно стараясь укрыть ее отъ дождя.

— Ишь, вѣдь, льетъ то какъ—ворчалъ онъ про себя—удержу ему нѣтъ окаянному!..

— Ты, того, ужъ погляди—обратился онъ снова къ товарищу по сторожевому посту односельчанину Антипу;—*его* что-то не слышно,—живо добавилъ онъ, пристально вглядываясь въ даль.

— Темень-то, темень какая—страсть! Вплотную подойдетъ японецъ-то, такъ и то не увидишь;—такъ ты, того, посмотри—обратился онъ еще разъ къ Антипу и медленно сталъ спускаться съ пригорка. Слышно было, какъ осторожно спускался онъ, и какъ катились съ откоса срывавшіеся изъ подъ ногъ его камни. Потомъ все стихло.

А тамъ, за рѣкой, у японцевъ было тихо и необычно спокойно. Вдоволь, знать, натѣшились они за день безумной забавой, и мирно отдыхаютъ теперь,

*) Разсказъ описываетъ одинъ эпизодъ восьмидневнаго боя при рѣкѣ Шахэ (28 Сентября 1904 года начало боя).

чтобы съ утра начать ее снова. Темно и тихо-тихо, словно и не на войнѣ... ни звука, ни огонька на берегу. Шахэ и та потонула во мракѣ ночи и только веселое журчанье ея неясно доносится до пригорка. Чистая Шахэ! Останешься ли ты такою до утра? Не обагрятся ли на зарѣ берега твои горячей кровью, и ручьи ея, какъ дождевые потоки, не хлынутъ ли въ тебя и не смѣшаются ли съ твоею чистою водой? Какъ вчера взойдетъ заря, но ужъ не отразить тебѣ въ своихъ водахъ голубыхъ небесъ, чужая, холодная Шахэ, напоенная кровью!..

Чего хотятъ, что дѣлаютъ эти люди? Для чего они льютъ потоки дорогой человѣческой крови? Зачѣмъ они посылаютъ на смерть своихъ братьевъ, и тѣ покорно идутъ и душатъ другъ друга? Когда два врага стоятъ лицомъ къ лицу, пусть они бьются, потому что они сознаютъ за что... Но вы, солдатики, за что вы бьетесь, и за что, какъ звѣри, перегрызаете другъ другу горло... За судьбу родины?.. О, Шахэ! почему же, чтобы искусить слѣпую судьбу, нужны потоки горячей человѣческой крови!?..

Весело бурлитъ—играетъ Шахэ и смѣло бѣжитъ дальше. Много столѣтій бѣжитъ она, и много крови пролилось на ея крутыхъ берегахъ... А сколько чудныхъ словъ слышала она отъ пророка, учившаго любить другъ друга, бояться убійства: толпы людей въ безмолвномъ восторгѣ внимали ему... но шли годы и снова кровь лилась рѣкою... Бурлитъ и плачетъ. Шахэ.*)

*) Китайскій мудрецъ Лаотсе или Липеянгъ, современникъ Конфуція (VI в. до Р. Х.), въ своемъ глубокомысленномъ и туманномъ сочиненіи „Уставъ разума и добродѣтели“ ставитъ конечною цѣлью человѣческихъ стремленій самоусовершенствованіе и выше всякихъ обязательныхъ взаимныхъ отношеній считаетъ любовь ко всему человѣчеству, любовь до того возвышенную, что она отвѣчаетъ добромъ за зло. Примѣч. Редакціи.

Антонъ долго сидѣлъ безмолвно въ дали отъ пригорка, забывъ объ опасности, отдавшись своимъ невеселымъ думамъ.

Дождь пересталъ, и изъ разорвавшихся тучъ взлянула тусклая, блѣдная луна. На посвѣтлѣвшемъ горизонтѣ показались неясныя очертанія горъ. Выплыли изъ мрака крыши одинокихъ фанзъ у подошвы холмовъ и стройные вязы, и широкія развѣсистыя ивы кругомъ нихъ... Узкой серебряной лентой блеснула внизу Шахэ... А тамъ за ней, въ туманной дали, на фонѣ голубыхъ горъ показался *ихъ* станъ. Вотъ кучи снятаго гаоляна, чумизы .. Вонъ фанзы, деревушка... Какая странная тишина на этомъ берегу! Не вѣрится, что нѣсколько часовъ назадъ земля дрожала отъ грома орудій, что смерть витала надъ каждой ея пядью. Хочется думать, что это было давно, что все уже кончено, что никто не разгонитъ чаръ этой дивной ночи, что завтра съ зарею изъ этихъ фанзъ выйдутъ мирные люди и вмѣстѣ примутся за уборку этого гаоляна...

— Ну, и благодать же!—неожиданно прервалъ задумавшагося Антипа Антонъ, возвратившійся къ посту;—гляди-кось, красота то какая!. И тихо таково, точно и ни на войнѣ... дома будто, у себя въ Веселовкѣ—со вздохомъ договорилъ онъ. Небо совсѣмъ очистилось отъ тучъ, и непріятельскій берегъ былъ видѣнъ, какъ днемъ, до самыхъ сопокъ. Вотъ окопы, прямые, длинные; вонъ другіе, повыше... много ихъ! А внизу, до самой рѣки, стоятъ среди поля, точно часовые, копны сжатаго гаоляна;—вездѣ, куда хватаетъ глазъ, темнѣютъ ихъ черныя пятна, одни меньше, другія больше и шире, словно кучки людей... А можетъ, и правда люди?..

Антонъ приподнялся и сталъ вглядываться въ даль. Вотъ отъ одной копны отдѣлилась черная тѣнь и перебѣжала къ другой... Что это?..

— Хоронись, Антонъ, идутъ —вдругъ тихо проговорилъ Антипъ, и быстро спустился съ пригорка. И точно: въ слѣдъ ему на берегу что то вспыхнуло, щелкнуло, и знакомый надоѣвшій свистъ пули раздался надъ головой Антона. Онъ невольно прилегъ къ землѣ и схватился за ружье.

— Разъ-разъ-разъ... послышалось опять щелканье на томъ берегу и гулкимъ эхомъ пронеслось по холмамъ; двѣ японскія пули—одна за другой—тяжело шлепнулись о землю около пригорка.

— Примѣтили идолы... подумалъ Антонъ, и согнувшись тихо сталъ спускаться съ откоса къ Антипу. Тотъ съ ружьемъ въ рукѣ осторожно подползъ къ одинокому дереву, всталъ, и сталъ смотрѣть; вотъ опять чья-то фигурка отдѣлилась отъ копны. Антипъ приложился и выстрѣлилъ: фигурка какъ-то странно взмахнула руками и сразу осѣла на землю. И вдругъ, точно въ отвѣтъ, по всей ихъ линіи раздалася тревожная трескотня ружей,—за ними, покрывъ все, загудѣли пушки, и японскія шимозы яркимъ огненнымъ вѣеромъ посыпались на нашъ берегъ.

Ряды маленькихъ фигурокъ выскочили откуда-то изъ-за темныхъ фанзъ и съ крикомъ бросились къ рѣкѣ.

Тихой красотѣ ночи насталъ конецъ.

II.

Надо было уходить въ окопы. Вездѣ, точно пчелы передъ дождемъ, летали свистя и жужжа непріятельскія пули; все чаще и ближе съ воемъ и свистомъ рвались шрапнели, и высоко надъ головами, точно огромные майскіе жуки, гудѣли шимозы.

Наклоняясь передъ каждымъ снарядомъ и съ трудомъ пробираясь въ лабиринтѣ хорошо знакомыхъ проволочныхъ загражденій и ямъ, Антонъ и Антипъ добѣжали до перваго окопа и, мокрые, усталые, тяжело спрыгнули въ жидкую липкую грязь окопа.

— Эхъ-ма!.. сокрушенно вздохнулъ Антонъ, чувствуя, какъ холодная вода проникаетъ въ дырявый сапогъ. И, поднявъ ногу, онъ все съ тѣмъ же серьезнымъ лицомъ внимательно осмотрѣлъ и потрогалъ рукою отставшую подошву.

— Обвязать бы чѣмъ...—подумалъ онъ, и взглядъ его тоскливо пробѣжалъ по лицамъ товарищей, стоявшихъ въ окопѣ же. Антонъ машинально перекрестился, осмотрѣлъ замокъ ружья и сталъ въ рядъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ Антипъ.

— Близко! шепнулъ онъ Антону, указывая впередъ.

Японцы, дѣйствительно, перешли рѣчку, и длинными стройными рядами шли по песчанному берегу, прямо на окопы, и тоже не стрѣляли. Вдругъ ряды ихъ разстроились, и японцы съ дикимъ крикомъ бросились впередъ.

— Банзай-а-ай!—могучей волной—пронеслось въ воздухѣ и докатилось до окопа. И при звукѣ этихъ дикихъ голосовъ Антипа вдругъ охватилъ ужасъ, какого онъ не испытывалъ съ дѣтства. Сердце мучи-

тельно сжалось, и онъ вдругъ ясно, всѣмъ существомъ почувствовалъ, что это смерть. Съ необыкновенною ясностью мелькнули передъ нимъ лица жены и дѣтей его. Внѣ себя отъ ужаса онъ вдругъ сорвался съ мѣста, выскочилъ изъ окопа и бросился впередъ по камнямъ и рытвинамъ, прочь отъ этого смертнаго окопа, отъ этихъ бѣгущихъ озвѣрѣвшихъ людей...

— С-с-скотина!—сквозь зубъ прошипѣлъ офицеръ и схватился за револьверъ. Но вдругъ надъ головами раздался знакомый губящій вой—шимозы и всѣ, точно по командѣ, низко наклонились надъ окопомъ.

— Жжж-бумъ!—раздалось за спиною Антона, и комья земли и странные теплые и мягкіе обрывки чего-то покатились съ откоса ему въ шею. Стало тихо.

— Смирно! Пачки, готовсь!—вдругъ раздался спокойный голосъ офицера:

— Пли!..

И точно барабанная дробь сухимъ трескомъ вдругъ прокатилась въ воздухѣ: рrразъ, рrразъ, разъ!.. Передніе ряды японцевъ вдругъ раздались опять и смѣшались. На нѣкоторое время они пріостановились, но потомъ, быстро сомкнувшись, опять съ дикимъ воемъ бросились впередъ.

—Ай-ай-ай!.. звенѣли передъ окопомъ ихъ высокіе нечеловѣческіе голоса.

Когда очередь дошла до Антона, онъ сталъ стрѣлять вмѣстѣ съ другими, не цѣлясь и не глядя впередъ. Что-то дрожало внутри. и мѣшало сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ: мысли безпорядочно роились въ головѣ, путаясь и куда-то пропадая безслѣдно.

Глаза невольно закрывались, и трудно было понять, подошелъ ли непріятель вплотную, и страшно было выглянуть за брустверъ.

— Господи Іисусе. Серафимъ Угодникъ!—шептали его побѣлѣвшія губы.

Вдругъ страшный крикъ раздался надъ самой головой Антона, и широкое скуластое лицо японца въ маленькомъ киверѣ мелькнуло передъ глазами.

— Пора!—толкнулъ его кто-то.

— Урра!—вдругъ закричалъ онъ такимъ же не своимъ голосомъ и, выстрѣливъ вверхъ, выскочилъ изъ окопа.

— Урра!—и онъ бросился на маленькаго, тяжело дышавшаго и переваливающагося японца, и, глядя въ упоръ ему въ лицо, съ размаха ударилъ его штыкомъ въ животъ. Что-то хрустнуло внутри японца, онъ всплестнулъ руками и выронивъ ружье, ничкомъ повалился на землю, отломавъ штыкъ у Антонова ружья. И въ тотъ же мигъ чье то свѣтлое остріе сверкнуло передъ глазами Антона и больно рѣзнуло его по плечу... Красные круги вдругъ запрыгали въ глазахъ, потомъ все потемнѣло, и Антонъ упалъ, какъ подкошенный...

И снится Антону чудный сонъ. Видитъ онъ, будто подходитъ къ родной Веселовкѣ... Завѣтный крестикъ бѣлѣетъ у него на груди... На душѣ у Антона легко и такъ радостно-тихо, а ноги, точно сами собой, быстро, чуть касаясь земли, несутъ его внизъ съ пригорка... Вотъ и ровъ, и плетни родного села... и привѣтливо на встрѣчу ему машетъ крыльями старая мельница... Вечерѣло... Гнали съ выгона скотину, и легкое облако пыли стояло надъ улицей. Со

дворовъ выходили женщины съ ведрами въ рукахъ и перекликались другъ съ другомъ. Съ подернутыхъ дымкой низовъ тянуло прохладой и сыростью; но вдругъ откуда то сверху налетѣла теплая волна и съ ней донеслось чье то далекое пѣніе: сначала чуть слышно, потомъ все яснѣе и громче. Пѣли хоромъ что то стройное и красивое, и сильные молодые голоса звонко неслись во мракѣ надвигавшихся сумерокъ, навѣвая бодрое и веселое настроеніе.

Заслушался Антонъ и очнулся только у своего дома.

— Ой ли? усумнился Антонъ.—Онъ, онъ самый, вотъ и ветла осталась! А тамъ, чьи же это ребята-то играютъ? Ништо мой? Васька, Васютка! подь-ка сюда родной!

— Тятенька, тятя!—вдругъ кинулись къ нему на шею дѣти; мамка-а!—кричатъ—тятя пришелъ!..

Выскочила изъ воротъ жена съ подоткнутымъ подоломъ и съ громкимъ плачемъ повалилась къ ногамъ Антона.

— Болѣзный ты мой, батюшка родненькій—причитала она—извели то тебя какъ, нехристи, на чужой сторонѣ!..

Но Антонъ ужъ отъ радости ничего не слышитъ и не видитъ. Тяжело дыша, онъ прижалъ Васютку къ груди и чуствуетъ только, какъ горячія слезы текутъ по лицу и капаютъ съ него, одна за другой, тяжелыми каплями на земь...

III.

Очнулся Антонъ, открылъ глаза, и никакъ не можетъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ. Закрылъ опять глаза и сталъ припоминать.

— Гдѣ-жъ это я? лежу... одинъ. Лицо, будто, мокрое. Дождь? Да, вонъ тучи бѣгутъ по небу черныя! Ахъ, нѣтъ! вспомнилъ вдругъ онъ—плакалъ это я сейчасъ, Васютку на рукахъ держалъ...

И онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы встать. Но вдругъ страшная боль въ плечѣ и головѣ, точно яркая молнія, пробѣжала по тѣлу, какъ молнія, освѣтила ему все. Онъ понялъ, что онъ далеко отъ дома, что раненъ и лежитъ у своего окопа одинъ среди труповъ... Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу и горячія слезы невольно потекли по его побѣлѣвшимъ щекамъ.

Шелъ дождь, и должно быть онъ весь промокъ, хотя онъ этого не чувствовалъ: тѣло было тяжелое, точно налитое свинцомъ и точно чужое. Вдали раздавался сухой трескъ ружейныхъ залповъ и глухіе удары орудій, крики и шумъ, но все это доносилось до него чуть слышно, словно изъ-за глухой стѣны. Головѣ было неудобно, губы ссохлись и во рту горѣло.

— Испить бы—подумалъ онъ.

Долго лежалъ такъ Антонъ въ полузабытьи какъ вдругъ точно подтолкнуло его что-то и заставило открыть глаза: онъ явственно почувствовалъ рядомъ съ собой другое живое существо, и въ тотъ же мигъ чей-то стонъ тихій и жалобный, но отчетливо донесся до его слуха. Онъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе и повернулъ туда голову.

— Раненый, значитъ, рѣшилъ Антонъ, только который же? Тотъ? Нѣтъ, не должно, голова то... мозги наружу. Этотъ, знать... японецъ? Онъ... движется... рядомъ совсѣмъ.

Теперь Антонъ ясно видѣлъ большую черную голову, покрытую короткими волосами, и все, приникшее къ землѣ, туловище японца. Онъ лежалъ ничкомъ, лицомъ въ землю и медленно двигалъ руками и ногами, точно собираясь плыть.

— Ишь, распластался, сердешный!—подумалъ Антонъ: стонетъ все.... и что бы притти кому? Нѣтъ никого... оставили...

Японецъ опять застоналъ и задвигалъ головой.

— Что это онъ?—сталъ всматриваться Антонъ—зубами, будто... Матерь Божья! вѣдь это онъ землю гложетъ, не втерпежь стало, и на спинѣ то кровь, почернѣло инда все... Да что у него тамъ? блеститъ будто что-то?.. Неужто штыкъ! Штыкъ и взаправду, и остріемъ кверху!..

Антонъ закрылъ глаза. Снова какой то шорохъ заставилъ его открыть глаза. Японецъ пересталъ двигаться и повернулся къ нему лицомъ.

— Какая страсть-то, Господи! прошепталъ Антонъ. Вмѣсто лица передъ нимъ была сплошная окровавленная масса; но, несмотря на это, на лбу все-таки рѣзко выступалъ старый шрамъ...

— Стой! закрылъ глаза Антонъ—гдѣ я видѣлъ эти глаза и шрамъ?.. О-о-о!! холодный потъ выступилъ у него на лбу—это онъ... тотъ... штыкъ то мой!.. И Антону показалось, что японецъ тоже узналъ его. Что то сжалось въ груди Антона, и онъ потерялъ сознаніе...

Очнулся онъ поздно. Голова горѣла, какъ въ огнѣ, и дыханье больно отдавалось въ груди. Дождь уже пересталъ, и солнце ярко свѣтило. Издали чуть слышно доносился все тотъ же неясный, смѣшанный гулъ. Антонъ вспомнилъ о японцѣ, повернулъ къ нему голову: тотъ все смотрѣлъ на него дикими широкооткрытыми глазами, но не двигался... Японецъ умеръ.

— Господи, прости мнѣ... беззвучно прошепталъ Антонъ и отвернулся.

Передъ глазами опять окопъ. Какъ измѣнился онъ: весь точно сохой вспаханъ, вездѣ борозды, ямы... и какъ много людей!.. какъ живо, какъ страшно лежатъ они... рядомъ, одинъ на другомъ... Гдѣ вы теперь, люди? гдѣ ваша вражда, ваша ненависть? Если есть у васъ еще души и если онѣ здѣсь, что думаютъ, что чувствуютъ онѣ теперь?.. Вотъ рука— здоровая, сильная по виду, со сжатымъ кулакомъ, поднятая вверхъ. Грозитъ она? Кому? за что? Поздно! спи мирнымъ сномъ, лежи и жди... пока, другіе поднимутся и отомстятъ за тебя!!.. А вотъ: какое хорошее молодое лицо!.. и улыбается будто, глаза полуоткрыты... Смѣешься ты? надъ чѣмъ? Надъ тѣмъ ли, что нашелъ ты наконецъ роковую разгадку, понялъ то, что заставило тебя и всѣхъ, итти сюда на поле смерти?.. Спи мирно ты! Близокъ, быть можетъ, день, когда люди поймутъ это всѣ и не такой дорогой цѣною, какой ты!.. Тяжело Антону, тошнитъ и жжетъ въ груди и въ горлѣ! Воздухъ жаркій и душный, и полонъ красными шарами; и отъ нихъ, какъ отъ труповъ, пахнетъ кровью... Антонъ повернулъ голову и сталъ смотрѣть внизъ. Хорошо, должно

быть, тамъ, на рѣкѣ. Тихо. Туманъ будто поднимается... И вчера было тихо, и рѣка плескалась также, когда они сидѣли на пригоркѣ съ Антипомъ... Гдѣ жь теперь Антипъ? Да... тамъ, за окопомъ... гдѣ разорвалась шимоза...

— Каррръ...—раздалось надъ головой Антона— каррръ, каррръ!..

Антонъ вздрогнулъ и открылъ глаза: прямо надъ нимъ, надъ самой головой кружился огромный воронъ, выбирая жертву, и точно не рѣшаясь, кого предпочесть...

— Господи! Неужто-жь на меня?—ужаснулся Антонъ, и сдѣлалъ усиліе, чтобы поднять руку, но она безсильно осталась лежать на землѣ. Воронъ спускался все ниже, но вдругъ быстро метнулся въ сторону и сѣлъ на японца. Антонъ облегченно вздохнулъ, но вздохъ точно кольнулъ его въ грудь. Голова опять закружилась отъ запаха крови, и красные круги опять запрыгали въ глазахъ. Нога скользнула по мокрой кровавой землѣ и безпомощно свѣсилась въ низъ.

— Что тамъ? Яма? Волчья яма... для людей... Антонъ повернулъ голову и заглянулъ внизъ.

— Что это? тамъ, кажись, кто то лежитъ? Какъ это онъ? Упалъ, знать, назадъ... на колъ... видно острый онъ?

Антонъ собралъ послѣднія силы, поднялъ голову и еще разъ заглянулъ въ яму. Солдатикъ лежалъ на днѣ ямы съ коломъ въ боку и, запрокинувъ назадъ голову, смотрѣлъ на него. Онъ не стоналъ, не двигался, но въ его остановившихся глазахъ и бѣломъ, страшно спокойномъ лицѣ было такое страданье, что Антонъ, весь содрогнувшись, со

стономъ закрывъ глаза, уронилъ на землю голову.

И вдругъ какое то тупое и равнодушное спокойствіе стало овладѣвать имъ, и все сразу стало такъ просто, ясно и безразлично. Что то огромное, тяжелое и мрачное надвигалось на него и давило грудь, а глаза вдругъ наполнились голубоватымъ яснымъ свѣтомъ. И онъ понялъ, что умираетъ, и, открывъ глаза, сталъ спокойно смотрѣть въ бездонное звѣздное небо.

Онъ умиралъ тихо, безъ стона и жалобы, и только горячія слезы ручьемъ текли по побѣлѣвшимъ щекамъ и русой бородѣ, да широко открытые голубые глаза, казалось, съ тоской вглядывались въ холодное сіявшее надъ нимъ небо, точно силясь на немъ прочесть отвѣтъ на роковую загадку: за что?... *)

Владимиръ Кулланда.

*) Примѣчаніе Редакціи. Разсказъ, несомнѣнно имѣющій свои достоинства, написанъ, конечно, подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ пораженій, понесенныхъ нами въ послѣдней войнѣ. Отсюда и мрачное настроеніе автора, который, очевидно, горячій противникъ войны и всякаго пролитія крови вообще. Наши враги—японцы, занявшіе послѣ войны почетное мѣсто среди другихъ народовъ міра, разсуждаютъ совершенно иначе: для нихъ дороги мѣста ихъ побѣдъ; они стараются увѣковѣчить ихъ въ памяти народа; юношей посылаютъ осматривать поля битвъ; могилы воиновъ-героевъ сдѣлались предметомъ національнаго культа. Не безсильными слезами надъ безвременно погибшими можно помочь нашему горю, а упорнымъ трудомъ, неослабною энергіею нужно загладить тяжелые слѣды нашихъ неудачъ, нашего позора, какъ подобаетъ великому народу...

НА КАЛАНЧѢ.

Сценка съ натуры.

Горитъ сосѣднее татарское село. Черный дымъ огромнымъ столбомъ подымается изъ-за гуменъ села Н-скаго.

На небольшой пожарной каланчѣ толпится народъ. Тѣснота страшная.

Идетъ оживленный разговоръ.

— Эхъ, какъ его!.. Э!.. Э!.. Такъ и вымахиваетъ...

— Да, пожаръ здоровый, что и говорить...

— А татарье-же, чай, мечется!.. Алла вамъ, ребята!.. Всѣмъ алла!..

— Скоро до мизгича деберется...

— Ну еще не скоро!.. Это только видимость такая, а то гдѣ тамъ...

— До мизгича-то съ версту будетъ.

— До мизгича!.. Сморозили тоже!.. Анъ не видишь, Дебердеевъ порядокъ горитъ!?..

— Ну такъ что-же?

— Ну что же?!.. Гдѣ онъ, Дебердеевъ-то порядокъ? По вунету сторону оврага...

— Да что тутъ вунета-то сторона!.. Глянь-ко вѣтеръ-то, да сушь-то какая!.. Поди, саженей на двѣсти кидатъ.*)

— На дв... Ой!.. Да легонько вы, черти! Ну что за народъ такой!.. Ну куда вы лѣзете?!..

— Туда же, куда и ты!

— Да развѣ можно такъ!... Черти, право!

---

*) Печатается съ сохраненіемъ мѣстнаго произношенія.

— Ну, пусти!.. Не великъ баринъ!..

— Да что, правда! Чай всѣмъ посмотрѣть-то хочется... Въ одномъ углу стоитъ толстенькій, рябой волостной писарь, и разговариваетъ съ псаломщикомъ, рослымъ, плечистымъ парнемъ.

— А я, братъ, требу бросилъ,—говоритъ псаломщикъ. Крестины тамъ что-ли какія-то... Вышелъ это я изъ калитки,—слышу пожаръ... Ну я, значитъ, подобралъ полы-то, да мимо церкви-то и сюда...

— До крестинъ-ли тутъ!.. У меня, понимаешь-ли, и теперь и руки, и ноги трясутся... Сидимъ это мы въ волостной: я, да Василь Иванычъ—помощникъ, да изъ Тихменевки сельскій писарь, Ванька... Сидимъ это—въ преферансъ играемъ... Вдругъ Василь-то Иванычъ какъ крикнетъ: „куда это народъ-то валитъ?"... У меня инда вотъ гдѣ екнуло... Оглянулся и впрямь... Что, думаю, за оказія?.. Тревоги нѣтъ, а народъ бѣжитъ куда-то?..

— Какъ увидѣлъ это я,—такъ просто чертъ знаетъ, что со мной случилось... Василь-то Иванычъ хлопъ вдругъ валета трефей,—„пусть ихъ, говоритъ, бѣгаютъ"... А у меня тузъ былъ... Надо ба прихлопнуть, а я съ дуру-то девятку... Безъ одной остался...

— Никакъ батюшка идетъ!?.. Эй, народъ! Слѣзай которые! Слѣзай, говорятъ!...

— Ну, а ты потише!.. Шелъ бы самъ-то въ карты играть... На мірскія-то дѣла нѣтъ васъ...

— Слѣзай, Никитъ! Стоитъ говорить... Батюшка идетъ...

Нѣсколько мужиковъ,—поскромнѣй и побѣднѣй,—молча слѣзаютъ. На каланчу подымается священникъ. Онъ усталъ.

— Фу!.. Какая кручь лѣстницы-то у васъ.

— Да, крутоваты немножко!—вмѣшался писарь.— Благословите, батюшка.

— Сила-то, сила-то какая... Господи! Такъ и рветъ...

— Божье насланье—не иначе...—сказалъ толстый, краснощекій лабазникъ.

— Во истину Божье насланіе,—повторилъ батюшка.

— Сказываютъ, тихменевскій управляющій поджогъ,—вмѣшался тщедушный мужиченка.

— Ори больше!—огрызнулся на него писарь.—Съ какой стати управляющій станетъ?.. Что онъ за поджигатель?..

— Да вѣдь такъ сказываютъ, Степанъ Иванычъ,— оправдывался струсившій мужиченка.—За прошлогоднее, сказываютъ...

— Божье наказанье это,—строго возразилъ батюшка. —Съ какой стати тихменевскому управляющему народъ жечь... Не иначе, какъ Божье насланье за грѣхи наши, за нерадѣніе...

— Храмомъ Божіимъ пренебрегаютъ,—продолжалъ батюшка, обращаясь къ тщедушному мужиченкѣ,—за буйства ваши крестьянскія, за неповиновеніе начальству,—вотъ за что... Опять-же долговъ своихъ не исполняете...

— Это вѣрно!—подтвердилъ писарь.

— А какъ же?!.. Ты сколько причту яицъ то далъ за перепись душъ?—говорилъ псаломщикъ мужиченку. —Шесть за четыре души-то!?.. А надо восемь...

— Да не было, какъ на грѣхъ, о ту пору...—возразилъ смущенный мужиченка.

— Нерадѣніе ваше къ своимъ обязанностямъ,— и больше ничего! И всѣ вы нынче такіе...—продол-

жалъ батюшка.—Видишь, какая страсть-то!... О, Господи, Господи!.. Ну, слазить пора!...

— Мужикъ, что и говорить, совсѣмъ отъ рукъ отбился: избаловался, излѣнился въ конецъ,—ввернулъ писарь, слѣзая за батюшкой —Вишь, вся деревня на лицо... работу побросали,—словно ихъ избы-то горятъ...

По уходѣ священника, площадка снова наполнилась народомъ.

— За что это тебя, Никитъ, попъ-то?..—спрашивали мужиченку.

— Такъ... за глупости...

— А сильно горитъ-то!..

— Что и говорить!

— Да! А мы это съ Федоромъ сидимъ у Степаниды, да выпиваемъ,—разсказывалъ неуклюжій, худой мужикъ въ красной рубахѣ.—Только это вторую на столъ,—слышимъ пожаръ... Барыню-то въ карманъ, да и айда сюда... Вотъ она!..—И мужикъ показалъ изъ кармана горлышко бутылки.

— Опять, братъ, разрѣшилъ?

— Чудакъ-голова!.. Да развѣ я переставалъ?! Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ муку грузили, такъ словно колъ во мнѣ стоитъ: нельзя ни согнуться, ни разогнуться. Говорятъ—кишку надорвалъ... Ходилъ въ больницу... Дали мнѣ тамъ чего-то, да нѣтъ толку... Сказывали мнѣ на сторонѣ: пей, говоритъ, водку съ стрючковымъ перцемъ... Ну пока пьешь—ничего будто; какъ пересталъ—начинай сначала..

— А до мизгича доберется?!..

— Доберется, пожалуй! Айда, ребята!

Е. Л.

СЕМЕНЪ и МИТЬКА.

Разсказъ.

И Семенъ и Митька были мірскіе пастухи. Семенъ считался главнымъ пастухомъ и получалъ сорокъ рублей въ лѣто, а Митька былъ подпасокъ и получалъ всего лишь двадцать рублей. Семену было уже лѣтъ подъ сорокъ. Онъ былъ высокаго роста, худой и широкоплечій. Голова у него была большая на длинной тонкой шеѣ; лицо рябое и некрасивое: тупой огромный носъ, широкій ротъ и большія отвислыя уши. Только глаза немного скрашивали все лицо: они были большіе, на выкатѣ, сѣрые, и выраженіе ихъ было доброе, ласковое и боязливое. Руки у Семена были длинныя, ноги—тоже, съ выдавшимися впередъ колѣнками.

Одежда его была во всемъ согласна званію: на головѣ большая баранья шапка, которую онъ носилъ и зимой, и лѣтомъ; на плечахъ рваный зипунъ, изъ дыръ котораго выглядывала красная самотканная рубаха; на ногахъ синіе самотканные портки, съ протертыми колѣнками, небольшія грязныя онучи и огромные истоптанные лапти.

Все необходимое было всегда при немъ: грязный мѣшокъ на мочальной веревкѣ, крестъ-на-крестъ перехватывающей грудь, длинная черная плеть, да огромная дубина изъ вяза—вотъ и все. Ходилъ Семенъ какъ то съ развалкой, былъ неповоротливъ и недогадливъ на всѣ другія дѣла, кромѣ одного своего

пастушьяго... Однимъ словомъ, онъ былъ не „фертикультяпистъ“, какъ говорили про него въ деревнѣ.

Зато Митька былъ какъ разъ противоположность Семену. Это былъ мальчикъ расторопный, юркій и веселый. Ему шелъ двѣнадцатый годъ; роста онъ былъ небольшого: бѣлокуръ и съ быстрыми умными глазами. Нарядъ его былъ также незатѣйливъ: плохенькій зипунишко, солдатскій картузъ, сумка, плеть и только.

И Семенъ, и Митька были безродны. У Семена была когда-то жена, но отъ нужды ушла въ городъ въ кухарки, да тамъ и застряла. А Семенъ, по своей малоспособности къ крестьянскому хозяйству, нанялся въ мірскіе пастухи, и вотъ уже лѣтъ пятнадцать только и зналъ это ремесло.

Митька же не помнилъ, какъ и когда умерла его мать, а отца убили на войнѣ, когда Митькѣ было семь лѣтъ. Жилъ Митька у дяди, и какъ только онъ подросъ, дядя и отдалъ его на освободившееся мѣсто въ подпаски къ Семену, чтобы не держать лишній ротъ.

Вотъ и очутились эти два „голыша“ вдвоемъ среди поля, подъ открытомъ небомъ. Дико показалось сначала Митькѣ въ полѣ послѣ веселой деревни, гдѣ у него были товарищи... Да къ тому же и боялся онъ Семена, его страшной фигуры. Митька помнилъ, какъ грозилъ ему дядя, когда онъ, бывало, разбалуется. „Вотъ постой, говорилъ дядя, отдамъ тебя въ пастухи, тогда узнаешь Кузькину-то мать... Онъ те Семенъ-то покажетъ“... Поэтому Митька страшно боялся и пастушества, и Семена. И когда Семенъ, по очереди, приходилъ къ нимъ ужинать и ночевать,—Митька прятался на палати,и оттуда украдкой посматривалъ на страшнаго Семена.

И вдругъ Митька очутился въ пастухахъ вмѣстѣ съ Семеномъ. Какъ ни страшно ему было сначала, однако онъ скоро привыкъ. Вмѣсто страшнаго Семена, онъ увидалъ въ немъ молчаливаго, добраго мужика. Семенъ никогда не кричалъ, не бранилъ Митьку, а напротивъ, когда тотъ начиналъ разговаривать,—Семенъ какъ-то безпомощно виновато улыбался; и что бы Митька ни говорилъ,—Семенъ всегда соглашался, качалъ своей огромной головой, и широко раздвигалъ и безъ того большой ротъ. Семенъ, казалось, жилъ интересами Митьки.

И Семенъ и Митька скоро сдружились. Такъ ихъ и звали на селѣ товарищами. Придетъ Семенъ или Митька въ очередную избу ночевать,—хозяинъ непремѣнно спроситъ: „а гдѣ твой товарищъ-то?“ „Сейчасъ придетъ... къ Матренѣ (или еще къ кому-нибудь) зашелъ“...—отвѣтитъ и тотъ, и другой, и обязательно улыбнется.

Вся ихъ жизнь протекла тамъ, въ полѣ, вдали отъ деревни, среди луговъ, подъ палящими лучами лѣтняго солнца.

Сядетъ, бывало, Семенъ на межѣ, подопретъ свою большую голову руками, облокотившись на колѣни, и сидитъ молча, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Митька также присядетъ невдалекѣ, вытащитъ изъ-за пояса прядь кудели, надѣнетъ на большой палецъ ноги начатую плеть и начинаетъ плести. Митька не сидитъ молча, какъ Семенъ, онъ постоянно или что нибудь поетъ, или разговариваетъ самъ съ собой и съ Семеномъ.

— А важная плеть выйдетъ,—говоритъ онъ Семену,—пожалуй, лучше твоей.

Семенъ медленно поднимаетъ голову, и начинаетъ разсматривать свою плеть.

— И то, лучше...—отвѣчаетъ онъ, и при этомъ наивно улыбается.

А въ ину пору, когда лѣтнее обѣденное солнце нещадно палитъ землю, и стадо смирно стоитъ, собравшись въ кучу,—можно видѣть, какъ и Семенъ и Митька усердно работаютъ въ оврагѣ. Митька маленькой деревянной лопаткой роетъ въ крутомъ берегѣ большую нору, а Семенъ выгребаетъ землю своими огромными руками.

— А ты чище, чище, Семенъ!—командуетъ Митька.

— Да я и то... гоже...—отвѣчаетъ тотъ.

Наконецъ нору вырыли. Митька быстро ныряетъ въ нее, и исчезаетъ въ ея изгибахъ.

— Полѣзай Семенъ!—кричитъ онъ оттуда. Семенъ нагибается и лѣзетъ въ нору.

— Нѣтъ, тѣсно, Семенъ!—говоритъ Митька.

— Тѣсно, Митька... Надо еще...

— Да ты скинь сумку-то!... Куда ты въ ней прешь...

— И то...

Семенъ вылѣзаетъ, складываетъ сумку, и снова лѣзетъ въ нору. Наконецъ кое какъ онъ усаживается.

— А вѣдь гоже, Семенъ!?

— Гоже, Митька...

— А въ дождикъ ежели... страсть гоже...

А то скучно Митькѣ покажется,—онъ и говоритъ Семену:

— Картошки бы теперь печеной поѣсть!

— И то...

— Бѣги, Семенъ, за картошкой, а я огонь раздувать буду.

И Семенъ, что есть духу, бѣжитъ съ версту за картошкой, вырываетъ безъ разбору курни, накладываетъ въ полу картошки, и бѣжитъ назадъ.

— Ну, вотъ и ладно,—говоритъ Митька,—значитъ поѣдимъ.

Напекутъ картошки и ѣдятъ.

— Сладко!—говоритъ Митька.

— Ужасть!...—отвѣчаетъ Семенъ.

Поѣдятъ и опять усядутся молча.

Митька начинаетъ плести свою плеть, а Семенъ ляжетъ вверхъ животомъ на припекѣ, грѣется и смотритъ на небо. Если Митька не разговариваетъ почему-либо,—Семенъ вдругъ спроситъ его:

— А ты что молчишь, Митька?

— Что, скучно?—засмѣется тотъ...

— И то...—и Семенъ тоже засмѣется.

— Глянь-ка, Митька! небо-то...—скажетъ иногда Семенъ.—Страсть высоко.

— Да не достанешь!—отвѣтитъ Митька,—хотѣли, слышь, дядя сказывалъ, одни люди достать... кирпичу сколь ушло, а не достали.

— О...— удивляется Семенъ.

— А что, Митька, видѣлъ ты Бога? -вдругъ спроситъ Семенъ въ минуты своей разговорчивости.

— Нѣтъ.

— А я видѣлъ...

— Гдѣ это?

— А въ церкви... Тамъ ихъ страсть что...

— Туракъ!..—засмѣется Митька.—Да это нешто боги?... Это такъ... какъ бы обличье...

— И то...—опять удивится Семенъ.

— А то какъ же?... Богъ-то братъ, вонъ гдѣ... высоко, высоко... страсть...

— А вотъ, къ примѣру, солнце... Тоже высоко?... начинаетъ Семенъ.

— Кто его знаетъ..

— А большое оно? спрашиваетъ, въ свою очередь Митька, послѣ нѣкоторой паузы.

— Я слыхалъ, будто съ шапку...

— Ну!.. недовѣрчиво скажетъ Митька: а повѣсь-ка шапку на колокольню, совсѣмъ махонькая покажется...

— И то, повторяетъ Семенъ и радуется, что Митька такой догадливый...

И часто такъ разговаривали Семенъ съ Митькой. Какъ что кому изъ нихъ интересно, такъ и давай выкладывать своему товарищу. Хорошо... никто не помѣшаетъ, не подслушаетъ. Говори и дѣлай, что хочешь.

И, казалось, чувствовали это и Семенъ, и Митька.

— А хорошо у насъ здѣсь, въ полѣ-то... Скажетъ Митька.—Слобода... просторъ... Вонъ ее сколько земли-то... Давай бѣгать, Семенъ?

— И то...—улыбаясь, отвѣтитъ тотъ, и весело смѣясь, они пускаются вперегонку по межѣ. Митька изловчится какъ-нибудь, упадетъ Семену подъ ноги, тотъ и брякнется черезъ него, и оба засмѣются еще пуще.

Такъ жили они цѣлыхъ два года. И Семенъ и Митька крѣпко привыкли другъ къ другу.

Если Митька уходилъ на другой конецъ стада выгнать изо ржи корову,—Семенъ становился на межу, провожалъ его глазами и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда тотъ вернется.

— Что, соскучился?—спрашивалъ его, возвращаясь, Митька.

— И то...—улыбаясь, отвѣчалъ Семенъ.

— А ты, Митька, того... Пестраго быка-то бойся... говорилъ иногда Семенъ.

— А что?

— Озоровать началъ... Пыряться ..

— А вотъ она...—И Митька показывалъ плеть... Небойсь скажется, какъ начну охаживать...

Но Митька только храбрился, а въ дѣйствительности онъ побаивался пестраго быка, и не ходилъ самъ унимать, когда тотъ раззоруется.

— Вишь что дѣлаетъ!?... Все стадо разогналъ, окаянный...—говорилъ Митька, какъ-бы намѣреваясь итти.

— Нѣтъ, ужъ я пойду... Спыряетъ еще...—Говорилъ Семенъ, и шелъ унимать быка. Семенъ берегъ Митьку, но не сберегъ...

Пошелъ разъ Митька согнать корову, которая забрела въ рожь, загналъ ее въ стадо и возвращался назадъ. Вдругъ стадо бросилось во всѣ стороны, затерло его, и Митька увидѣлъ какъ разъ передъ собою пестраго быка. Онъ остановился противъ Митьки, съ налитыми кровью глазами, ревѣлъ и рылъ землю. Митька испугался. Онъ размахнулся плетью и что есть силы хлыснулъ ею быка. Быкъ еще громче заревѣлъ, сдѣлалъ два шага къ Митькѣ и опять остановился. Митька стоялъ какъ окаменѣлый. Сердце его шибко-шибко забилось, кровь прилила къ головѣ, губы затряслись, и плеть выпала изъ его рукъ. Онъ собралъ послѣднія силы и закричалъ:

— Семенъ... спасай!...

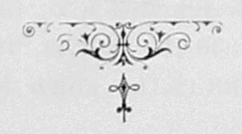
Семенъ стоялъ на межѣ и, по обыкновенію, провожалъ Митьку глазами, когда тотъ пошелъ выгонять корову. Онъ видѣлъ, какъ Митька вдругъ про-

палъ среди коровъ, и сердце его сжалось. Онъ растерянно смотрѣлъ на стадо, стараясь опредѣлить, гдѣ Митька. Вдругъ онъ услышалъ отчаянный крикъ, звавшій его на помощь. Но въ то время, какъ онъ хотѣлъ бѣжать, онъ увидѣлъ, какъ что-то вдругъ взлетѣло на воздухъ и еще разъ раздался пронзительный крикъ Митьки. Семенъ съ дубиной черезъ плечо кинулся въ стадо, и скоро увидѣлъ, какъ что-то маленькое, безпомощное каталось по землѣ подъ сильными ударами роговъ разсвирѣпѣвшаго животнаго. Не взвидя свѣта, Семенъ ударилъ быка дубиной, быкъ заревѣлъ отъ боли и побѣжалъ. И тутъ только Семенъ увидѣлъ то безпомощное существо, которое каталось по землѣ, подъ ударами быка. Это былъ Митька. Теперь онъ лежалъ на спинѣ, и, упершись въ землю локтями, старался встать. Рубаха на немъ была разорвана, и на самомъ животѣ близь груди виднѣлась огромная рана. Кровь ручьями лилась по бѣлому тѣлу Митьки. Семенъ точно всѣмъ существомъ своимъ понялъ, что спасти мальчика уже невозможно...

— Семенъ... подыми меня...—стоналъ Митька. Но Семенъ окаменѣлъ и не двигался съ мѣста. Вдругъ онъ вскрикнулъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ, и пустился бѣжать къ селу. Пробѣжавъ саженъ двадцать, онъ упалъ на землю и зарыдалъ, какъ малый ребенокъ. И слышны были только отрывистыя слова:

— Митька... Спырялъ... Ми... Митьку мово...

Ст. Лучининъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Посвящается Z...

Ты помнишь родной уголокъ, дорогая,
Гдѣ ты лишь увидѣла свѣтъ,
Гдѣ жизнь, какъ сіяніе свѣтлаго рая,
Тебѣ улыбалась? Ты помнишь, иль нѣтъ?...
Тотъ берегъ высокій рѣка омывала,
Гдѣ домикъ уютный стоялъ,
Въ которомъ и юность твоя протекала,
И ангелъ незримо тебя охранялъ...
Годъ свѣтлый за годомъ текли... Становилась
Ужъ дѣвушкой милою ты...
И грезой о счастьѣ, быть можетъ, томилась...
Но въ жизни, какъ въ морѣ, погибли мечты!...

II.

Прозрачный кувшинъ наполняя водою,
Цвѣты разставляя усталой рукою,
Я думалъ, мой другъ, о тебѣ:
Ужель и тебѣ безпощадной судьбою
Не расцвѣтши отцвѣсть
Суждено, какъ и мнѣ?!...

III.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Слеза одиноко дрожитъ
На блѣдныхъ, усталыхъ ланитахъ...
И слово разлуки звучитъ,
И сердце навѣки разбито...

Но что же осталось отъ счастья,
Отъ блеска весны молодой?!
Цвѣтокъ, пережившій ненастье,
Увядшій, но вѣчно живой...

Гарденинъ.

I.

Пѣсня.

Я спрошу у людей:
Гдѣ мнѣ счастье сыскать?
Чѣмъ развѣять мнѣ грусть?
Чѣмъ тоску мнѣ унять?
Люди скажутъ въ отвѣтъ:
„Не тужи! веселись!
„Громче пѣсенки пой,
„Чаще Богу молись...“
Въ хороводѣ-ли я,—
Я и тамъ самъ не свой:
Что-то душитъ меня,
Что-то есть надо мной...
Предъ иконой-ли я—
Не молитва въ умѣ:
Онѣмѣетъ рука,
Голова—какъ въ огнѣ.
И куда ни пойду,
Словно тѣнью какой,
Словно въ сказкѣ нужда,
Горе ходитъ за мной.
Не придумаю я,
Чѣмъ мнѣ горе унять?
Чѣмъ злодѣйку тоску
Отъ себя отогнать...

II.

Я людямъ повѣдалъ бы грусть одинокую,
Но люди ее не поймутъ,

И думу завѣтную, думу глубокую
Безжалостно всѣ осмѣютъ.
Хотѣлъ бы повѣдать все другу сердечному:
Друзья лишь до чернаго дня!
Откроетъ, разскажетъ народу безпечному
И вмѣстѣ осудятъ меня....
Я темному лѣсу ту думу завѣтную
Повѣдалъ... Онъ понялъ меня!
Поникъ, зашумѣлъ мнѣ вершиной привѣтною:
И въ сердце вдохнулъ мнѣ огня...

Т. С.

Элегія.

Колокольчики смутно звенятъ
Въ тишинѣ этой бархатной ночи....
Отдохнуть-бы, уснуть я такъ радъ,
Радъ сомкнуть утомленныя очи:

Позабыть скучный шумъ злобы дня,
Насладиться покоемъ природы,
Иль излить, какъ больное дитя,
Всѣ—души одинокой—невзгоды....

Вѣтерокъ шелеститъ, шелеститъ....
Звѣзды грустно надъ степью мерцаютъ....
Утомленное сердце молчитъ,
Только думы покоя не знаютъ.....

„Кузнечикъ-Музыкантъ."

I.

Посвящается ***

Не забывай меня: когда въ минуту горя
Къ тебѣ приду, измученный, больной,—
Не будь тогда холодною, какъ море,
А, какъ весна, согрѣй и успокой!...
Когда жъ страдать мнѣ станетъ не подъ-силу,
И я покину міръ, похоронивъ мечты,—
Тогда приди ко мнѣ ты на могилу
И нѣжною рукой разсыпь на ней цвѣты.

II.

„Двѣ смерти".

На темной вершинѣ скалы одинокой
Орелъ пораженный лежалъ...
Безъ жалобъ, безъ стона, безъ грусти глубокой,—
Онъ гордо одинъ умиралъ...
Въ роскошной долинѣ сосѣдняго края,
Въ кругу и родныхъ, и друзей
Страдалъ человѣкъ,—и, въ слезахъ, умирая,
Боролся онъ тщетно со смертью своей.
И стоны его, раздаваясь кругомъ,
Услышаны были могучимъ орломъ:
Презрительно имъ улыбнувшись въ отвѣтъ,
Онъ умеръ, холоднымъ туманомъ одѣтъ!...

Другой—тоже умеръ; но смертью объятый,
Онъ клялъ и судьбу, и оставшихся братій:
Причиной считая ихъ смерти своей,
Не внялъ онъ слезамъ и рыданьямъ друзей...

III.

Грезы.

Настала ночь. Холодная, нѣмая
Она на міръ, съ безбрежной высоты
Лучи свѣтилъ могучіе кидая,
Глядѣла, полная безмолвной красоты...
И въ эту ночь прекрасная, святая
Явилась муза мнѣ, съ улыбкой на устахъ
Неся дары, достойные лишь рая,
Явилась мнѣ въ моихъ больныхъ мечтахъ...
И голосъ неземной, чарующій и нѣжный,
Звучалъ таинственно въ полночной тишинѣ...
И пѣлъ онъ о любви глубокой и мятежной,
Сулилъ мнѣ радости и счастье на землѣ.
И хоръ вдали, гремя и замирая,
Пѣлъ про любовь, про чудную весну,
И, все кругомъ въ восторгѣ забывая,
Я улеталъ въ волшебную страну!..

Д. Лазо.

СОНЪ.

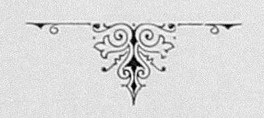
Мнѣ снился странный сонъ... Окутанный туманомъ,
Надъ бездной роковой недвижно я стоялъ,
И видѣлъ, какъ въ борьбѣ неравной съ океаномъ
Мой братъ, усталый братъ, безъ стона погибалъ!

Я видѣлъ, какъ волна, одна вслѣдъ за другою,
Бѣжала на него, какъ гордо бился онъ,
Какъ наконецъ онъ палъ, поглоченный волною,
Шепнувъ: „прощай навѣкъ,“ неясное, какъ сонъ.

Я слышалъ пѣсню волнъ... Торжественно звучали
Ихъ гимны чудные въ полночной тишинѣ,
И звѣзды яркія въ привѣтъ имъ посылали
Свои лучи, въ морской—топя ихъ глубинѣ...

На звѣзды я смотрѣлъ, внималъ я пѣснѣ моря,
Глядѣлъ на братскій трупъ, холодный и нѣмой,
И торжеству волны и смерти брата—въ спорѣ—
Отвѣта я искалъ въ душѣ своей больной...

Д. Лазо.

Отдѣлъ II-й.

Популярно-научныя статьи.

Какъ насѣкомыя мѣняютъ свой костюмъ, съ цѣлью самозащиты.

Обращали-ли вы вниманіе, читатель, на безконечно разнообразный, причудливый міръ насѣкомыхъ? Замѣчали-ль вы, что многія насѣкомыя имѣютъ окраску, сливающуюся съ окружающей мѣстностью?..... Это обстоятельство глубоко поучительно. Остановимся-же со вниманіемъ на немъ.

Какъ оказывается, эта способность быть невидимкою пріобрѣталась постепенно цѣлыми поколѣніями, слѣдовательно является **наслѣдственною**. Такъ, гусеница бузинной пяденицы, которая по окраскѣ и по формѣ имѣетъ удивительное сходство съ сучкомъ, передавала это сходство и своимъ дѣтямъ, а насколько спасительно такое сходство видно изъ слѣдующаго. Приближается голодный хищникъ (обыкновенно какой либо пернатый врагъ); острымъ взглядомъ онъ мгновенно усматриваетъ себѣ жертву, тамъ, гдѣ она выдѣляется нарядной, яркою окраскою отъ окружающей мѣстности, и сотни беззащитныхъ насѣкомыхъ такимъ образомъ гибнутъ постоянно. А между тѣмъ незамѣтныя, неказистыя съ виду гусеницы пяденицы, сливаясь по окраскѣ и формѣ съ сучками деревьевъ, остаются невредимыми. И это очень важно, такъ какъ, если будетъ уничтожена гусеница, то послѣ насѣкомаго не останется потомства: вѣдь только бабочка даетъ потомство. Значитъ потомство дадутъ лишь тѣ гусеницы пяденицы, которыя будутъ похо-

дить на сучекъ, и вслѣдствіе этого уцѣлѣютъ отъ враговъ.

Итакъ, мы видимъ, что природа, какъ разумная и добрая мать, сама заботится о томъ, чтобы сохранялись и размножались тѣ изъ насѣкомыхъ, которыя обѣщаютъ дать сильное, здоровое потомство.

Какъ иллюстрація къ сказанному, интересенъ недавній опытъ итальянскаго ученаго Чеснола. Онъ собралъ богомоловъ *) въ числѣ 110 штукъ: 45 изъ нихъ были съ зеленой окраской, а 65—съ желтой, и привязалъ шелковинкой ихъ къ травѣ такимъ образомъ: 20 зеленыхъ и 20 желтыхъ насѣкомыхъ онъ привязалъ къ желтой травѣ, а 25 зеленыхъ и 45 желтыхъ помѣстилъ среди зеленой травы. Черезъ 17 дней онъ увидѣлъ слѣдующее: всѣ 25 зеленыхъ богомоловъ сохранились среди зеленой травы такъ же, какъ и желтые среди желтой травы. Тѣ же, окраска которыхъ не соотвѣтствовала окружающей травѣ,—всѣ были истреблены птицами.

Такимъ образомъ ничто въ природѣ не дѣлается безъ цѣли: неслучайно существуютъ и различныя формы и цвѣта во внѣшности насѣкомаго.

Конечно, далеко не всѣ насѣкомыя надѣлены счастливою способностью сливаться съ мѣстностью, однако же и такія слабыя существа не остались безъ покровительства справедливой природы. Извѣстно, что для слабаго и беззащитнаго существа огромную пользу

*) Богомолъ (mantis religiosa)—насѣкомое изъ отряда прямокрылыхъ: голова какъ у кузнечиковъ, но не имѣетъ роговидныхъ отростковъ; цвѣтъ зеленый, иногда переходящій въ бурый и желтый; длина около 2 дюймовъ; названъ «богомоломъ» потому, что, приподнимаясь для поимки комара или мелкихъ мошекъ,—имѣетъ нѣкоторое подобіе молящагося, по египетскому обряду, человѣка. *Ред.*

можетъ принести близкое сходство съ какимъ-нибудь сильнымъ, хорошо вооруженнымъ существомъ. Природа, очевидно, приняла это во вниманіе, создавъ очень много совершенно безпомощныхъ существъ, удивительно похожихъ однако-же на сильныхъ, трудно-побѣдимыхъ хищниковъ. Выходитъ нѣчто вродѣ маскарада: беззащитныя въ дѣйствительности животныя кажутся сильными и даже опасными, вслѣдствіе врожденнаго или пріобрѣтеннаго сходства во внѣшности съ сильнымъ животнымъ.

Такъ среди насѣкомыхъ есть гусеница „бризника“ имѣющая большое сходство съ змѣиной головой, которымъ эта гусеница замѣчательно умѣло пользуется. Въ спокойномъ состояніи она ничѣмъ не напоминаетъ змѣиной головы, но, завидѣвъ врага, она мгновенно преображается. Тогда туловище гусеницы раздувается, голова уходитъ въ него, а два черныхъ пятнышка, бывшихъ дотолѣ у каждаго бока, расширяются и принимаютъ форму настоящихъ, злыхъ змѣиныхъ глазъ. И преобразившись такимъ образомъ, гусеница принимаетъ очень грозный видъ. Неудивительно поэтому, что и отважные враги бѣгутъ отъ такой гусеницы. Съ цѣлью устрашенія враговъ, прибѣгаетъ къ маскѣ и гусеница махаона. При малѣйшей попыткѣ прикоснуться къ ней, она выдвигаетъ изъ затылка два большихъ рога и начинаетъ угрожающе размахивать головой во всѣ стороны. Въ дѣйствительности, эти рога вовсе не представляютъ опасности, но, завидѣвъ ихъ такъ внезапно, многіе смѣльчаки теряютъ охоту къ дальнѣйшимъ нападеніямъ и—гусеница спасена!

Встрѣчаются и костюмированныя бабочки. Таковы стеклянницы. Онѣ очень похожи своимъ внѣшнимъ видомъ на осу. На самомъ дѣлѣ, онѣ совершенно безвредны, однако-же благодаря ихъ сходству съ осою, птицы не только не истребляютъ ихъ, но даже сторонятся ихъ, какъ вообще всѣхъ осъ, жала которыхъ птицы очень боятся. Конечно, только это сходство и спасаетъ стеклянницъ. И сходство это настолько велико, что даже и привычные натуралисты нерѣдко ошибаются, смѣшивая ихъ съ настоящими осами. А въ Америкѣ, этой странѣ чудесъ, можно встрѣтить еще болѣе интересный примѣръ переодѣванія насѣкомыхъ. Это—бабочка „калиго", которая удивительно напоминаетъ..... голову совы. Разумѣется, костюмъ совы въ совершенствѣ предохраняетъ эту бабочку отъ нападеній: извѣстно, вѣдь, какъ птицы боятся совы.

Вообще, безоружныя насѣкомыя чаще всего подражаютъ костюму своихъ *жалящихъ* собратьевъ. Есть, напримѣръ, жуки, похожіе на осъ до такой степени, что ихъ нельзя отличить отъ осы. Есть мухи, которыя носятъ шмелиный костюмъ. Это—волюцеллы (volucella). Эти послѣднія особенно интересны, какъ своимъ совершеннымъ сходствомъ со шмелемъ, такъ и своимъ образомъ жизни. Подъ видомъ шмелей они забираются въ гнѣзда ихъ, располагаются тамъ, какъ дома, кладутъ свои яйца и—исчезаютъ. А потомъ личинки ихъ появляются на свѣтъ и съѣдаютъ всѣ запасы, заготовленные шмелями для себя.....

Мы могли-бы привести еще много интересныхъ примѣровъ перемѣнчивости наружнаго вида среди этого по-истинѣ безконечнаго и разнообразнаго міра насѣкомыхъ. Ограничимся-же пока вышеперечислен-

ными, чтобы дать мѣсто другимъ нашимъ товарищамъ—сотрудникамъ. Но не можемъ удержаться отъ искренняго восклицанія: великъ и прекрасенъ Божій міръ и вѣчная хвала Творцу его, не оставляющему ни былинки, ни травки, ни самаго микроскопическаго существа безъ мудраго попеченія Своего!.....

Начинающій натуралистъ.

Химическіе опыты.

Вы, читатель, должно быть, немного знакомы съ химіей, этой основной наукой природы, и съ ея явленіями, которыя постоянно происходятъ передъ глазами, но въ тоже время остаются незамѣчаемыми.

Вы, я думаю, занимались хоть нѣкоторыми самыми простыми химическими опытами, какъ, напримѣръ, добывали кислородъ, водородъ, углекислый газъ и другія химическія вещества. Всѣ эти опыты поучительны, потому что знакомятъ насъ съ природой, которая постоянно находится у насъ передъ глазами.

Такія занятія, какъ добываніе и соединеніе разнородныхъ веществъ, и сами по себѣ крайне интересны; но при опытахъ помимо того часто возникаютъ самые разнообразные вопросы о тѣхъ газахъ или веществахъ, съ которыми приходится имѣть дѣло.

Я вамъ сейчасъ разскажу, какъ сдѣлать самые простые химическіе опыты. Напримѣръ, вы задаетесь цѣлью показать своимъ знакомымъ фокусы, которые будутъ, конечно, въ вашихъ рукахъ ничто иное, какъ химическіе опыты. И вотъ вы говорите кому-нибудь, что сдѣлаете дымовыя кольца, подобныя тѣмъ, которыя иногда удается сдѣлать курящимъ, но притомъ, не зажигая и не куря папиросы.

И чтобы доказать это на дѣлѣ, вы возьмите стаканъ и бросьте въ него нѣсколько кусочковъ фосфористаго кальція. Наливъ, затѣмъ, въ стаканъ воды, тотчасъ же насыпьте сверху слой небольшой толщины мелкихъ древесныхъ опилокъ. Образующійся при этомъ сое-

диненіи (фосфористаго кальція съ водой) фосфористый водородъ, скопляется тогда подъ опилками, образуетъ сплошную поверхность, которая, наконецъ, приподнимаетъ опилки и проламываетъ ихъ. Тогда образуются изумительно правильныя кольца, плавно поднимающіяся кверху. Для того, чтобы этотъ опытъ удался, надо, чтобы воздухъ въ комнатѣ былъ въ совершенно спокойномъ состояніи.

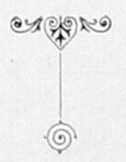
Если я вамъ скажу, что можно на водѣ не только писать, но даже и рисовать, вы мнѣ скажете, вѣроятно: нелюбо не слушай! Однако сдѣлайте слѣдующій опытъ! Пріобрѣтите двугорлую вульфову склянку, налейте въ нее до четверти ея высоты разведенную въ водѣ сѣрную кислоту, на 10 частей (вѣсовыхъ) воды 4 части (вѣсовыя) сѣрной кислоты. Заткните одно горлышко этой склянки пробкой, которая будетъ снабжена воронкой съ длиннымъ концомъ, доходящимъ до дна склянки. Потомъ возьмите другую пробку, въ которую вставьте стеклянную трубочку, согнутую подъ прямымъ угломъ. На конецъ этой трубочки, который будетъ снаружи склянки, надѣньте каучуковую трубку, въ одинъ изъ концовъ которой будетъ вставлена прямая стеклянная трубочка съ оттянутымъ концомъ.

Далѣе приготовьте кусочки сѣрнистаго желѣза (Fe s) такимъ образомъ: возьмите 4 вѣсовыхъ части сѣрнаго цвѣта и 7 вѣсовыхъ частей желѣзныхъ очень мелкихъ опилокъ, хорошенько перемѣшайте эти вещества между собою и полученную смѣсь, положивши на камень, зажгите накаленнымъ до красна концомъ гвоздя. Когда смѣсь сгоритъ, то полученное вещество будетъ сѣрнистое желѣзо, которое вы расколите на куски, чтобы они могли свободно проходить сквозь горлышко склянки.

Приготовивъ такимъ образомъ кусочки сѣрнистаго желѣза, всыпьте ихъ въ приготовленную вами ранѣе вульфову склянку и закройте ее пробкой съ каучуковой трубкой и подождите нѣсколько минутъ для того, чтобы газъ, который будетъ выдѣляться въ видѣ пузырьковъ, могъ наполнить всю склянку. Когда добытый газъ наполнитъ всю склянку и начнетъ выходить черезъ кончикъ трубочки, нужно его зажечь.

Обождавши секундъ 10-ть, поднесите пламя къ водѣ, налитой въ широкій сосудъ и находящейся въ спокойномъ состояніи, тогда вы увидите, что это пламя можетъ рисовать фигуры и писать на поверхности воды. Послѣ этого опыта слѣдуетъ хорошо провѣтрить комнату вслѣдствіе дурного запаха сѣрнистаго газа ($S\text{-}O^2$), происходящаго отъ горѣнія сѣроводорода (H^2S), получающагося въ склянкѣ, вслѣдствіе химической реакціи между сѣрной кислотой ($H^2\ SO^4$) и сѣрнистымъ желѣзомъ.

Михикъ.

Изъ исторіи и теоріи свѣтовыхъ явленій. *)

Для объясненія свѣтовыхъ явленій люди придумывали множество различныхъ гипотезъ, но почти всѣ онѣ потеряли свое значеніе (за исключеніемъ гипотезы волнообразнаго колебательнаго движенія). Но одна изъ старыхъ оставленныхъ гипотезъ и въ настоящее время заслуживаетъ вниманія—это т. н. гипотеза „истеченія", оставившая сохранившіеся до настоящаго времени слѣды въ геометрической оптикѣ. Ея придерживались великіе творцы послѣдней Галлилей, Кеплеръ и Ньютонъ. По этой гипотезѣ свѣтящіяся тѣла подобны тѣламъ пахучимъ. Изъ свѣтящагося тѣла, какъ изъ кусочка камфоры, исходитъ матерія въ видѣ тончайшихъ паровъ. Свѣтящееся тѣло отличается отъ пахучаго только тѣмъ, что, дѣйствующія на глазъ, частицы немедленно испаряются, какъ камфора, а съ силой выбрасываются и летятъ по прямому направленію со скоростью 300,000 килом. въ секунду; это и есть скорость свѣта. Ньютонъ на основаніи этой гипотезы объяснилъ всѣ явленія отраженія, преломленія и даже разложенія свѣта. Не смотря на большое ея удобство, такъ какъ она не изобрѣтаетъ ни стихій, ни особыхъ жидкостей, а видитъ причину свѣтовыхъ явленій въ состояніи самой матеріи, еще при жизни Ньютона многіе ученые возстали противъ нея. Дѣйствительно, если стѣну въ 1/2 метра толщиной пробиваетъ ядро, летящее приблизительно въ 600,000 разъ медленнѣе свѣтовыхъ частичекъ, и вѣсящее 2 килогр., то для

*) Подражаніе Тиндалю.

произведенія того-же разрушительнаго дѣйствія на означенную стѣну достаточно будетъ, летящаго со скоростью свѣта, ядра вѣсомъ только въ 5 миллиграммовъ и величиною съ дробинку бекасинника. Свѣтъ же не производитъ никакого разрушенія даже въ такомъ нѣжномъ аппаратѣ, какъ нашъ глазъ. Въ числѣ противниковъ этой гипотезы былъ и нашъ знаменитый Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Вотъ что онъ говоритъ „Поставимъ на солнечное сіяніе чрезъ двѣнадцать часовъ малую непрозрачную песчинку. Во все время потекутъ къ ней безпрестанно лучи отъ всего видимаго солнечнаго полушарія заключающіеся въ конической обширности, которая вмѣсто дна имѣетъ кругъ солнца, вмѣсто остраго конца оную песчинку. Кубическое содержаніе показаннаго коническаго пространства содержитъ въ себѣ около 720000000 кб. земныхъ полудіаметровъ. Въ каждыя 8 минутъ совершается распространеніе свѣта до земли отъ солнца; слѣдовательно въ 12 часовъ перейдетъ отъ него къ оной песчинкѣ эфирной матеріи 8,640,000,000 кб. земныхъ полудіаметровъ. Взявъ съ солнечнаго сіянія песчинку, положимъ ее въ малую темную и холодную камеру: тотчасъ пріобрѣтенная отъ солнца теплота исчезнетъ; свѣта ни малѣйшаго не окажется. Непрозрачная матерія приходящихъ къ себѣ лучей ни назадъ не отвращаетъ, ни сквозь себя не пропускаетъ. Скажите мнѣ, любители и защитники мнѣнія о текучемъ движеніи матеріи, свѣтъ производящей, куда оная въ семъ случаѣ скрывается? Сказать иначе не можете, что собирается въ песчинку и въ ней вовсе остается. Но возможно-ли въ ней такому количеству матеріи вмѣститься? Знаю, что вы раздѣляете матерію свѣта на

столь мелкія частицы и толь рѣдко оную по всемірному пространству поставляете, что все оное количество можетъ сжаться и уменьшиться въ скважинахъ одной песчинки. Все раздѣленіе ваше хотя никакого основанія и доказательства не имѣетъ, однако вамъ уступаю, чтобы и мнѣ было позволено раздѣлять матерію на столь-же малыя части. Итакъ я раздѣляю поверхность песчинки на многіе милліоны частей, изъ которыхъ каждая отъ солнечнаго полушарія освѣщается, и къ каждой оное ужасное количество эфирной матеріи притекаетъ и остается. Гдѣ покажете столько мѣста? Развѣ еще мельче матерію раздѣлять станете? Но такимъ же образомъ и я свои частицы на поверхности песчинки раздѣлять право имѣю, и на каждую столько же свѣту требовать. (См. рис. 1).

Видите, какими затрудненіями отягощено ваше мнѣніе! Однако скажете, что, хотя неудобности видимъ, не видимъ невозможности. Отвѣтствую: неудобность часто живетъ въ сосѣдствѣ съ невозможностью, которую больше, нежели однимъ путемъ, въ вашемъ мнѣніи сыскать мнѣ случилося. Что есть тверже и прозрачнѣе алмаза? Твердость требуетъ довольной матеріи и тѣсныхъ скважинъ; прозрачность едва изъ матеріи составлену быть ему позволяетъ, ежели положимъ, что лучи простираются текущимъ движеніемъ эфирной матеріи. Ибо отъ каждаго пункта его поверхности къ каждому пункту всей поверхности и всего же внутренняго тѣла проходятъ лучи прямой линіею. Слѣд. во всѣ стороны прямолинейныя скважины внутри всего алмаза простираются. Сіе положивъ, алмазъ не токмо *) долженъ состоять изъ рѣд-

*) Токмо—только.

кой и рухлой матеріи, но и вовсе долженъ быть внутри тощій *). Отъ твердости слѣдуетъ сложеніе его изъ частицъ тѣсно соединенныхъ; отъ прозрачности заключаются не только рухлость, но и почти одна полость, утлой скорлупой окруженная. Такъ какъ сіи слѣдствія между собой прекословятъ, слѣдовательно и произвольное положеніе, что свѣтъ отъ солнца простирается текущимъ движеніемъ эфира, есть не праведно. Еще положимъ, что свѣтъ простирается отъ солнца и отъ другихъ свѣтящихся тѣлъ текущимъ движеніемъ эфира: новая невозможность, новыя прекословныя заключенія послѣдуютъ. Въ прозрачномъ отовсюду алмазѣ отъ каждаго пункта его поверхности и всего внутренняго тѣла къ каждому пункту всей поверхности и всего внутренняго тѣла простираются прямолинейныя скважины; по всему алмазу по онымъ скважинамъ проходитъ матерія свѣта, какъ выше показано. Свѣтъ сообщается съ одной стороны на другую съ равною силою безъ препятствія. Поставимъ алмазъ между двумя свѣчами лучи съ обѣихъ сторонъ пройдутъ сквозь алмазъ равною силою, и одна свѣча съ одной стороны въ то-же время такъ же явственно, какъ съ другой другая видна будетъ. Чтожъ здѣсь? уничтожить-ли намъ механику? Положить ли, что когда съ обѣихъ сторонъ равною силою и равнымъ количествомъ жидкія матеріи встрѣчаются въ узкой скважинѣ, каковы сквозь алмазъ быть должны, чтобы одна съ другой не встрѣтилась и оную не удержала".

Въ приведенныхъ словахъ Михаила Васильевича заключаются наиболѣе вѣскія возраженія противъ ги-

*) Тощій—старинное выраженіе вмѣсто: пустой.

потезы истеченія. Открытіе явленій поляризаціи и дифракціи окончательно ее уничтожило. Появилась гипотеза колебательнаго движенія. Она была разработана Гюйгенсомъ, Араго и Френелемъ. Въ общихъ чертахъ она сохранилась до самаго послѣдняго времени. По этой гипотезѣ причину свѣта составляетъ *волнообразное движеніе эфира*, тончайшей упругой жидкости, наполняющей всѣ тѣла, притомъ однако только *поперечныя его колебанія.* (Присутствіе эфира съ тѣми-же свойствами допускаютъ химія и ученія: о теплотѣ, электричествѣ и магнетизмѣ). Свѣтовыя волны эфира называются *поперечными* потому, что распространяются перпендикулярно плоскости колебаній. Примѣромъ такихъ колебаній служатъ движенія резиноваго шнура, однимъ концомъ привязаннаго, а съ другого конца колеблемаго внизъ и вверхъ рукой. (См. рис. 2).

Колебанія распространяются вдоль по шнуру отъ руки къ привязанному концу; между тѣмъ бантикъ, укрѣпленный въ какой нибудь его точкѣ, будетъ двигаться только вверхъ и внизъ. Жидкости обыкновенно колеблются поперечно. Какой удильщикъ не наблюдалъ правильныхъ кольцеобразныхъ волнъ на гладкой поверхности пруда? Кажется, что вода быстро бѣжитъ во всѣ стороны отъ поплавка, а между тѣмъ плавающій на поверхности листокъ остается на своемъ мѣстѣ и показываетъ своимъ колыханіемъ, что частички жидкости колеблются только по вертикальному направленію. Поперечныя волны повинуются двумъ основнымъ законамъ: 1) онѣ распространяются перпендикулярно плоскости колебаній (по этому и называются поперечными); 2) каждая точка колеблющагося тѣла можетъ быть принята за центръ

распространенія такихъ-же колебаній, изъ котораго, если бы окружающія части тѣла находились въ покоѣ, распространялись бы во всѣ стороны волны. (Конечно, кромѣ той, съ которой эта точка сама получила свои колебанія). Справедливость этого закона для поперечныхъ волнъ всякій легко можетъ провѣрить на колеблющейся поверхности жидкости. Если въ *большой* наполненый водою тазъ вставить перегородку (хотя-бы въ видѣ доски или куска картона) съ щелью шириной около сантиметра по срединѣ, и съ одной стороны ея взволновать жидкость, то по другую сторону получимъ дугообразныя волны. Онѣ будутъ, конечно, значительно слабѣе тѣхъ, которыми вызваны. Какія-бы волны мы ни производили по одну сторону перегородки: круговыя-ли, касаясь жидкости пальцемъ, или прямолинейныя, погружая на мгновеніе въ воду одинъ бокъ линейки—по другую сторону всегда будутъ получаться дуговыя волны, центръ которыхъ будетъ находиться какъ разъ въ щели перегородки; это покажетъ, что часть жидкости, находящаяся противъ щели, служитъ сама центромъ распространенія колебаній въ еще спокойной части жидкости (см. рис. 3)

Такимъ образомъ, если въ жидкости произведены круговыя волны изъ центра „А“ и чрезъ нѣкоторое время онѣ распространились до линіи „В“, проходя въ каждую единицу времени разстояніе „а в“, то картину движенія волны въ теченіе этой единицы можно изобразить такъ, какъ читатель видитъ на рис. 4.

Изъ точка „а“ распространится маленькая волна въ видѣ дуги по всѣмъ направленіямъ кромѣ того, откуда сама точка получила свои колебанія. Эта волна черезъ единицу времени отойдетъ отъ „а“ на

разстояніе „а в“ и займетъ мѣсто на дугѣ „а, а“, Въ то же время волна, вышедшая изъ сосѣдней точки „в“ одновременно съ первой, помѣстится на дугѣ „в, в“ „в, в“ „ и т. д. Такъ какъ эти разсужденія приложимы къ каждой точкѣ „В“, а такихъ точекъ безконечное множество, то и маленькихъ волнъ образуется безконечное множество. Онѣ, сливаясь между собой, образуютъ большую волну, которая займетъ мѣсто такъ наз. „огибающей“ окружности „Д“ и послѣдняя укажетъ мѣсто, гдѣ черезъ единицу времени, будетъ находиться волна, вышедшая изъ „А“. Итакъ мы познакомились съ основными законами волнообразнаго движенія.

Посмотримъ теперь, какія явленія являются непремѣнными слѣдствіями этихъ законовъ. Если среди свѣтовыхъ явленій мы найдемъ явленія, обусловленныя ими, то это несомнѣнно укажетъ, что и свѣтъ подчиненъ такимъ же закономъ, а слѣдовательно представляетъ изъ себя тоже видъ поперечнаго колебательнаго движенія. Обратимся снова къ резиновому шнуру. Мы можемъ заставить его колебаться по всевозможнымъ направленіямъ: вертикально, горизонтально или наклонно. Всѣ эти колебанія распространятся до привязаннаго его конца. Но если шнуръ продѣть сквозь узкую щель, то, смотря по ея положенію, шнуръ будетъ колебаться уже только въ одномъ какомъ нибудь направленіи. Всѣ остальныя колебанія будутъ задержаны щелью (см. рис. 5).

Представьте себѣ теперь, что ни шнура, ни щели не видно, а колебанія чувствуются только по движенію воздуха. Поднося руку къ шнуру сбоку, (если щель вертикальна) мы, чтобы ощутить его при-

косновеніе, должны будемъ приблизить ее вплотную, между тѣмъ сверху или снизу уже на значительномъ разстояніи шнуръ будетъ бить по рукѣ.

Такая способность поперечныхъ волнъ *располагать*, послѣ прохожденія чрезъ соотвѣтственно устроенное препятствіе,—въ данномъ случаѣ щель,—*свои проявленія въ пространствѣ неравномѣрно* и при томъ вполнѣ *опредѣленно* называется способностью къ „поляризаціи". Препятствіе же, поляризующее волны, напр., щель, вообще носитъ названіе „поляризатора". Его дѣятельность, какъ мы видѣли, состоитъ въ задерживаніи всѣхъ волнъ, колебанія которыхъ не имѣютъ опредѣленнаго, соотвѣтствующаго поляризатору, направленія (см. рис. 6).

Но обратимся снова къ нашему шнуру. Если мы продѣнемъ его не черезъ одну, а послѣдовательно черезъ двѣ щели, расположенныя параллельно, то колебанія, соотвѣтственно имъ направленныя, свободно распространятся отъ одного конца до другого.

Повернемъ теперь вторую щель на девяносто градусовъ. Щели теперь перпендикулярны. Привязанный конецъ шнура совершенно пересталъ двигаться. Всѣ колебанія, пропущенныя первой щелью, задерживаются второю (см. рис. 7).

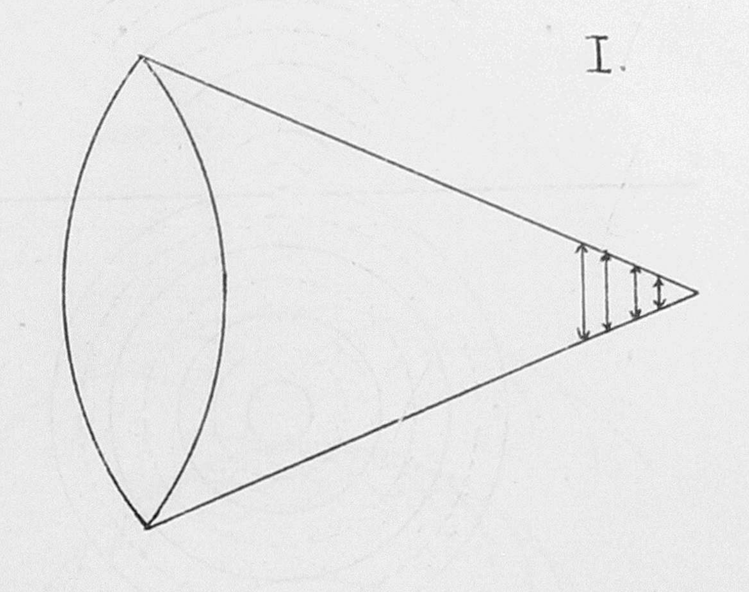
Такимъ образомъ мы—по положенію второй щели—можемъ узнать, поляризована ли волна, и, если поляризована, то въ какомъ направленіи. Поэтому вторую щель можно назвать „анализаторомъ колебаній" или просто „анализаторомъ". Свойство поперечныхъ волнъ—проникать черезъ два соотвѣтственно устроенныхъ препятствія при одномъ ихъ положеніи и вполнѣ задерживаться ими при поворотѣ одного

изъ нихъ на 90°, являясь непремѣннымъ слѣдствіемъ перваго закона, даетъ намъ возможность легко и безошибочно установить присутствіе поперечныхъ колебаній. Посмотримъ теперь, нельзя ли устроить поляризаторъ и анализаторъ для свѣтовыхъ волнъ, и если можно, то какъ это сдѣлать.

Б. О.

Примѣчаніе автора. Всѣ опыты, указанные здѣсь, провѣрены авторомъ лично. Они настолько не сложны и въ тоже время наглядны, что онъ имѣетъ смѣлость рекомендовать всякому, кого заинтересуетъ предметъ статьи, продѣлать ихъ самому тѣмъ болѣе, что они не требуютъ ни особыхъ приборовъ, ни большихъ расходовъ.

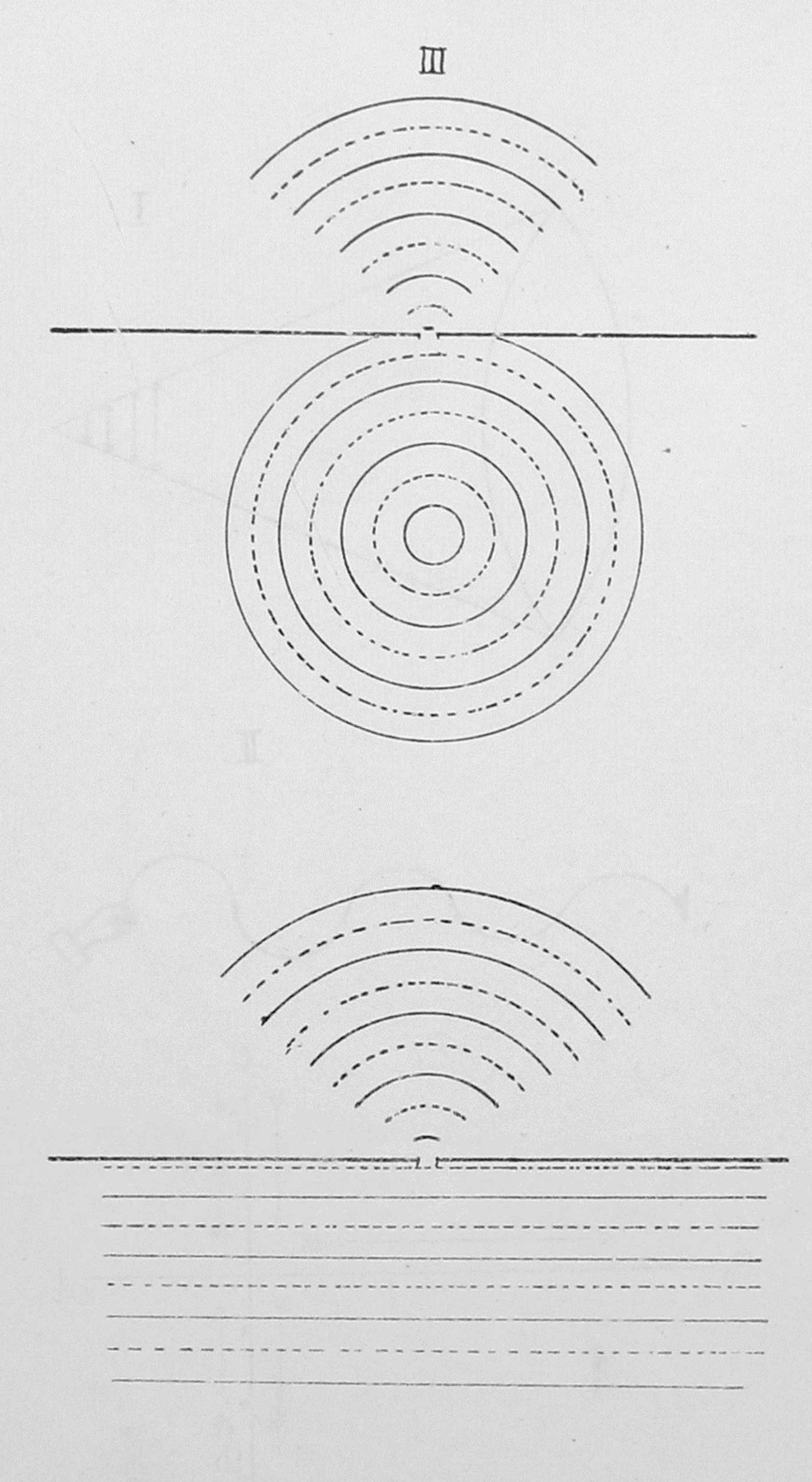
II.

C

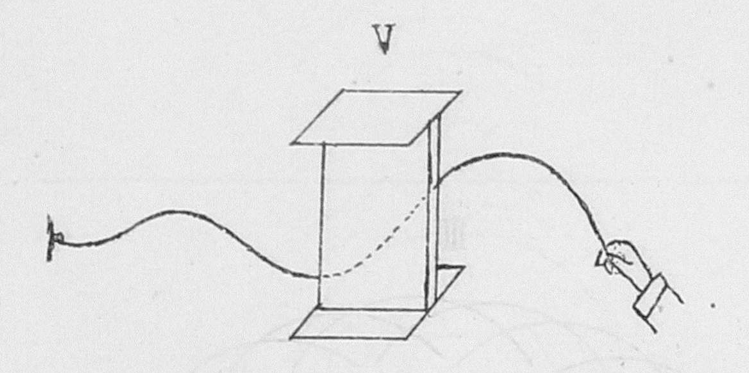
B

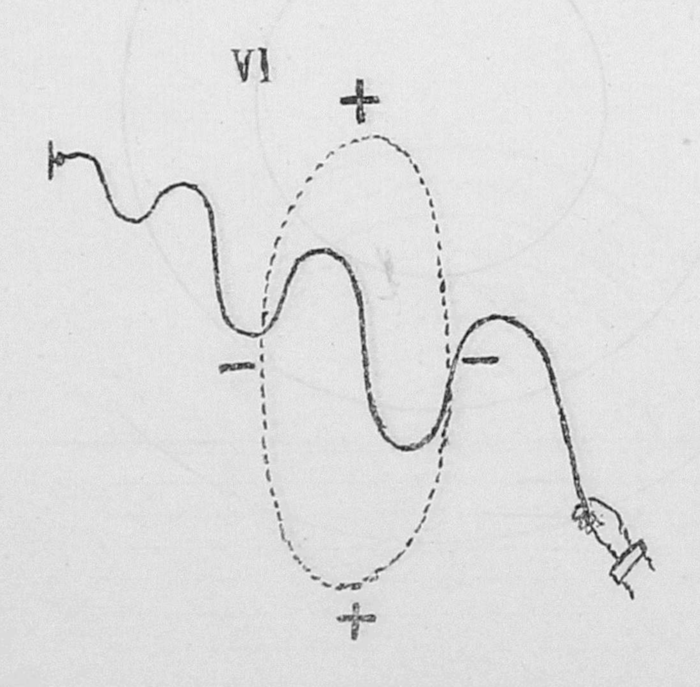
A

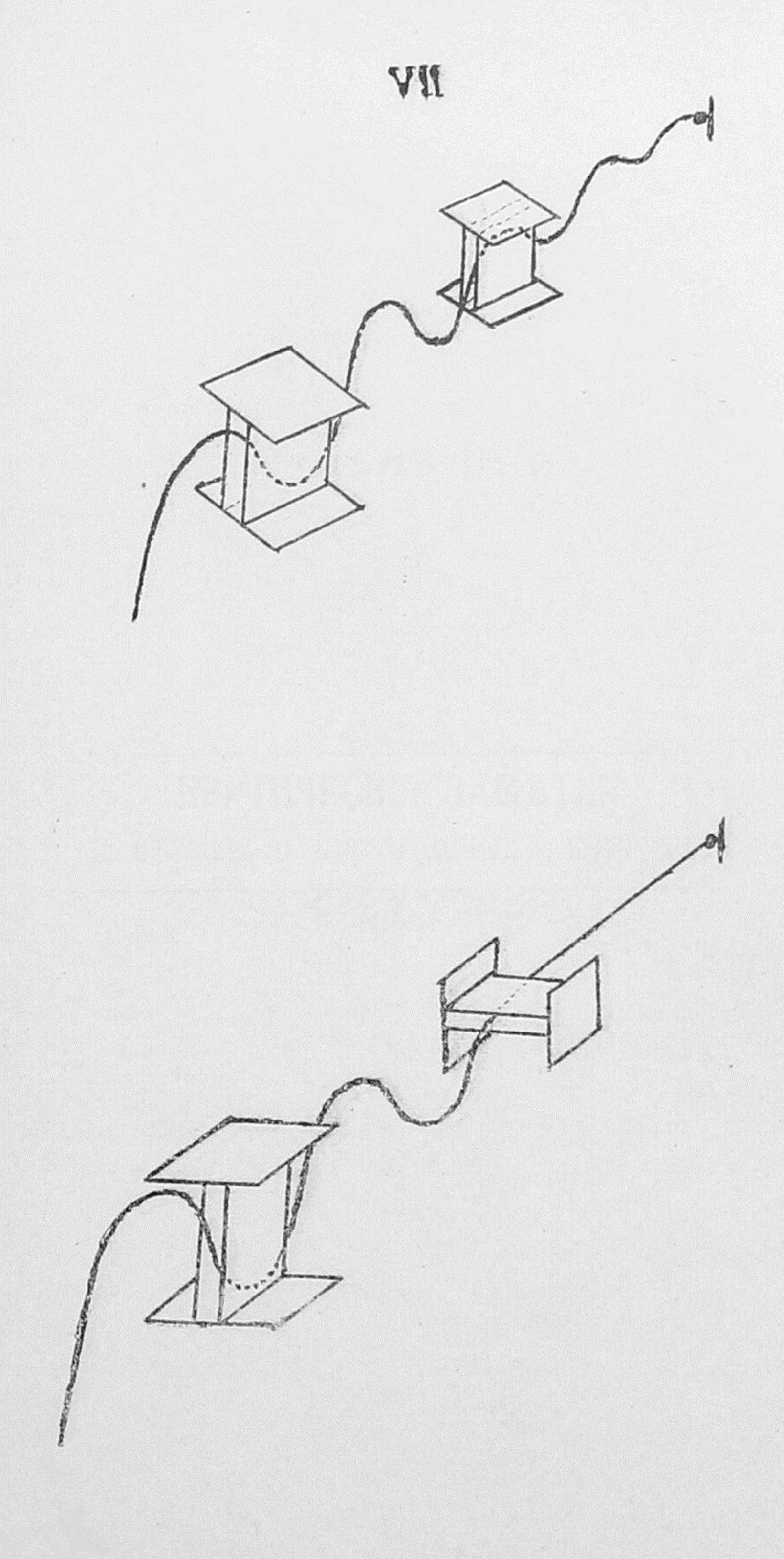
D

III

IIII

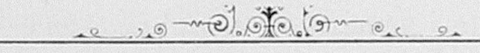

V

VI
+
–
–
+

VII

Отдѣлъ III-й.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ
и отзывы о прочитанныхъ книгахъ.

Д. Менделѣевъ.

„Къ познанію Россіи“. С.Петербургъ, 1906 года.

Приступая, по порученію глубокоуважаемаго редактора, къ разсмотрѣнію содержанія книги величайшаго нашего генія и всемірно извѣстнаго ученаго Д. И. Менделѣева, я чувствую всю слабость моихъ силъ..... Но поразительное незнаніе нашей собственной родины ободряло меня въ моихъ робкихъ усиліяхъ: быть можетъ, не довольствуясь моимъ слабымъ очеркомъ, мои товарищи—читатели прочтутъ эту книгу, состоящую всего изъ 121 страницы, но стоившую огромнаго труда автору, какъ видно изъ его собственнаго примѣчанія къ введенію, помѣщенному на стр. 4 (подстрочное примѣчаніе).

Въ наше время всеобщихъ мечтаній о возможномъ и невозможномъ обновленіи Россіи, чрезвычайно важно знать, какова она есть на самомъ дѣлѣ. Книга Д. И. Менделѣева „Къ познанію Россіи“ является поэтому цѣлымъ откровеніемъ для русскаго общества. Она представляетъ собою въ сжатомъ изложеніи результаты переписи 1897 года, освѣщенные собственными чрезвычайно глубокими соображеніями знаменитаго автора. Вся книжка, какъ и слѣдовало ожидать, испещрена цифрами: помимо 5 отдѣльныхъ таблицъ, онѣ попадаются на каждой страницѣ. Разсмотримъ эти краснорѣчивыя цифры.

По переписи 1897 года, въ Россіи насчитывалось 128 мил. лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ;

считая, что ежегодный приростъ населенія составляетъ отъ 1, 5 до 1, 8%, мы должны предположить, что къ 1906 году народонаселеніе Россіи возрасло до 146 мил. Распредѣляя между этими 146 милліонами людей всю удобную и неудобную землю, принадлежащую Россіи, Д.И. Менделѣевъ, считаетъ, что на каждаго жителя приходится по 15, 6 дес. земли. Но распредѣленіе это въ высшей степени неравномѣрно. Такъ, въ Польшѣ приходится по $1^1/_4$ десятины на человѣка; въ средней Россіи—по 2 $^1/_2$ дес.; въ Малороссіи—по $1^3/_4$ десятины; въ южной Сибири—по 60 дес.; въ западной —по 111 д.; въ восточной—по 386. Правда, большая часть этой земли въ настоящее время находится подъ тундрами, болотами, песками, солончаками, лѣсами, или лежитъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ, вслѣдствіе суроваго климата, земледѣліе невозможно. По этому переселеніе крестьянъ—только временное облегченіе ихъ положенія, такъ какъ мѣстъ для переселенія мало; по мнѣнію проф. Менделѣева, единственнымъ путемъ къ развитію благосостоянія въ народѣ является улучшеніе способовъ обработки земли и переходъ, по крайней мѣрѣ, части населенія къ другимъ промысламъ, отъ которыхъ, путемъ сбыта продуктовъ заграницу, можно получить и капиталъ, нужный для улучшенія сельскаго хозяйства. Любопытно сравненіе количества земли, приходящагося на каждаго человѣка у насъ и въ болѣе населенныхъ странахъ. Такъ, въ Англіи на душу приходится 0,42 дес., а въ Китаѣ—0,87.

Интересно также отношеніе числа мужчинъ къ числу женщинъ въ Россіи. На 1000 мужч. въ Россіи приходится 1011 женщ.; въ Бельгіи—1013; во Фран-

ціи—1022; въ Германіи—1032; въ Австріи—1035 и въ Англіи—1044. Только въ Соединенныхъ Штатахъ число мужчинъ превосходитъ число женщинъ, именно: на 1000 мужч. приходится только 956 женщинъ. Въ самой Россіи центральныя губерніи отличаются преобладаніемъ числа женщинъ надъ мужчинами, а окраины наоборотъ.

Россія, какъ и всѣ молодыя страны, отличается обиліемъ дѣтей до десятилѣтняго возраста. У насъ ихъ имѣется 24,3%; во всѣхъ же остальныхъ старо-культурныхъ государствахъ ихъ гораздо меньше, и только въ Сербіи, Болгаріи, Аргентинѣ и Бразиліи дѣтей больше, чѣмъ у насъ (до 32, 8%). Проф. Менделѣевъ замѣчаетъ, что обиліе дѣтей, выгодное для будущаго, ослабляетъ рабочую силу въ настоящемъ, т. е. дѣтей нужно выкармливать, а кормильцевъ, т. е. взрослыхъ людей обоего пола (отъ 20 до 60 лѣтъ), у насъ всего—44, 8%, тогда какъ во Франціи, напримѣръ, ихъ 52,4%. Вообще, по заключенію Д. И. Менделѣева, людей, вполнѣ способныхъ къ работѣ, за исключеніемъ стариковъ, больныхъ и пр., въ Россіи только 42,7%. А въ дѣйствительности, изъ нихъ работаетъ, по его-же разсчету, всего 26,5%.

По народностямъ населеніе Россіи распредѣляется такъ: къ славянскому племени принадлежатъ 72%; къ монгольскому—11,2%; западные и южные славяне составляютъ 6,4%; финны—4,5%; евреи—3,2%; литовцы и латыши—2,5%; грузины—2%; армяне и цыгане—1,9%; германцы—1,8% и романскіе народы—0,9%. Громадное большинство населенія по религіи принадлежатъ къ православію. Число людей иныхъ вѣроисповѣданій незначительно.

По образованію населеніе распредѣляется такъ: грамотныхъ лицъ, оказывается, въ Россіи всего 20% (теперь процентъ нѣсколько выше), а получившихъ среднее и высшее образованіе, т. е. такъ называемыхъ интелигентныхъ лицъ—всего 1,1%, причемъ Д. И. Менделѣевъ заявляетъ о невозможности отобрать „истинно—просвѣщенныхъ", людей (ихъ такъ мало) изъ среды интеллигенціи, и, не безъ гордости, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ Россіи на 8 интеллигентныхъ мужчинъ приходится 5 женщинъ, т. е. болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ.

Относительно распредѣленія жителей въ Россіи по ремесламъ, профессіямъ и отдѣльнымъ хозяйствамъ, выводы, сдѣланные авторомъ изъ переписи, чрезвычайно интересны. Всѣхъ хозяйствъ въ нашемъ отечествѣ 22½ милліона, такъ что на каждое приходится по 5—6 человѣкъ; въ городахъ живетъ до 13¼% населенія, тогда какъ въ Англіи—болѣе 60%. По ремесламъ и профессіямъ Д. И. Менделѣевъ дѣлитъ населеніе Россіи на 4 категоріи: а) лицъ, несущихъ общественныя обязанности и дающихъ обществу нѣчто иное, чѣмъ хлѣбъ насущный (гражданскіе и профессіональные дѣятели, чиновники коронные и выборные, военные); б) добыватели, т. е. достающіе сырой матеріалъ въ природѣ (земледѣльцы, охотники, рыболовы и т. д.); в) промышленники, перерабатывающіе сырье и распредѣляющіе его: ремесленники, фабричные, купцы и служащіе на почтѣ, телеграфѣ, рабочіе на путяхъ сообщенія и проч. и г) лица, живущія на счетъ ранѣе заготовленнаго капитала, и прислуга, живущая на счетъ господъ.

Лицъ первой категоріи, т. е. служащихъ по выборамъ

и коронныхъ чиновниковъ, въ Россіи всего 336 тысячъ ($^1/_4$%), тогда какъ во Франціи, гдѣ населеніе въ $3^1/_2$ раза меньше чѣмъ у насъ,—чиновниковъ 500 тысячъ, не считая еще чиновничества выборнаго.

Лицъ свободныхъ профессій у насъ всего $^1/_2$%, причемъ наибольшее число ихъ составляетъ духовенство, затѣмъ слѣдуютъ педагоги; меньше-же всего у насъ—литераторовъ, художниковъ и ученыхъ.

Въ категоріи добывателей авторъ насчитываетъ охотниковъ, рыболововъ и кочевниковъ разнаго рода до 1 милл. 400 тыс., горнорабочихъ—около 182 тыс. а земледѣльцевъ—до $17^1/_2$ мил. (работоспособныхъ). Если принять во вниманіе состоящихъ при нихъ домочадцевъ, по 5 чел. на хозяйство, то землепашцы составляютъ у насъ до $86^1/_2$% всего населенія.

Къ третьей категоріи относятся промышленники: всего ихъ у насъ около $7^1/_2$ милл. Причемъ купцовъ насчитывается болѣе $1^1/_2$ милліоновъ, а всѣхъ ремесленниковъ вмѣстѣ съ предпринимателями и фабричныхъ рабочихъ до 5 милліоновъ 96 тыс. (авторъ между прочимъ отмѣчаетъ малую семейственность фабричн.).

Лицъ, живущихъ на готовый капиталъ, у насъ только до 1 мил. 400 тысячъ, а прислуги всего до $3^1/_2$ мил., остальную затѣмъ часть лицъ этой категоріи представляютъ собою настоящіе пролетаріи, т. е. лица, неимѣющія опредѣленныхъ занятій. Ихъ, по переписи 1897 г, насчитывается всего 857 тыс., но, если предположить, что нѣкоторые изъ нихъ, отъ переписи ускользнули, то и тогда число ихъ простиралось бы до 1 мил. человѣкъ.

Кромѣ того авторъ дѣлитъ населеніе Россіи еще на кормильцевъ, т. е. лицъ, зарабатывающихъ средства къ жизни, и домочадцевъ, живущихъ на ихъ

средства. Первыхъ, оказывается, у насъ всего 34 милліона, а послѣднихъ—94 мил. Въ этомъ, по мнѣнію автора, главная причина нашей бѣдности, развитію и поддержанію которой немало помогаетъ и климатъ и обиліе земель, негодныхъ для культуры. Достаточно сказать, что у насъ „кормильцевъ" 26, 6%, въ Соединенныхъ Штатахъ—до 39%.

Таковыя главнѣйшія изъ цифръ, приводимыхъ профессоромъ Менделѣевымъ. Для насъ наиболѣе интересны его замѣчанія, по поводу каждой изъ нихъ, но замѣчанія эти до того цѣнны и оригинальны, что намъ пришлось бы переписать всю книжку, чтобы привести ихъ въ подробности. Поэтому мы ограничимся только самыми важными.

По поводу чрезвычайно быстраго роста населенія Россіи, угрожающаго въ будущемъ заполнить каждую пядь русской земли (черезъ 100 лѣтъ—болѣе 1 милліарда жителей), авторъ совѣтуетъ утилизировать Ледовитый океанъ; прямой путь къ этой утилизаціи есть открытіе сѣвернаго полюса; а затѣмъ уже возможно использованіе неисчислимыхъ богатствъ этого океана.

Второе средство—использованіе считающихся неудобными земель: песковъ, болотъ и проч. и интенсивная культура земли, доведенная, по крайней мѣрѣ, до той степени, на которой она стоитъ въ Западной Европѣ, гдѣ одна десятина вполнѣ обезпечиваетъ жизнь трехъ человѣкъ. Оставляя въ сторонѣ разсужденія автора о необходимости для Россіи національно-славянской политики, т. е. объединенія интересовъ всего славянскаго племени—безъ различія вѣроисповѣданій, мы съ грустью приводимъ замѣчаніе автора, что за послѣднія 15 лѣтъ уровень

высшаго образованія упалъ, и что авторъ поражается тѣмъ малымъ научнымъ содержаніемъ, которое находится въ литературныхъ, техническихъ и всякихъ иныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени.

Чрезвычайно интересны разсужденія автора относительно экономическаго положенія Россіи.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе ихъ, я позволю себѣ выписать лишь слѣдующее замѣчаніе автора относительно количества труда и полезности работы, которыя постоянно смѣшиваются и составляютъ, по его мнѣнію, коренную ошибку новѣйшей политической экономіи:

„Труду, иногда очень большому, говоритъ авторъ, отвѣчаетъ ничтожная на видъ работа. Напримѣръ, труду руководителя, ученаго или художника“.

„Тѣ, которые идутъ за Марксомъ и считаютъ цѣнною только людскую работу, находятся въ грубѣйшемъ заблужденіи“.....

Такимъ образомъ, вознагражденіе должно относиться къ труду и цѣнность его должна быть опредѣляема единицей довѣрія къ труду. Цѣнность труда возрастаетъ по мѣрѣ его осложненія и улучшенія. Трудъ добывателя всегда будетъ ниже труда перерабатывателя.

Приложивъ къ нашимъ естественнымъ богатствамъ болѣе сознательный и интенсивный трудъ, мы, русскіе, по мнѣнію проф. Менделѣева, могли-бы завоевать весь міръ произведеніями этого труда. Если-бы вслѣдствіе этого началось преобладаніе фабричной и городской жизни надъ сельскою, то въ этомъ профессоръ не видитъ еще большой бѣды.

Заканчиваетъ проф. Менделѣевъ свою замѣча-

тельную книгу слѣдующими словами: „Мы, русскіе трудимся очень мало, и трудимся на поприщахъ, которыя уже переросли“. Въ концѣ книги помѣщены два отдѣльныхъ изслѣдованія: объ опредѣленіи центра Россіи и о картѣ Россіи.

Такая карта, составленная по проэкту самого профессора Менделѣева такимъ образомъ, чтобы на первомъ планѣ была европейская Россія, а не малонаселенная Сибирь, приложена къ книгѣ Менделѣева.

По прочтеніи этой дѣйствительно геніальной книги, я увѣренъ, каждый читатель подумаетъ про себя: какъ мало мы знаемъ нашу родную страну!

Пигмей.

А. БЫКОВА.

Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII вѣка. Отъ Генриха IV (1593) до Людовика XVI (1789). Эпоха Бурбоновъ. С.-П.-Б. 1905. Ц. 1 р.

Г-жа Быкова уже не въ первый разъ даетъ недурные разсказы изъ исторіи Зап. Европы: таковы ея разсказы „изъ исторіи Ирландіи съ XII в. до конца нашихъ дней"; но при чтеніи новой книжки ея „разсказовъ изъ исторіи Франціи" даже невполнѣ знакомый съ пріемами историческаго изслѣдованія читатель легко можетъ усмотрѣть, на чьей сторонѣ лежатъ симпатіи автора. Слѣдовательно то, что считается conditio sine qua non (необходимымъ условіемъ) всякаго историческаго труда, хотя бы популярнаго, и, быть можетъ, для послѣдняго-то болѣе всего,—историческій объективизмъ автора не стоитъ на высотѣ научныхъ требованій. А это очень и очень жаль. Книжка написана живо, довольно хорошимъ слогомъ и читается легко. Она не безъ пользы можетъ быть прочитана всѣми, кто ищетъ поучительнаго историческаго чтенія; однако слѣдуетъ читать книжку не безъ нѣкоторой осмотрительности. Авторъ подчасъ такъ увлекается, приводя цитату, что невсегда точно обозначаетъ, гдѣ она кончается и гдѣ начинаются собственныя его мысли. Это впрочемъ за-

мѣтно только для специалиста *). Для насъ важенъ и другой вопросъ. При сравнительно дешевой стоимости (1 р.) книжка могла-бы замѣнить собою мало кому доступные по цѣнѣ научные труды о той-же эпохѣ. Но извѣстная книжка Токвиля, написанная вполнѣ объективно и научно, стоитъ въ русск. переводѣ всего 50 к. Послѣ классическаго труда Токвиля, на котораго очень часто ссылается и нашъ авторъ, едва-ли русской читающей публикѣ понадобится книжка автора; для тѣхъ же, кто читалъ философскую „исторію новаго времени" проф. Карѣева, книжка, быть-можетъ, покажется даже слишкомъ недостаточной. Есть у автора и нѣкоторые довольно значительные упущенія и промахи. Такъ напримѣръ, говоря о развитіи идеи абсолютизма у Людовика XIV, авторъ даже приводитъ выписки изъ знаменитаго политическаго завѣщанія его наслѣднику престола—дофину, но въ оцѣнкѣ причинъ односторонняго,—доходящаго до маніи величія,—представленія короля о его божественной власти авторъ не отмѣчаетъ важнаго вліянія великой англійской революціи, кромвелевскаго протектората, реставраціи Стюартовъ и II-ой революціи—на политическія убѣжденія короля. Быть-можетъ, возстаніе парламента и пресловутая фронда (fronde—праща) менѣе вліяли на будущаго короля, нежели событія въ Англіи. Далѣе, не говоря уже о мастерской характеристикѣ всей эпохи и личности короля, принадлежащей покойному маститому германскому историку Леопольду фонъ Ранке, (котораго нѣмцы величаютъ и доселѣ „altmeister der deutschen

*) Со словъ однако слѣдуетъ и т. д. до слова „специалистамъ" вставка редакціи.

Ред.

Wissenschaft"—старымъ мастеромъ германской науки), и неменѣе удачномъ философскомъ освѣщеніи ея въ названномъ трудѣ Н. И. Карѣева, даже въ старомъ учебникѣ Шульгина читатель можетъ найти многое, что лучше объяснитъ ему значеніе эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, нежели это сдѣлано авторомъ. Но слабѣйшею въ книжкѣ является вторая глава или лучше сказать, начало этой главы (вся книжка раздѣлена на 16 главъ, обозначенныхъ римскими цифрами и затѣмъ каждая глава дѣлится на отдѣлы обозначенные арабскими цифрами), гдѣ авторъ трактуетъ о развитіи феодализма во Франціи. Здѣсь многое представляется намъ въ какомъ то незаконченномъ видѣ..... Лучше написаны: 3-я глава (французскій парламентъ и кардиналъ Ришелье) и четвертая, посвященная времени правленія королевы—матери малолѣтняго Людовика, Анны Австрійской, и ея перваго министра кардинала Мазарини. Здѣсь очень кстати приведена цитата изъ Боссюэта о божественности королевской власти и отожествленіи личности короля съ государствомъ; второй отдѣлъ этой главы посвященъ всецѣло Кольберу, который, конечно, вполнѣ этого заслуживаетъ, но авторъ мало говоритъ объ удачныхъ результатахъ его дѣятельности. Вообще авторъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ лишь отрицательныя стороны, недостатки и злоупотребленія стараго, отжившаго свой вѣкъ, режима, что и придаетъ всему труду тотъ невполнѣ объективный характеръ, который мы отмѣтили въ самомъ началѣ нашей замѣтки.

Z.

ЖИВЫЯ СТѢНЫ.

(Критическія замѣтки на разсказъ Н. Тимковскаго «Сергѣй Шумовъ»).

—«Я лично всегда боюсь за этихъ угрюмыхъ, нервныхъ юношей, какъ Шумовъ: мнѣ кажется, что они болѣе другихъ воспринимаютъ жизнь и вслѣдствіе этого труднѣе переживаютъ критическій возрастъ... Къ такимъ надо подходить очень осторожно». («Сергѣй Шумовъ»).

I.

Въ массѣ литературныхъ произведеній, неистощимымъ потокомъ заполняющихъ книжные рынки за послѣдніе пять или шесть лѣтъ, весьма немногіе, вѣроятно, замѣтили и прочли со вниманіемъ разсказъ Н. Тимковскаго „Сергѣй Шумовъ,“ посвященный описанію внутренней жизни одного гимназиста.

Сергѣй Шумовъ, герой разсказа,—гимназистъ VII класса, крайне нервный, впечатлительный и самолюбивый юноша. Воспитался онъ въ полуаристократической семьѣ. Его мать—женщина сухая, съ твердымъ характеромъ, ничего не признающая, кромѣ „красивыхъ“ манеръ, привычекъ и т. д. Отецъ—человѣкъ широкой души, не терпящій условныхъ оковъ приличія, которыя были такъ дороги его женѣ. Ввиду разницы характеровъ, между мужемъ и женой незамедлили возникнуть непріятности, сцены, и наконецъ Павелъ Петровичъ (отецъ Шумова), какъ человѣкъ съ болѣе

мягкимъ характеромъ, семейнаго разлада не выноситъ и покидаетъ домъ. Послѣ этого мать удаляетъ Сергѣя изъ дома: помѣщаетъ его въ гимназическій пансіонъ. Но семейный разладъ не прошелъ для Сергѣя безслѣдно, какъ для его сестры Елены. Въ немъ начинается душевная борьба. Вопросъ за вопросомъ возникаютъ въ его головѣ: „кто изъ нихъ виноватъ: отецъ или мать?“. Его мягкая душа не въ состояніи обвинить того или другого, но въ тоже время не въ состояніи и помириться съ этимъ фактомъ. Борьба становится невыносимой. Сергѣй чувствуетъ, что ему одному не справиться съ этой массой перепутанныхъ тревожныхъ вопросовъ; чувствуетъ, что необходимъ человѣкъ „любящій, сильный“, который бы выслушалъ все, „что накопилось въ его душѣ, и указалъ ему выходъ изъ этого мучительнаго состоянія. Но среди окружающихъ его нѣтъ такого человѣка. Кругомъ однѣ лишь „живыя стѣны“, люди сухіе, не способные откликнуться на призывъ живой души. Сергѣй мечется, тоскуетъ и наконецъ заболѣваетъ.

Вотъ содержаніе разсказа.

II.

Разсказъ начинается и кончается тоской. Тоска Сергѣя Шумова не есть тоска скучающаго отъ бездѣлья человѣка, а тоска живой, чуткой души среди „живыхъ стѣнъ“, среди сухой казенщины. Эта тоска особенно усиливается въ немъ въ стѣнахъ гимназіи, доходитъ до того, что „и самъ онъ себѣ представлялся жалкимъ, глупымъ, непріятнымъ“....

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать казенная обстановка гимназіи для чуткой, больной души, кро-

мѣ какъ усилить тоску до отчаянія? Что можетъ развлечь, отогнать тревожныя мысли?

И вотъ у Шумова вырывается невольно крикъ наболѣвшей души:

„О, если бы кто-нибудь любящій и сильный“ взялъ меня и повелъ за собой... Куда хоть на край свѣта!...

Ему нужно живое слово участія, а онъ нигдѣ, ни у кого его не находитъ!...

Въ другомъ мѣстѣ онъ еще яснѣе высказываетъ свое желаніе:

„Мнѣ хочется имѣть такого задушевнаго друга,— говоритъ онъ,—которому я могъ бы говорить все, все безъ утайки“... Но, и друга такого ему не посчастливилось найти....

Иногда Шумовъ на время забывается за чтеніемъ лучшихъ литературныхъ произведеній, этихъ свѣточей среди мрака человѣческой жизни, но это только на время; дѣйствительность все таже: какъ Дамокловъ мечъ, виситъ надъ его головой тоска, тоска безъ конца. Кругомъ одна пошлость или мертвечина, и нѣтъ ни одного живого звука. Одинъ Прокоповъ, учитель исторіи, какъ будто понимаетъ Шумова, съ участіемъ относится къ нему, но его ласка какъ-то пугаетъ Шумова. Въ своемъ дневникѣ онъ пишетъ:

„Я растерялся оттого, что Прокоповъ смотритъ на меня такимъ славнымъ взглядомъ, будто онъ уважаетъ меня... Что можетъ быть нелѣпѣе этого? Господи, до чего мы одичали!“...

И такъ вотъ, въ какихъ условіяхъ течетъ жизнь Сергѣя Шумова въ стѣнахъ гимназіи...

Онъ не можетъ здѣсь отдохнуть душой, ему некому повѣдать и тѣмъ хоть немного облегчить свою

отъ этой мертвечины, бѣжитъ отъ нея и ударяется въ крайность—пьянство.

Искать, какъ отецъ, утѣшенія въ винѣ для молодой, неиспорченной натуры Сергѣя противно. Его пугаетъ самая обстановка разгульной, пьяной жизни...

IV.

Ни въ стѣнахъ гимназіи, ни дома, ни съ малышами, ни въ винѣ Сергѣй не нашелъ успокоенія; нигдѣ не нашелъ человѣка „сильнаго, любящаго", который бы поддержалъ его. А тоска все больше и больше росла, а силы все падали и падали. Сергѣй перестаіъ сознавать самого себя, перестаіъ сознавать, что ему нужно. Мѣсто стремленія найти выходъ заняла глухая, отчаянная вражда къ людямъ, которые такъ безжалостны, что „бьютъ лежачаго". Теперь Сергѣй желалъ только, какъ можно скорѣй, развязаться съ этой мучительной тоской, но какъ—объ этомъ же заботился Какъ ни бился, ничего изъ этого не выходило...

Тоска его быстро увеличиваясь доходитъ до отчаянія, до мысли о самоубійствѣ, и только нервная болѣзнь кладетъ конецъ его душевнымъ страданіямъ...

„— Неужели одинъ я такой особенный, такой выродокъ изо всѣхъ?"—спрашиваетъ Шумовъ.... Нѣтъ, не одинъ! Можетъ быть, сотни юношей такихъ же, какъ Шумовъ, съ чуткой человѣческой душой, мучаются среди „живыхъ стѣнъ", среди людей, не способныхъ понять этихъ мученій. Они,—какъ зерно, упавшее на камень, должны чахнуть, мучиться душевно и физически,—пока не проглянетъ къ нимъ въ душу солнце участья, пока „живыя стѣны" не станутъ живыми людьми...

Ст. Лучининъ.

Замѣтка.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я книжку *В. Лонга*, подъ заглавіемъ: „Въ царствѣ птицъ“ и, стоитъ она недорого—всего 25 коп. Совѣтую и вамъ, читатели, прочесть ее: ужъ очень хорошо она написана! Въ этой небольшой книжкѣ 3 разсказа: объ орлѣ, тетеревѣ и чжи-джи лохсисъ. Особенно мнѣ понравился расказъ: „Орелъ-подоблачныя крылья“. А еще пріятнѣе мнѣ было узнать, что сочинитель книжки также не любитъ охоты, какъ и я: за что истребляютъ бѣдныхъ, маленькихъ птичекъ? Вотъ, ужъ скверное занятіе—охота! Какъ представишь себя на мѣстѣ птички—плакать хочется! Бѣгалъ себѣ по полю: вдругъ-бацъ! и нѣтъ тебя... Понравились мнѣ и картинки въ этой книжкѣ. Прочтите и посмотрите, господа, и вы со мной согласитесь.

Любитель птицъ.

Н. В. Чеховъ.

„Спутникъ самообразованія. Бесѣды о выборѣ и чтеніи книгъ, съ приложеніемъ списка хорошихъ книгъ по всѣмъ отраслямъ литературы“. Подъ такимъ заглавіемъ вышло въ свѣтъ новое руководство къ выбору книгъ для читающаго юношества и для самообразованія. Оно выгодно отличается отъ другихъ указателей подобнаго рода умѣлымъ выборомъ матеріала для чтенія и, не вдаваясь въ большія подробности, вполнѣ достигаетъ своей цѣли, предлагая рядъ весьма практичныхъ совѣтовъ и указаній, какъ и что надо читать, какъ устроить хорошую домашнюю библіотеку, какъ пополнять ее и содержать постоянно въ порядкѣ. Списокъ книгъ, приводимый авторомъ, нуждается въ нѣкоторыхъ пополненіяхъ, но также совершенно достаточенъ для лицъ, заботящихся о разумномъ чтеніи для своихъ дѣтей и о выборѣ книгъ для самообразованія.

Н—въ.

Отдѣлъ IV-й.

Смѣсь. Школьная жизнь. Вопросы педагогики.

СМѢСЬ.

I.

Въ „Легендѣ объ Истинѣ“ (Стихотворенія въ прозѣ, I) мы находимъ весьма знаменательный эпиграфъ: „quid est veritas?“ (что есть истина?). Какъ извѣстно, это—вопросъ, предложенный Пилатомъ, римскимъ прокураторомъ Іудеи, Великому Страдальцу, приведенному на судъ его, Пилата, Іудеями. Послѣ словъ Его: „Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ; всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа Моего“ (Ев. отъ Іоанна, гл. 18, ст. 37). Пилатъ сказалъ Ему: „что есть Истина?“ И сказавъ это, опять вышелъ къ іудеямъ и сказалъ имъ: „я никакой вины не нахожу въ Немъ“ (гл. 18, ст. 38). Приведенный въ эпиграфѣ вопросъ, предложенный гордымъ римляниномъ Царю царствующихъ, остался, какъ видно, безъ отвѣта... Но, если припомнить, что офиціальнымъ языкомъ тогда былъ латинскій, и что Пилатъ, бросивъ эту фразу на родномъ своемъ языкѣ, удалился, не ожидая отвѣта, то именно вопросъ этотъ долженъ былъ звучать такъ: „quid est veritas?“ Изъ сопоставленія и перемѣщенія буквъ однако выходятъ удивительныя и многознаменательныя слова, какъ бы подтверждающія только что высказанное Спасителемъ,—именно: „Est vir qui adest“, т. е. на вопросъ: „что есть Истина?“ получается отвѣтъ „Мужъ, который находится сдѣсь (предъ тобою)“.

	5		1 6 3 2	8 4 7					
Qui -	d	est	v-e-r-i	t-a-s	=	Est	v-i-r	qui	ade-st
III	IV	I	II	IV		I	II	II	IV

II.

Открытіе памятника генералиссимусу Суворову въ селѣ Суворовѣ (бывшей вотчинѣ Суворова—Маровкѣ).

9-го мая 1903 г. состоялось скромное, но многознаменательное торжество открытія памятника геніальному русскому полководцу А. В. Суворову, въ селѣ Маровкѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Суворову, а нынѣ—помѣщику Молоствову и переименованномъ въ село Суворово. Празднество было пріурочено къ Николину дню, когда село празднуетъ свой храмовой праздникъ. Церковь села заложена самимъ Суворовымъ и теперь площадь передъ храмомъ украшена памятникомъ въ честь нашего народнаго героя и основателя этого храма. На широкомъ фундаментѣ изъ каменныхъ плитъ возвышается пьедесталъ въ 5½ арш. высотою изъ красноватаго гранита, а на немъ—бронзовый бюстъ великаго полководца, около двухъ аршинъ высоты. Бюстъ довольно искусной работы изображаетъ Суворова безъ шляпы въ парикѣ съ традиціонной косою и, на нашъ взглядъ, довольно вѣрно воспроизводитъ черты генералиссимуса. Памятникъ окруженъ оригинальной оградою, составленною изъ старинныхъ мѣдныхъ пушекъ и тяжелыхъ, огромныхъ, старинныхъ цѣпей, пожертвованныхъ, съ Высочайшаго соизволенія, изъ Казанскаго артиллерійскаго склада командующимъ Казанскимъ военнымъ округомъ, генераломъ отъ инфантеріи Косичемъ, который и лично присутствовалъ на открытіи памятника.

Ко дню открытія въ село Маровку, находящуюся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи Сытинки (Моск.-Каз. ж. д.), стеклись отовсюду изъ сосѣднихъ деревень, а также и уѣздовъ, огромныя толпы народа, простого деревенскаго люда; съѣхалось множество помѣщиковъ, представителей различныхъ вѣдомствъ изъ губернскаго города Пензы и вообще интеллигентныхъ почитателей памяти Александра Васильевича Суворова. Прибыли воспитанники учебныхъ заведеній: пензенской второй гимназіи, учительской семинаріи, реальнаго училища, мѣстныхъ приходскихъ и сельскихъ училищъ.

Утро въ день открытія памятника было довольно пасмурное; накрапывалъ даже дождь, но съ 10 часовъ утра засіяло яркое солнце, обсушило деревенскія дороги и площадь передъ храмомъ, а густая толпа народа вскорѣ утоптала площадь. Передъ началомъ торжества въ мѣстномъ храмѣ, въ честь Николая Чудотворца, протоіереемъ пензенской Петропавловской церкви, о. Быстробымъ, въ сослуженіи съ нѣсколькими священниками и діаконами, при стройномъ пѣніи мѣстнаго церковнаго хора, была отслужена заупокойная обѣдня и панихида по А. В. Суворовѣ. Такъ какъ небольшая церковь далеко не могла вмѣстить всѣхъ, собравшихся на торжество, то при богослуженіи присутствовали только представители губернской администраціи съ г. управляющимъ губерніей во главѣ и бригаднымъ генераломъ Н. А. Орловымъ, а также прибывшіе съ утреннимъ поѣздомъ изъ Пензы воспитанники пензенской 2-й гимназіи съ директоромъ гимназіи В. В. Лапинымъ во главѣ. Остальные учащіеся, пріѣхав-

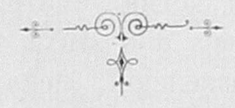
шіе изъ Пензы еще наканунѣ торжества: воспитанники учительской семинаріи и ученики реальнаго училища, равно какъ ближайшаго приходскаго училища и мѣстной школы были размѣщены уже на площади, вокругъ памятника; здѣсь-же расположились и солдаты Оровайскаго резервнаго батальона..... Вблизи военнаго оркестра стоялъ рослый солдатъ, одѣтый въ форму гренадера суворовскихъ временъ съ тяжеловѣснымъ стариннымъ штуцеромъ въ рукахъ. Здѣсь-же расположились пятнадцать георгіевскихъ кавалеровъ, изъ которыхъ только одинъ въ современной казачьей формѣ; остальные—въ мужицкихъ армякахъ, сапогахъ и лаптяхъ. Большинство этихъ кавалеровъ были награждены солдатскимъ крестомъ Георгія еще во время турецкой компаніи 1877—78 года, но былъ одинъ георгіевскій кавалеръ Николаевскихъ временъ. Къ концу обѣдни прибылъ прямо съ поѣзда Московско-Казанской ж. дороги генералъ отъ инфантеріи Косичъ, съ супругою. Встрѣченный на паперти храма духовенствомъ, генералъ отправился на площадь, въ сопровожденіи бригаднаго генерала Н. А. Орлова и командировъ резервныхъ батальоновъ; здѣсь онъ поздоровался съ войсками и расположенными въ стройномъ порядкѣ учащимися, причемъ ему были представлены директоры: второй гимназіи, народныхъ училищъ и учительской семинаріи. Въ тоже время вокругъ памятника собралось духовенство, хоръ пѣвчихъ, были вынесены изъ церкви иконы и хоругви, а также батальонное знамя и—началось молебствіе..... Все вмѣстѣ представляло очень красивую картину: обрамленная стройными блестящими рядами войскъ и учащихся, украшенная

разставленными по краямъ высокими столбами, обвитыми красной, синей и бѣлой матеріей, и расцвѣченная флагами, площадь была заполнена моремъ людскихъ головъ, съ небольшимъ свободнымъ пространствомъ лишь посрединѣ, гдѣ происходилъ торжественный молебенъ. Ярко сіяли на солнцѣ золотыя ризы духовенства, блестѣли штыки и мѣдныя трубы солдатъ, пестрѣли и тихо рѣяли многочисленные флаги; въ центрѣ, съ генераломъ Косичемъ во главѣ, —офицеры мѣстнаго гарнизона и цѣлый цвѣтникъ дамскихъ шляпъ и всевозможныхъ лѣтнихъ костюмовъ—все это представляло довольно живописное зрѣлище и какъ-бы просилось на полотно художника.. .. Дѣйствительно, тутъ-же нѣсколько мѣстныхъ фотографовъ, взобравшись на какое-то возвышеніе, пытались увѣковѣчить этотъ рѣдкій моментъ чествованія памяти народнаго героя въ глухой деревнѣ, среди простого крестьянскаго люда, восторженно и удивленно смотрѣвшаго отовсюду на невиданное зрѣлище. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ соломенныя крыши расположенныхъ вокругъ площади крестьянскихъ избъ, и особенно крыша церкви, были усѣяны народомъ..... Но вотъ кончилось молебствіе; послѣ многолѣтія Государю Императору, провозглашена была вѣчная память великому русскому полководцу, при троекратномъ ружейномъ залпѣ, и, наконецъ, упала завѣса, до сихъ поръ скрывавшая отъ глазъ народа памятникъ, и раздались звуки „Коль славенъ“..... Моментъ величественный и незабвенный! Послѣ этого протоіерей Быстровъ, въ краткихъ словахъ, ознакомилъ собравшійся народъ съ заслугами и личностью нашего великаго полководца, и тотчасъ же нача-

лось церемоніальное шествіе войскъ и учащихся вокругъ памятника. При этомъ особенно интересно и какъ-то отрадно было видѣть георгіевскихъ ветерановъ, шедшихъ впереди войскъ и какъ бы помолодѣвшихъ отъ сознанія важности переживаемаго момента: дряхлые, сгорбленные старики вдругъ выпрямились и не хуже молодыхъ солдатъ отбивали тактъ, проходя мимо принимавшаго парадъ генерала. Пріятно было видѣть также веселыя лица учащихся, отвѣчавшихъ на генеральское „спасибо!“ дружнымъ крикомъ: „рады стараться“! Наконецъ войска и мы, учащіеся. при звукахъ марша направились къ палаткамъ, гдѣ намъ предложено было угощеніе, хотя простою, но вкусною и сытною солдатской пищею,—и чай.... Пройдя нѣсколько верстъ пѣшкомъ отъ станціи до деревни Маровки, мы чувствовали такой аппетитъ, что угощеніе казалось намъ восхитительнымъ, а обстановка лагерной жизни приводила насъ прямо въ восторженное состояніе. Въ то же время генералитетъ, почетные гости и другія собравшіяся лица направились въ обширную палатку, поставленную, неподалеку отъ церкви, въ саду, принадлежащемъ къ дому земскаго начальника Д. П. Бабичева, наиболѣе потрудившагося въ дѣлѣ сооруженія памятника и устройства настоящаго торжества. Тамъ былъ сервированъ обѣдъ, во время котораго были произнесены напечатанныя послѣ въ „Пензенскихъ Вѣдомостяхъ“ рѣчи генераломъ Орловымъ, В. В. Лапинымъ и нѣкоторыми другими участниками торжества. Послѣ угощенія мы, учащіеся, собрались вокругъ наскоро воздвигнутой сцены, гдѣ исполнялись солдатами незатѣйливыя пьески, доставившія однако намъ много

удовольствія..... Только въ 5-мъ часу вечера двинулись мы въ обратный путь на станцію Сытинку. Усталые, но довольные поѣздкой, мы вернулись въ Пензу, и еще долго открытіе памятника Суворову служило предметомъ нашихъ бесѣдъ. Почти каждый изъ насъ перечиталъ все, что могъ отыскать о Суворовѣ, а Вал. Васильевичъ прочелъ намъ цѣлую лекцію о нашемъ непобѣдимомъ народномъ героѣ. *)

К. Б.

III.

Рукописные гимназическіе журналы (семидесятыхъ годовъ).

Изъ воспоминаній о К...*** гимназіи.

Это было лѣтъ 30 тому назадъ.....

Подъ вліяніемъ знаменитыхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ русское общество переживало и начало семидесятыхъ годовъ съ значительнымъ подъемомъ духа, съ жаждой всеобщаго обновленія, вѣяніе котораго чувствовалось и въ средней школѣ, несмотря на постоянный ростъ „классицизма", съ его отрицательными сторонами..... Толстовская реформа уже

*) Описаніе это принадлежитъ бывшему ученику 2-й гимназіи, принимавшему участіе въ торжествѣ, а нынѣ студенту университета. Оно оставалось у редактора до сихъ поръ и печатается теперь въ настоящемъ отдѣлѣ, гдѣ будетъ помѣщаться все, что сколько-нибудь касается какъ прошлой, такъ и текущей жизни гимназіи.

Редакція.

совершилась. Но она не могла уничтожить пробудившихся тогда въ гимназической средѣ стремленій мыслить самостоятельно и излагать свои мысли на избранныя самими учениками темы; тогда-то особенно часто стали появляться ученическіе рукописные журналы. Само собою понятно, что начальство смотрѣло въ тѣ времена на такія попытки самостоятельнаго мышленія, какъ на „великую ересь", и ученическіе журналы могли издаваться только подъ большимъ секретомъ. И теперь, когда смотришь на пожелтѣвшіе листки, уцѣлѣвшіе отъ этихъ давно позабытыхъ ученическихъ произведеній, невольно охватываетъ душу глубокое сожалѣніе о томъ, что существованіе журнальной ученической литературы не было тогда же легализировано, и разбросанныя мысли авторовъ не были направлены чьей-либо опытной рукою на путь истины, красоты и добра: какъ много вышло-бы изъ школы людей, искусно владѣющихъ перомъ, а можетъ быть, и выдающихся писателей..... Но если и въ наше время находятся люди, которые относятся съ недовѣріемъ и подозрительностью къ ученическому журналу, то въ тѣ времена это было обычнымъ явленіемъ..... Мы знаемъ уже, напримѣръ, (изъ редакціонной статьи октябрьской книжки) о принципіальномъ согласіи громаднаго большинства преподавателей кавказскаго учебнаго округа на изданіе школьныхъ журналовъ..... А гдѣ осуществлено такое изданіе фактически?—Мы, по крайней мѣрѣ, затрудняемся отвѣтить на этотъ вопросъ....

Но возвратимся къ тѣмъ рукописнымъ журналамъ, которые въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ процвѣтали въ одной изъ губернскихъ ги-

мназій центральной Россіи. Гимназія находилась подъ эгидой грознаго и, конечно, по мнѣнію многихъ образцоваго директора, передъ которымъ трепетали не только всѣ ученики, но и вся учительская корпорація.... Тѣмъ не менѣе гимназическая журналистика процвѣтала въ полнѣйшей тайнѣ: знали, конечно, о ней нѣкоторые молодые преподаватели, но они и не думали доносить о „нежелательномъ“ явленіи начальству.... Сколько помнится, первый гимназическій журналъ, издаваемый учениками выпускного класса, носилъ названіе „Мальчикъ съ пальчикъ“ и очень порядочно редактировался К. Н. Я—мъ, который впослѣдствіи сдѣлался профессоромъ университета и довольно выдающимся писателемъ *), при участіи, если не ошибаюсь, Ѳ. И. Б—а, нынѣ редактора одной изъ самыхъ солидныхъ газетъ въ Россіи и автора многихъ художественныхъ монографій по исторіи русскаго искусства, особенно живописи, печатнаго дѣла и проч. Другой журналъ, издававшійся уже по прекращеніи „Мальчика съ пальчикъ“ учениками 7 и 8 классовъ, назывался „Огонекъ“, его редакторомъ былъ нѣкто Линевскій, скрывавшій подъ такимъ псевдонимомъ имя одного изъ представителей небезызвѣстнаго дворянскаго рода К***..... губерніи.

Третій журналъ, носившій по преимуществу характеръ критическаго и заведшій полемику съ другими рукописными журналами, назывался „Стрѣ-

*) К. Н. Я—ъ читалъ лекціи по философіи права (главный его трудъ: „философія права у Спинозы“); извѣстенъ въ беллетристикѣ своими сказками для взрослыхъ (философско-беллетристическаго характера) и романами изъ временъ французскихъ революцій (первой и второй), печатавшимися въ „Новомъ журналѣ иностранной литературы“.

ла“ и издавался учениками 7—8 классовъ; четвертый журналъ, издаваемый учениками 5 и 6 классовъ, носилъ имя „Молодость“, какъ нельзя болѣе подходившее къ слишкомъ юнымъ силамъ его сотрудниковъ, и наконецъ пятый, издаваемый учениками 6 и отчасти седьмого класса, назывался „Молодое Время“ и старался и по виду, и по содержанію походить на извѣстную „Ниву“. Изо всѣхъ названныхъ журналовъ онъ именно и оказался самымъ недолговѣчнымъ (онъ существовалъ около 3 мѣсяцевъ); журналы „Огонекъ“ и „Стрѣла“ продержались въ теченіе всего учебнаго года и прекратились за окончаніемъ авторами курса ученія. Позволимъ себѣ привести подлинныя выдержки изъ ученическихъ статей одного юнаго автора, который, можно сказать, держалъ на своихъ плечахъ весь маленькій журналъ „Стрѣлу“, наполняя каждый ея нумеръ своими критико-полемическими статьями (подъ псевдонимомъ Стерлинскаго) и стихотвореніями, (подъ псевдонимомъ Пошутилова). *) Да проститъ мнѣ эту вольность дорогой товарищъ—авторъ тѣхъ старенькихъ листковъ, которые находятся у меня подъ руками и составляютъ черновики его статей и стихотвореній, къ сожалѣнію, далеко не лучшихъ. Но, увы, многихъ другихъ у меня не сохранилось, и я поневолѣ долженъ довольствоваться тѣмъ, что уцѣлѣло.....

Вотъ, напримѣръ, нѣчто вродѣ передовой статьи:

---

*) Нынѣ авторъ служитъ въ одной изъ столицъ и сотрудничаетъ въ различныхъ журналахъ (напр. „Театръ и Искусство“ и др.). Конечно, приводимая здѣсь статья его исправлена Редакціей.

Ред.

Общественный строй нашей жизни.

„Гимназическая жизнь начала принимать мало-по-малу какой-то особенный характеръ: она какъ-бы сосредоточивается на самой себѣ..... У насъ теперь явилась своя собственная литература, свои литературные кружки съ различными взглядами, находящіеся въ постоянной борьбѣ между собою..... Одни стараются дѣлиться мыслями въ органахъ нашей литературы, стремятся къ разработкѣ задачъ, данныхъ самою жизнью, другіе же относятся ко всему свысока и смотрятъ какъ-то индиферентно, пренебрежительно на всю обстановку, не говорятъ со всѣми и создаютъ въ самихъ себѣ только идеалъ, который хотятъ обобщить и подъ эту мѣрку подводить всѣхъ, кто только имъ ни попадается на пути. Читатель можетъ самъ отлично найти и тѣхъ, и другихъ, и третьихъ, которые ударились въ абсолютную уже отвлеченность. Мы не знаемъ, какъ лучше держаться, на какую сторону смотрѣть правильнѣй, мы не можемъ утверждать одно и порицать другое, но мы только предлагаемъ, какъ и всегда предлагали, на судъ читателю наши собственные взгляды. Желательно было бы, чтобы наши гимназическіе органы литературы всматривались глубже въ свои жизненныя задачи, но не смотрѣли бы свысока и не относились бы индиферентно къ явленіямъ гимназической литературы даже очень слабымъ, постарались бы направлять ихъ на путь болѣе подходящій къ истинѣ, ибо при такомъ только общемъ участіи всѣхъ нашихъ журнальныхъ работниковъ можно подготовиться къ честной дѣятельности на будущемъ гражданскомъ поприщѣ и распространять благород-

ныя, высокія идеи. Я знаю, что г. Линевскій начнетъ протестовать и скажетъ: откуда мы возьмемъ съ вами высокихъ идей, милостивый государь? Этотъ вопросъ весьма легко разрѣшимъ, если вы вдумаетесь въ него хорошенько, читатель, и отвѣтите на него, что все, стоящее выше уровня нашего общественнаго строя, нашей нужды и крайности, опошляющей самую иногда богатую и сильную натуру съ золотыми задатками умственныхъ силъ, и есть тѣ высокія идеи, которыя кажутся многимъ пустымъ либерализмомъ. Но оставимъ ихъ, читатели, и обратимся къ журнальнымъ органамъ нашей жизни.

Во всякомъ случаѣ и „Огонекъ“ съ его моралью и „Молодость“ со своими только что развивающимися дѣятелями и рѣдкое „Молодое время“, съ заглавіемъ еженедѣльнаго журнала, все основано на томъ стремленіи къ высшему, что заставляетъ человѣка обращаться къ жизни и мысли. Почему публикѣ казались несправедливыми наши нападки на „Огонекъ“? Почему она называла ихъ гаерствомъ и почти всѣ, хотя и читали насъ, но никогда не раздѣляли съ нами одинаковаго воззрѣнія. Но пусть эти нападки не покажутся странными читателю потому, что мы нападали на все, что текло въ уровень нашей бездѣятельной жизни, нашей лѣни, индиферентизма, любви къ зубоскальству и пустословію и что прикрывалось личиною закона, глупѣйшими выходками нашихъ прототиповъ „Иванъ Антоновичевъ Хвастуновыхъ“, которымъ только и нуженъ былъ либерализмъ затѣмъ, чтобы повертѣться передъ какой нибудь кисейной Марьей Сергѣевной, или передъ чиновникомъ, подобнымъ

отцу Ивана Антоновича. *) Все это выходило такъ. Но журналистика вывела на чистую воду этихъ пустыхъ либеральчиковъ, она дала возможность работать умно и честно только тѣмъ, кто дѣйствительно былъ годенъ хоть на что нибудь доброе и честное.

„Огонекъ", со своей публицистикой, недоволенъ былъ всякимъ увлеченiемъ. Онъ строго требовалъ умѣренности и аккуратности. Но вѣдь это что означало? Это означало—повторять избитыя и всѣмъ извѣстныя вещи.... Мы называли это бездушiемъ, безжизненностью. Гдѣ же развитiе, гдѣ поползновенiе мыслить, какъ выражается рецензентъ „Огонька"? Неужели читатель и теперь не понимаетъ, почему мы такъ нападали на „Огонекъ", и въ особенности на г-на Линевскаго. Неужели гимназистъ не человѣкъ: развѣ въ немъ не бьются силы жизни, въ немъ нѣтъ потребности чистыхъ влеченiй и искренняго отношенiя къ вопросамъ школьной жизни? О, какъ много ошибаются тѣ, которые хотятъ своею бездушною моралью дѣйствовать на еще начинающiй развиваться умъ. Сначала почти во всемъ скептицизмъ,—потомъ степенность и сосредоточенность: это всегда достается на долю почти что каждаго пылкаго и увлекающагося юноши. И что же тутъ уничтожать? Мы не говоримъ о такомъ скептицизмѣ какъ у Хвастунова? Хвастуновъ ни чѣмъ не увлекался, онъ только хотѣлъ казаться оригинальнымъ и оказывать влiянiе на барышенъ: иного ему вовсе ничего не было нужно! Нарядный галстучекъ, перчатки, пальто и брюки—вотъ онъ и счастливъ, вотъ

*) Иванъ Антоновичъ Хвастуновъ—герой повѣсти, помѣщенной въ журналѣ „Огонекъ".

его міръ стремленій! Нѣтъ, мы говоримъ не о такихъ пустозвонахъ.

Въ настоящее время жизнь наша течетъ, можно сказать, выше обыкновеннаго уровня, даже низшіе классы воспламенены желаніемъ писать и мыслить. Рецензентъ „Огонька" справедливо замѣчаетъ, что подобное стремленіе къ журналистикѣ, не говоря уже о благодѣтельномъ вліяніи на умственныя силы, уничтожаетъ и всѣ угловатости, царившія прежде въ нашемъ гимназическомъ быту. Посмотримъ хотя бы на „Молодость". Правда, журналъ этотъ содержитъ въ себѣ мало чего либо ярко выдающагося: таланта или мышленія; но за то посмотрите на выборъ матеріала: выбираются все факты, болѣе или менѣе крупные по своимъ послѣдствіямъ, оставляющіе на жизни вѣчный отпечатокъ. Возьмите вы, напримѣръ, стихотворенія: „Крещеніе Руси" и „Наполеонъ III". Правда, въ нихъ вы не найдете художественной точности, а въ послѣднемъ даже и благообразія стиха, но за чтожъ относиться къ нимъ рѣзко, если люди хотятъ тоже разсуждать? Они сами выражаются, что старшіе для нихъ компетентные судьи, а потому старшіе никакъ не должны въ нихъ уничтожать желанія участвовать въ журналистикѣ, а скорѣе поощрять. Нашъ сотрудникъ, г. Свистковъ, говорилъ, кажется, уже объ этомъ, но его вниманіе было болѣе обращено на полемику съ „Огонькомъ". Мы же говоримъ о строѣ нашей жизни вообще въ настоящее время и потому процвѣтаніе журналистики считаемъ за крупный шагъ въ развитіи нашего самосознанія".

П. Стерлинскій.

Таковы попытки автора вызвать споры и возраженія, такъ какъ по всему видно, что статья не имѣла другой цѣли. Среди нѣсколькихъ здоровыхъ мыслей цѣлый рядъ другихъ, ровно ни къ чему не ведущихъ! И все это въ силу отсутствія какого-либо руководства и полной неопытности автора, которому нельзя отказать въ нѣкоторой талантливости. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ привести другихъ полемическихъ статей того же автора, за неимѣніемъ ихъ подъ руками,– такъ какъ, по всей вѣроятности, подъ именемъ Свисткова писалъ онъ же,—и ограничимся лишь нѣсколькими уцѣлѣвшими у насъ юмористическими его стихотвореніями, которыя юный авторъ писалъ, подъ псевдонимомъ Пошутилова, въ честь разныхъ своихъ товарищей или по поводу текущихъ событій гимназической жизни. *) Вотъ, напримѣръ, его „Ода", посвященная Н. В. Б—ву, а также редактору „Огонька" и его сотрудникамъ, но начинающаяся и кончающаяся прославленіемъ того же Н. В. Б—ва.

Посвящается Н. В. Б--ву и всѣмъ сотрудникамъ „Огонька".

ОДА.

О ты, философъ нашъ рѣчистый,
Миссіонеръ нашъ молодой!
Мужъ не высокій, но плечистый,
Мужъ энергичный и живой!
Духъ возбудительный и сильный
Умъ, столь движеніемъ обильный,
Мужъ журналистики творецъ,
Ассоціацій всѣхъ отецъ!...

*) Къ сожалѣнію, намъ помнятся только двѣ начальныя строки стихотворенія, подписаннаго буквой П. и представляющаго очень удачное подражаніе всѣмъ извѣстной „Современной пѣснѣ" Дениса Вас. Давыдова (р. 1784+1839.)

Мужъ, подъ фамиліей Кальчёнка, *)
Ты—благодѣтель всѣхъ людей,
Мужъ, развивающій ребенка, **)
Пропагандистъ живыхъ идей....
Мужъ, увлекающійся много,
Мужъ, не судящій слишкомъ строго,
Мужъ—благороднаго лица,
Мужъ, говорящій безъ конца!
О, воплощенна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты—
Нѣтъ, я былъ истинный свидѣтель
Твоей душевной высоты.
Я за тобой не зналъ порока,
Въ тебя я вѣрю, какъ въ пророка,
Горжусь учителемъ своимъ....
О, не смущайся, ты любимъ!
Ты выше всѣхъ мужей, летящихъ
Надъ нами въ облачныхъ мечтахъ,
Мужей, намъ правду говорящихъ
Въ романахъ, риѳмахъ и въ статьяхъ!
Хоть высоко на всѣхъ глядящій,
Мужъ, о законахъ говорящій,
Ты, просвѣтитель „Огонька",
Похвалъ достоинъ лишь слегка.
И ты „Реакціи" ***) пустившій,
Грушневскій, модный лексиконъ!
Мужъ, слишкомъ сбивчиво открывшій
Какой-то выспренній законъ!
И ты, поэтъ живого слова,

*) Псевдонимъ ученика 8 класса Н. В. Б—ва, подъ коимъ онъ писалъ въ „Огонькѣ".

**) Подразумѣвается ученикъ гимназіи А. В. Н—въ.

***) Статья Грушневскаго въ „Огонькѣ".

Кропавшій риѳмы въ „Огонькѣ“,
Любитель ты всего пустого,
Перо кусающій въ рукѣ!...
И ты, мужъ толстаго сложенья,
Острякъ и страшный либералъ,—
Вы всѣ достойны прославленья,
Но прославлять я васъ усталъ.
И такъ какъ долгъ велитъ мнѣ смѣло
Окончить начатое дѣло,
То обращуся я опять
Предметъ сей оды восхвалять.
Вѣдь ты достоинъ прославленья
Одинъ и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Прими-жъ мое стихотворенье:
Ты—мысли нашей патріархъ!
Превознесу тебя, прославлю!
Какъ солнце, какъ луну поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ!..
Тобой безсмертенъ буду самъ!... *)

Пошутиловъ.

Или вотъ еще черновикъ его стихотворенія, посвященнаго тому-же Н. В. Б—ву и представляющаго пародію на Лермонтовскаго „Пророка“.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ книгахъ бытія
Узналъ я скорбь людского стона,
Забившись въ домъ, читаю я
Мишле *) и Вундта **), и Прудона... ***)

*) Подражаніе было свойственно и великимъ талантамъ...

*) Мишле—французскій историкъ; **) Вундтъ тогда написалъ свой трактатъ „О душѣ“. ***) Прудонъ былъ извѣстенъ въ гимназической средѣ скорѣе какъ женоненавистникъ, нежели какъ соціологъ.

„Провозглашать я сталъ любви
И правды чистое ученье“,
И что-же? Ближніе мои
Бросали и въ меня каменья.
И я въ Америку хотѣлъ
Бѣжать, простившись со страною,
Гдѣ Богъ родиться мнѣ велѣлъ
Съ такой возвышенной душою.
Но скоро я утѣшенъ былъ,
Учениковъ найдя послушныхъ;
Легко насмѣшки выносилъ
Къ моимъ идеямъ равнодушныхъ.....
Когда-же черезъ шумный кругъ
Учениковъ своихъ иду я,
То всѣ хвалы твердятъ мнѣ вслухъ,
Свой идеалъ во мнѣ рисуя.
„Смотрите, вотъ онъ, господа!
Философъ мудрый и ученый,
Онъ много говоритъ всегда,
Неправдой міра отягченный.
Смотрите-жъ, други, на него,—
Какъ онъ угрюмъ и худъ, и бѣденъ,
Постриженъ гладко, вѣчно блѣденъ,
И какъ мы вѣруемъ въ него!“....

Пошутиловъ.

Вспоминается мнѣ еще начало одного стихотворенія, кажется, не безъ горькой нотки изображающаго „прежніе годы“, т. е. дѣтство автора:

„Дѣтства веселаго милые годы,
„Сколько въ васъ счастья, любви и свободы!
„Розга бывало мой умъ развивала,
„Розга всей жизни законы давала!“

Но самымъ характернымъ для той эпохи мнѣ кажется еще одно уцѣлѣвшее стихотвореніе, рисующее, конечно, въ юмористическомъ духѣ, взглядъ автора на одну изъ самыхъ важныхъ отраслей человѣческаго знанія—филологію.

Схоластичность системы г. Толстого не могла не отвратить многихъ отъ изученія тѣхъ наукъ, которыя легли въ основу міросозерцанія И. С. Тургенева *), Л. Н. Толстого и др. корифеевъ нашей литературы. И вотъ результатомъ этого отвращенія былъ рядъ каррикатуръ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Стрѣла". Такъ на одной изъ нихъ изображенъ былъ гимназистъ, изнемогающій подъ тяжестью переполненнаго книгами ранца, сверхъ котораго привязаны еще три толстѣйшихъ словаря: Кронеберга, Синайскаго и Леонтьева...—Приводимое ниже юмористическое стихотвореніе было украшено фигурой исхудавшаго человѣка, окруженнаго массой книгъ и рукописей, словомъ, ученаго—филолога.... Вотъ оно цѣликомъ.

О, дайте мнѣ кинжалъ, иль ядъ,
Мои друзья, мои злодѣи!....
Ужъ мнѣ отыскивать велятъ
Писца славянскаго идеи.
Велятъ искать тамъ мысли слѣдъ,
Гдѣ вовсе даже мысли нѣтъ.
О, дайте-жъ мнѣ кинжалъ, иль ядъ,
Скорѣе! Право, я несчастенъ!...
Узналъ теперь я въ жизни адъ.....
Удѣлъ филолога ужасенъ!
Скорѣй во прахъ!... Въ холодной мглѣ
Спокойно спитъ земное племя.....

*) Напомнимъ читателю, что Тургеневъ изучалъ въ Берлинѣ греческія древности подъ руководствомъ Цумпта.

О, лучше лечь туда и мнѣ,
Чѣмъ выносить такое бремя.....
Писецъ безграмотный писалъ,
Ошибки всюду разбросалъ—
И мнѣ искать вдругъ ихъ причину,
Мнѣ изучать всю мертвечину?!
Теперь я понялъ наконецъ,—
Какъ жалокъ книжникъ и мудрецъ!
Науки трудной смыслъ мнѣ ясенъ:
Удѣлъ филолога ужасенъ!....
Пробилъ ужъ часъ.... Своихъ очей
Я много не смыкалъ ночей....
О, дайте мнѣ скорѣе яда!
Пора, пора мнѣ отдохнуть,
Трудомъ надорвана ужъ грудь.....
Заснуть мнѣ, право, дня два надо:
Я совершенно изнемогъ..... Пора покой
Мнѣ дать.... Иначе трудъ опасенъ....
И такъ я слабый и больной...
Удѣлъ филолога ужасенъ!...

Пошутиловъ.

Само собою понятно, что авторъ этого, правда, шуточнаго стихотворенія въ настоящее время открещивался бы отъ него, какъ отъ какой нибудь заразы, или призналъ бы его за фривольную шалость ученическаго пера, (каково оно и есть на самомъ дѣлѣ), но несомнѣнно почувствовалъ бы укоры совѣсти „за того славянскаго писца“, который, при своей мнимой безграмотности, сохранилъ намъ однако чудные перлы древнерусской поэзіи,—каково, напримѣръ, знаменитое „Слово о полку Игоревѣ“....

Мы привели случайно сохранившіеся отрывки только изъ одного рукописнаго гимна-

зическаго журнала, но таковы же были, сколько намъ помнится, и другіе его собратья: и въ нихъ среди нѣсколькихъ здравыхъ мыслей попадалось немало вздорныхъ; не было ни какой-либо системы, ни руководящей идеи; что особенно поразительно: авторы мало знакомы были даже съ знаменитымъ критикомъ нашимъ Бѣлинскимъ, не имѣли представленія о пріемахъ критическаго разбора и т. д., (отраднымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи былъ старѣйшій изъ гимназическихъ журналовъ этой эпохи „Мальчикъ съ пальчикъ"), а главное, совершая ошибки и промахи чуть не на каждомъ шагу, не могли исправить ихъ, не находили, словомъ, надлежащаго руководителя, который указалъ бы имъ, на что съ пользою можно было бы затратить свои силы, къ чему примѣнить свои способности. Мало того—рукописная ученическая литература представляла немало и вредныхъ элементовъ: зародышей того небрежнаго отношенія къ „святому" печатному слову, которое особенно отличаетъ всю современную намъ литературу,—не говоря уже о газетныхъ „разбойникахъ пера и печати", преисполненныхъ лжи и невообразимой безнравственности. Именно вслѣдствіе злоупотребленія печатнымъ словомъ, или даже отрицанія его „святости", то царство истины, добра и красоты, которое являла изъ себя литература временъ Тургенева, А. К. и Л. Н. Толстого и однимъ изъ послѣднихъ могикановъ котораго былъ А. П. Чеховъ, теперь обратилось, за немногими исключеніями, въ сплошное почти болото, въ грязи котораго, вѣроятно, любитъ барахтаться „грядущій хамъ"....

Бывшій гимназистъ.

Изъ текущей жизни гимназіи.

Замѣтка.

Въ Пензенской 2 мужской гимназіи, въ день храмового праздника ея, 8-го сего ноября, послѣ богослуженія, состоялась раздача наградъ учащимся и прочитанъ отчетъ за истекшій 1905—6 учебный годъ, изъ котораго видно, что число окончившихъ и переведенныхъ въ слѣдующіе классы составляетъ 87% всего числа учащихся (безъ учениковъ приготовительнаго класса); изъ нихъ удостоены наградъ слѣдующіе 36 учениковъ.

1) Всѣ 27 учениковъ VIII класса получили аттестаты зрѣлости; изъ нихъ четыре награждены медалями, именно: Васильевъ Константинъ—золотою медалью, Алявдинъ Борисъ, Соколовъ Сергѣй и Вѣнценосцевъ Геннадій—серебряными.

2) При переходѣ изъ VII класса въ VIII удостоены наградъ: Остроумовъ Борисъ и Токаревъ Николай—1 степени; Кулланда Владиміръ, Мильманъ Левъ, Муруговъ Михаилъ и Пушкинъ Константинъ —2-й степени.

3) При переходѣ изъ VI въ VII-й удостоенъ награды 2 ст. одинъ ученикъ—Муруговъ Евгеній.

4) При переходѣ изъ V въ VI удостоены наградъ: 1 степени—Александровъ Алексѣй, Лебедевъ Ѳедоръ и Остроумовъ Мих.; 2 ст.—Андреевъ Евгеній, Гильдебрантъ Влад., Захаровъ Владиміръ и Моисеевъ Николай.

5) При переходѣ изъ IV въ V кл.: Алиповъ Иванъ, Быстровъ Сергѣй, Каргинъ Руфъ, Козловъ Александръ, Соколовъ Александръ и Тимофѣевъ Евгеній—всѣ удостоены награды 2 ст.

6) При переходѣ изъ III въ IV кл. удостоены награды: Татарниковъ Ѳедоръ—1 степ. и Ершовъ Конст.—2 степени.

7) При переходѣ изъ II въ III удостоены наградъ: Шолоховъ Никол.—1 ст., Вергиліевъ Леон., Волковъ Николай, Гиляровскій Димитрій, Сергѣенко Александръ, Ѳедосовъ Валентинъ и Соловьевъ Константинъ—2 степени.

8) При переходѣ изъ I-го во II удостоены наградъ второй степени—Алявдинъ Арсеній, Ефимовъ Мих. и Писаревъ Николай.

Передъ чтеніемъ отчета соединенными хоромъ и оркестромъ гимназіи былъ исполненъ народный гимнъ, а по раздачѣ наградъ исполнены были ученическимъ оркестромъ разныя музыкальныя вещи.

Вопросы педагогики.

РОДИТЕЛЬСКІЯ НАСТАВЛЕНІЯ ДѢТЯМЪ.

(см. Воспитаніе и Обученіе. 1896 г., № 11).

„Нѣтъ семьи, въ которой не слышалось бы наставленія дѣтямъ, говоритъ г. Я. П., авторъ статьи, заглавіе которой выписано нами, и нѣтъ семьи, въ которой наставлеія часто не давались бы всуе. Вѣра родителей въ разумность и справедливость ихъ увѣщаній и совѣтовъ дѣтямъ нерѣдко находится въ обратномъ отнощеніи къ охотѣ дѣтей слѣдовать таковымъ"...

„Въ семьѣ такія обстоятельства объясняются больше всего, „злой волей", испорченностью дѣтей, дурными склонностями и проч., рѣже—это приписывается непониманію дѣтьми самой сути наставленій или недостаточнымъ вниманіемъ къ нимъ"...

А въ этомъ „непониманіи" дѣтьми наставленій взрослыхъ, по мнѣнію автора, заключается главная причина ихъ неповиновенія и безплодности самыхъ повидимому, понятныхъ (для взрослаго) требованій, предъявляемыхъ къ ребенку. Такъ, напримѣръ, требованія гуманнаго отношенія къ прислугѣ только тогда станутъ вполнѣ исполнимыми для всякаго ребенка, если будутъ постигнуты имъ, т. е. ему станетъ ясна самая суть ихъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ только извѣстныя мысли и чувства сдѣлаются достояніемъ собственной души ребенка, войдутъ вполнѣ въ его сознаніе. Въ „сознательности" поступковъ

дитяти заключается весь залогъ его послушанія.

Приводя въ примѣръ пьесу Ренара, въ которой изображена жизнь ребенка, получающаго воспитаніе на основахъ навязыванія ему извѣстныхъ мыслей, желаній и вкусовъ, авторъ показываетъ всю опасность подобной ломки натуры и темперамента ребенка, т.-е. приходитъ къ тому же заключенію, которое задолго высказано великимъ педагогомъ Яномъ Амосомъ Коменскимъ. „Поэтому, заключаетъ авторъ, наставленія прежде всего должны согласоваться съ пониманіемъ дѣтей и даваться въ такой формѣ, при которой они вошли бы въ дѣтское сознаніе, какъ необходимость по его же, дитяти, сознанію.“ „Дальнѣйшимъ правиломъ тутъ является возможное содѣйствіе со стороны старшихъ приводить въ исполненіе даваемыя наставленія.“ „Всего лучше наводить дѣтей на исполненіе тѣхъ или другихъ родительскихъ желаній посредствомъ ихъ же собственныхъ дѣтскихъ соображеній. Они тогда скорѣе будутъ соотвѣтствовать темпераменту дитяти и будутъ оттого несомнѣнно полезнѣе и прочнѣе. Отъ распространеннаго у насъ взгляда, что „дитя не можетъ многаго понимать, оно должно повиноваться и безъ пониманія“ нужно возможно скорѣе отрѣшиться родителямъ и воспитателямъ дѣтей......

Р.

Къ свѣдѣнію гг. родителей.

I.

24-го сентября 1906 г. при нашей гимназіи состоялось общее собраніе родителей для избранія членовъ Родительскаго Комитета. Избранными оказались:

отъ приготовительнаго класса:

Георгій Михайловичъ Шерихъ (Верхне-Покров. ул., д. № 15) и Василій Өоковичъ Косматовъ (Щепная площадь, д. Наземновой, № 10).

отъ 1-го класса:

1-го отдѣленія—Марія Павловна Демме (Лекарск. ул., д. Елисеева, № 15) и Николай Александровичъ Никифоровъ (Дворянская, д. Касимовой, № 17).

2-го отдѣленія—Витольдъ Матвѣевичъ Роговской (Казанская, д. Брагина, № 129) и Раковъ Николай Игнатьевичъ (Касаткинъ пер., д. Ряз.-Ур. ж. д., № 34).

отъ 2-го класса:

Иванъ Дмитріевичъ Ергольскій (Садовая, д. Соловьева, № 9) и Клавдія Васильевна Листова. (Верхне-Покров., д. Перкалева, № 23).

отъ 3-го класса:

Павелъ Васильевичъ Сердобольскій (около Богоявленской ц., собств. д.) и Ольга Феликсовна Булгакова (Никольская, д. Барышева).

ОТЪ 4-ГО КЛАССА:

Викентій Адамовичъ Родзевичъ (Верхне-Покровская, д. Начаркина, № 12) и Иванъ Ивановичъ Здановскій (Козье Болото, д. Остолопова).

ОТЪ 5-ГО КЛАССА:

Николай Евграфовичъ Поповъ (Верхне-Покровск. ул., д. Самсонова) и Аполлинарій Васильевичъ Ключаровъ (Поповка, № 50).

ОТЪ 6-ГО КЛАССА:

Степанъ Даниловичъ Моисеевъ (Тамбов. ул., собств. д.) и Сергѣй Павловичъ Александровъ (домъ 3-го город. нач. училища, рядомъ съ город. управой.)

ОТЪ 7-ГО КЛАССА:

Николай Федоровичъ Быстровъ (уголъ Пѣшей и Тамб. улицъ, собств. д.) и Иванъ Николаевичъ Ашанинъ (Троицкая ул., соб. д.)

ОТЪ 8-ГО КЛАССА:

Константинъ Александровичъ Шапошниковъ (домъ управленія госуд. имущ. на Губернаторской ул.) и Иванъ Васильевичъ Алонзовъ (Нагорная ул., соб. д.)

Затѣмъ состоялись выборы предсѣдателя Комитета и его замѣстителя. Большинствомъ голосовъ, поданныхъ записками, предсѣдателемъ избранъ священникъ Николай Федоровичъ Быстровъ, а его замѣстителемъ дѣйствительный ст. сов. Константинъ Александровичъ Шапошниковъ.

II.

Циркулярныя распоряженія М. Н. Пр. относительно родительскихъ комитетовъ при гимназіяхъ.

Родительскіе комитеты при гимназіяхъ, за немногими исключеніями, начали снова свою дѣятельность. Такъ какъ многіе изъ родителей точно не ознакомлены съ правами и обязанностями комитетовъ, то редакція считаетъ долгомъ своимъ воспроизвести тѣ распоряженія, которыми устанавливаются эти права и обязанности. Сюда относятся собственно три документа: 1) циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 25 ноября 1905 г.—о мѣрахъ къ упорядоченію школьной жизни, 2) циркулярное разъясненіе по тому же вопросу отъ 22 декабря 1905 года и 3) циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія на имя окружныхъ попечителей отъ 5 августа 1906 года. Приводимъ всѣ эти циркуляры подлинникомъ.

1. Въ циркулярѣ отъ 25 ноября 1905 года предписано: „Разрѣшить образованіе при каждомъ среднемъ учебномъ заведеніи совѣщаній родителей учениковъ всей школы и отдѣльныхъ ея классовъ съ предоставленіемъ родителямъ правъ организаціи родительскаго комитета, въ составъ коего должны входить члены, избранные на 1 годъ родителями учениковъ каждаго класса, а предсѣдателемъ его должно быть лицо, избранное общимъ собраніемъ родителей для предсѣдательствованія въ общихъ собраніяхъ и въ комитетѣ. Предсѣдателю родительскаго комитета должны быть предоставлены права, одинаковыя съ правами почетнаго попечителя гимназіи, какъ въ педагогическомъ совѣтѣ, такъ и въ хозяйст-

венномъ комитетѣ учебнаго заведенія. Постановленія общаго родительскаго совѣщанія и родительскаго комитета, въ случаѣ внесенія ихъ въ педагогическій совѣтъ, должны быть въ немъ обсуждаемы. Общія родительскія совѣщанія должны созываться по постановленію родительскаго комитета или педагогическаго совѣта. Въ послѣднемъ случаѣ совѣщаніе происходитъ подъ предсѣдательствомъ директора и на немъ долженъ присутствовать педагогическій персоналъ.

При этомъ г. министръ обращаетъ вниманіе педагогическихъ совѣтовъ, что, находя необходимымъ для упорядоченія школьной жизни поднятіе ихъ авторитета и полномочій, онъ вполнѣ увѣренъ, что они окажутся на высотѣ своего призванія и въ своихъ постановленіяхъ будутъ руководствоваться исключительно педагогическими соображеніями, не допуская внесенія въ жизнь школы такихъ, напр., явленій, какъ ученическія организаціи, съ притязаніями образованія власти учениковъ надъ учениками или съ цѣлями представленія тѣхъ или другихъ требованій къ администраціи школы. Ненормальныя явленія эти, возникшія на почвѣ отстраненія семьи отъ школы, съ введеніемъ вышеуказанныхъ мѣръ не должны имѣть мѣста. При этомъ педагогическіе совѣты могутъ быть увѣрены, что въ своемъ отстаиваніи истинно педагогическихъ основаній строя школьной жизни они найдутъ твердую и полную поддержку министерства. Что касается родительскихъ совѣщаній, то во избѣжаніе недоразумѣній г. министръ присовокупилъ, что право участія на нихъ принадлежитъ только родителямъ учениковъ, ихъ опекунамъ и директорамъ и воспитателямъ пансіона-пріюта (гдѣ таковые имѣются) и вышеозначенными лицами никому это право передо-

вѣряемо быть не можетъ. Педагогическій персоналъ учебнаго заведенія можетъ присутствовать на родительскомъ совѣщаніи въ случаѣ приглашенія предсѣдателемъ собранія или самимъ собраніемъ. Созываться родительскія совѣщанія должны чрезъ повѣстки, а не путемъ газетныхъ публикацій, такъ какъ такой только способъ созыва обезпечитъ освѣдомленныхъ всѣхъ родителей о предстоящемъ собраніи".

2. Въ циркулярномъ разъясненіи относительно примѣненія вышеизложеннаго распоряженія Министерства Н. Пр. сдѣланномъ г. Товарищемъ Министра отъ 22 декабря 1905 года, находимъ слѣдующее:

а) Обсужденію педагогическихъ совѣтовъ могутъ подлежать только тѣ постановленія родительскихъ комитетовъ, которыя касаются вопросовъ, не выходящихъ изъ сферы компетенціи этихъ совѣтовъ.

б) Избраніе одного представителя для всѣхъ учебныхъ заведеній даннаго города или отдѣльнаго лица для сихъ заведеній предоставляется усмотрѣнію Думы.

в) Руководство родительскими собраніями принадлежитъ ихъ предсѣдателямъ, на обязанности которыхъ лежитъ и наблюденіе затѣмъ, чтобы собранія эти не уклонялись отъ общеустановленныхъ для собраній правилъ.

г) Лица женскаго пола не исключаются изъ числа лицъ, могущихъ быть избираемыми въ члены родительскаго комитета и въ предсѣдатели его.

(Цир. по Хар. уч. окр. отъ 19 янв. 1906 г. за № 978)

3. Въ циркулярѣ отъ 5-го августа 1906 г г-нъ министръ обращается къ попечителямъ округовъ съ такимъ

предложеніемъ: „Съ окончаніемъ $190^5/_6$ учебнаго года истекъ срокъ полномочій родительскихъ комитетовъ, организованныхъ на основаніи циркулярнаго предложенія министерства отъ 25 ноября минувшаго года. Въ виду проистекающей отсюда необходимости назначенія новыхъ выборовъ для избранія членовъ и предсѣдателей означенныхъ комитетовъ на предстоящій учебный годъ и въ разъясненіе вопросовъ, возникшихъ при примѣненіи упомянутаго циркуляра, я нахожу необходимымъ преподать нижеслѣдущія указанія.

По окончаніи всѣхъ переводныхъ и пріемныхъ испытаній въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ началѣ новаго учебнаго года, т. е. по окончательномъ опредѣленіи наличнаго состава учащихся, начальники означенныхъ учебныхъ заведеній созываютъ родителей учащихся по классамъ для избранія членовъ родительскихъ комитетовъ отъ каждаго класса. Въ этихъ выборныхъ совѣщаніяхъ принимаютъ участіе исключительно родители учащихся и опекуны, т. е. тѣ лица, коимъ въ установленномъ порядкѣ ввѣрена опека надъ учащимися. Учащіеся какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній ни въ какомъ случаѣ замѣщать собою родителей на этихъ выборахъ не могутъ. Передача голосовъ также не допускается.

Предсѣдательство на означенныхъ совѣщаніяхъ принадлежитъ начальнику учебнаго заведенія, на которомъ лежитъ и отвѣтственность за правильность хода выборовъ въ члены родительскаго комитета. Выборы эти производятся закрытой баллотировкой изъ числа родителей и опекуновъ учащихся, какъ присутствующихъ въ данномъ выборномъ совѣщаніи, такъ и отсутствующихъ, но проживающихъ въ городѣ, при чемъ

допускается к избраніе, если таковое состоится, обоихъ родителей въ качествѣ представителей учащихся въ разныхъ классахъ. Число членовъ родительскаго комитета отъ каждаго класса не должно превышать 3.

По сформированіи родительскаго комитета, начальникъ учебнаго заведенія созываетъ общее собраніе всѣхъ родителей и опекуновъ учащихся для избранія изъ числа членовъ родительскаго комитета предсѣдателя комитета и его замѣстителя. Для дѣйствительности выборовъ требуется, чтобы на собраніи участвовало не менѣе $^{2}/_{3}$ всѣхъ живущихъ въ городѣ родителей и опекуновъ учащихся; въ случаѣ неявки такого числа назначается новое собраніе, которое считается состоявшимся при наличности $^{1}/_{2}$ общаго числа означенныхъ лицъ, при чемъ выборы производятся закрытой баллотировкой и опредѣляются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

Согласно указанію, содержащемуся въ циркулярѣ 25 ноября 1905 г., предсѣдатель родительскаго комитета участвуетъ, на правахъ почетнаго попечителя, въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній и хозяйственныхъ комитетовъ, гдѣ таковые имѣются. На попечительные совѣты женскихъ гимназій и прогимназій этотъ порядокъ не распространяется. Съ согласія начальника учебнаго заведенія, предсѣдатель родительскаго комитета можетъ присутствовать на экзаменахъ и посѣщать уроки преподавателей, но безъ права дѣлать послѣднимъ какія либо замѣчанія.

Замѣститель предсѣдателя комитета вступаетъ въ отправленіе обязанностей предсѣдателя, съ присвоенными послѣднему правами, въ случаѣ болѣзни или отсут-

ствія его по какимъ либо причинамъ, при чемъ для каждаго отдѣльнаго учебнаго заведенія можетъ быть лишь одинъ замѣститель предсѣдателя.

Порядокъ собраній родительскихъ совѣщаній указанъ въ циркулярѣ 25 ноября 1905 г. Въ дополненіе къ этому считаю необходимымъ пояснить, что образованіе означенныхъ совѣщаній имѣло главною цѣлью оказаніе содѣйствія со стороны общества правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ средней школѣ и, въ частности, устраненію изъ нея тѣхъ ненормальныхъ явленій, которыя имѣли въ ней мѣсто въ послѣднее время. Этой именно задачей и долженъ опредѣляться характеръ дѣятельности родительскихъ совѣщаній и комитетовъ. Постановленія сихъ органовъ, являясь выраженіемъ ихъ взглядовъ и пожеланій по тѣмъ или инымъ вопросамъ школьнаго дѣла, подлежатъ въ случаѣ внесенія ихъ въ педагогическій совѣтъ, обсужденію въ немъ въ предѣлахъ компетенціи, предоставленной ему закономъ.

Этими указаніями съ достаточною полнотою опредѣляются основы дѣятельности родительскихъ комитетовъ, а потому надобности въ особой регламентаціи таковой, путемъ утвержденія для комитетовъ особыхъ уставовъ, не усматривается".

III.

Родительскій комитетъ при 2-й Пензенской мужской гимназіи.

Родительскій комитетъ при 2-й мужской гимназіи былъ составленъ на общемъ родительскомъ собраніи 24 сентября 1906 года.

Новый комитетъ началъ свою дѣятельность съ засѣданія 15 октября. На этомъ засѣданіи предсѣдатель познакомилъ новыхъ членовъ съ дѣятельностью комитета въ прошломъ году. Въ дѣятельности своей старый комитетъ руководился выработанной имъ программой, которая была одобрена общимъ родительскимъ собраніемъ 12 марта 1906 г. Сущность программы сводится къ слѣдующему. Средствами для поднятія учебно-воспитательнаго дѣла въ гимназіяхъ и авторитета педагогическихъ корпорацій (основная цѣль родительскихъ комитетовъ, какъ это изъяснено въ министерскихъ циркулярахъ) могутъ быть:

I. Оживленіе началъ семейнаго воспитанія.

До послѣдняго времени школа отграничивала себя отъ семьи. Съ другой стороны, и семья мало знала школу и почти ничѣмъ не помогала ей. Благодаря такому печальному явленію, та и другая много теряли въ смыслѣ руководительнаго воздѣйствія на юношество. Мало этого. Школа и семья иногда даже вредили другъ другу въ глазахъ юношества: школа подрывала авторитетъ семьи, а семья—школы, въ лучшемъ, но далеко не

желательномъ случаѣ, семья почти ничего не дѣлала съ подростающими юношами, полагаясь на школу и ея учителей, а школа тоже не исполняла должнымъ образомъ своихъ обязанностей въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, ссылаясь на семью.

Новый порядокъ вещей налагаетъ, конечно, и на семью (на семью прежде всего), и на школу новыя обязанности.

Всякій долженъ согласиться, что современная семья имѣетъ много недостатковъ въ дѣлѣ воспитанія юношества. Первый нашъ недостатокъ въ семейномъ воспитаніи—индифферентизмъ, неискренность, лицемѣріе въ дѣлахъ вѣры; затѣмъ слѣдуютъ, съ одной стороны, неумѣнье и нежеланье говорить съ дѣтьми о многихъ предметахъ большой важности, какъ-то: о происхожденіи людей, о той ужасной болѣзни, которой заражаетъ и губитъ цѣлыя поколѣнія людей, о такъ называемомъ школьномъ порокѣ дѣтей; наше ничѣмъ неуравновѣшенное, иногда безалаберное отношеніе къ современнымъ событіямъ и общественнымъ дѣятелямъ: съ одной стороны, мы сами, безпощадно, не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей, громимъ всѣхъ, кто попадается подъ руку, безпощадно и подчасъ неосновательно критикуемъ нашу жизнь, вмѣстѣ съ дѣтьми подрываемъ всякое уваженіе къ школѣ и ея дѣятелямъ, а съ другой, желаемъ, чтобъ дѣти не увлекались политическими идеями и относились въ частности съ уваженіемъ къ школѣ и учителямъ. Необходимо также отмѣтить уклоненіе отцовъ и матерей, а м. б. и неумѣнье ихъ бесѣдовать съ дѣтьми, особенно по вопросамъ ихъ интересующимъ: мы всегда „устали“, „не тѣмъ заняты“, чтобъ могли сосредоточиться на мелочахъ,

наконецъ, „у дѣтей есть учителя и репетиторы: почему они къ нимъ не обращаются?“ Однимъ словомъ, получается такая картина семейнаго воспитанія, что дѣти наши въ семействѣ, начиная съ 10—11 лѣтъ, т. е. съ момента вступленія въ школу, ростутъ внѣ всякаго, болѣе или менѣе правильнаго, нравственнаго и развивающаго воздѣйствія, такъ какъ семья или не умѣетъ, или не желаетъ воздѣйствовать. А если принять во вниманіе, что, въ большинствѣ случаевъ, школа тоже не воспитываетъ дѣтей, полагая, что ея дѣло только учить, то мудрено ли, что ребенокъ нашъ, въ юношескіе годы, когда особенно нужно бываетъ нравственное воздѣйствіе, не видя ни отъ семьи, ни отъ школы ни помощи, ни благожелательнаго совѣта, самъ находитъ себѣ друзей и руководителей и, къ сожалѣнію, находитъ тамъ, гдѣ особенно нежелательно было бы находить. Уволенный изъ гимназіи за „поведеніе“ и „малоуспѣшность“ ученикъ VI—VII кл. иногда для дѣтей становится большимъ авторитетомъ, чѣмъ отецъ, мать, воспитатели, учителя. Виноваты ли дѣти въ такомъ положеніи вещей? Ими не управляли, они сами стали управлять и собой и другими,—даже старшими, даже отцами и матерями.

Семьѣ дана возможность ближе подойти къ школѣ и помочь ей въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Но это отнюдь не значитъ, что семья можетъ итти теперь въ школу, чтобъ только *требовать, учить и распоряжаться;* она, чтобъ имѣть право голоса и работы въ школѣ, должна прежде всего, обратить вниманіе на себя и черезъ то пріобрѣсти, такъ сказать, *нравственное* право на то, чтобъ совѣтовать школѣ, помогать, желать, а по временамъ м. б. и требовать. Дѣлать все это семья

должна возможно осторожнѣе, деликатнѣе, тактичнѣй, чтобъ, съ одной стороны, не обидѣть тружениковъ школы, а съ другой,—чтобъ дѣти не вообразили, что родители вступаютъ вмѣстѣ съ ними въ борьбу со школой: тогда семья не сдѣлаетъ своего дѣла, къ которому она призывается, не подниметъ авторитета школы, а еще болѣе уронитъ его, и несомнѣнно послѣдняя вина будетъ больше первой.

Такимъ образомъ семья должна позаботиться о собственномъ авторитетѣ въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей и вообще о болѣе нормальной постановкѣ семейнаго воспитанія. А такъ какъ въ большинствѣ случаевъ недостатки семейнаго воспитанія зависятъ отъ неумѣнья и неосвѣдомленности семьи въ вопросахъ воспитанія, то проведеніе въ наши семьи здравыхъ началъ воспитанія есть первая мѣра, которую нужно указать какъ средство къ поднятію воспитанія нашего юношества вообще и учебно-воспитательнаго дѣла школы въ частности. Чтобъ воспитывать другихъ, надо быть самому воспитаннымъ... Нельзя не пожелать, чтобъ лекціи спеціалистовъ по основнымъ вопросамъ воспитанія, а также распространеніе лучшей педагогической литературы среди нашихъ родителей, какъ средство проведенія въ современную семью здоровыхъ началъ разумной педагогіи были признаны нами, родителями, какъ важное и неотложное средство для поднятія учебно-воспитательнаго дѣла нашего юношества, нашихъ учебныхъ заведеній.

Комитетъ полагаетъ, что на счетъ лекторовъ возможны ходатайства предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Другія министерства за свой счетъ посылаютъ спеціалистовъ для чтенія лекцій о борьбѣ съ

саранчей, объ искусственномъ орошеніи, о борьбѣ съ оврагами, о раціональномъ куроводствѣ... Неужели откажетъ наше министерство въ нашей просьбѣ научить насъ, какъ намъ разводить лучшую породу людей?..

Если-жъ ходатайства наши не будутъ удовлетворены, родители могутъ тогда пригласить спеціалистовъ лекторовъ и на собственныя средства!..

2. Улучшеніе учебно-воспитательнаго дѣла собственно въ гимназіяхъ.

Переходя затѣмъ къ положенію учебно-воспитательнаго дѣла въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ и къ вопросу о средствахъ къ поднятію авторитета педагогическихъ совѣтовъ, необходимо съ перваго же слова отвѣтить на вопросъ: отъ чего, главнымъ образомъ, страдаетъ наша школа и каковы вообще ея недостатки? Только зная недостатки, можно указать и средства для ихъ уврачеванія.

Кажется, признано уже фактомъ, что главные недостатки нашей средней школы слѣдующіе: а) излишній формализмъ; б) страшная переполненность и в) бѣдность ея подсобныхъ учрежденій.

а) Волею судьбы и историческихъ обстоятельствъ учитель русской средней школы являлся у насъ въ полномъ смыслѣ слова мало обезпеченнымъ труженикомъ, поставленнымъ въ довольно тяжелыя условія и въ дѣлѣ преподаванія. Отъ жизни, ея движеній и требованій учитель былъ отграниченъ множествомъ различныхъ предписаній, безъ которыхъ однако обойтись было невозможно... Какъ слѣдствіе этого, въ школѣ царили формализмъ и безсердечное, въ лучшемъ случаѣ, равнодушное отношеніе къ воспитанникамъ. Наша гимназія въ этомъ отношеніи представляетъ пріятное исключеніе, но это

явленіе случайное и зависящее отъ личныхъ свойствъ начальника учебнаго заведенія. Формальное же отношеніе къ дѣтямъ въ другихъ школахъ—фактъ общеизвѣстный.

Чтобы помочь означенной бѣдѣ, нужны, конечно, измѣненія въ характерѣ постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. И родители, само собой, не откажутся, или черезъ свои собранія родительскія или чрезъ избранные ими комитеты, подать свой голосъ объ ускореніи реформы школы, какъ сообщаютъ газеты, уже созрѣвшей въ министерствѣ нар. просв. и, кажется, готовой къ своему разрѣшенію,—съ просьбой, чтобъ реформа была проведена гласно, а не канцелярскимъ путемъ, съ широкимъ участіемъ представителей общества. Но ждать такой перестройки, и, въ ожиданіи лучшаго будущаго, ничего не дѣлать теперь, по меньшей мѣрѣ, неосновательно. Надо надѣяться, что введеніе въ составъ педаг. совѣтовъ представителей земства, городовъ, дворянства и т. д. вольетъ въ совѣты струю живого воздуха и напомнятъ современнымъ дѣятелямъ школы, что кромѣ циркуляровъ и программъ, есть еще болѣе строгіе ревизоры и судьи—это жизнь съ ея требованіями и запросами. Мы, семья и школа,—удивляемся, если наши юноши, въ самый скользкій возрастъ своей жизни слушаются больше людей неустановленной репутаціи, чѣмъ насъ, отцовъ и преподавателей: такъ помогите же, г.г. наставники, въ этомъ горѣ нашей семьѣ! Дѣти наши увлекаются подпольной литературой политическаго содержанія. Почитайте лекціи и разъясните имъ, что чтеніе одной такой литературы ведетъ лишь къ узкому, однобокому развитію и не даетъ истиннаго знанія, что такое чтеніе допустимо лишь для людей установившихся и пріобрѣтшихъ путемъ школы

и саморазвитія солидное общее образованіе, хотя бы въ размѣрѣ программъ средней школы, что существеннымъ условіемъ этого образованія служитъ знакомство, прежде всего, съ классическими произведеніями литературы всѣхъ странъ и народовъ и своей въ особенности. Въ этомъ случаѣ, чтеніе лекцій г.г. наставниками во внѣклассное время, рекомендація книгъ положительнаго и критическаго содержанія, и даже— еще лучше—снабженіе ими учениковъ и послѣдующій разборъ прочитаннаго весьма желательны. Кромѣ статей политическаго содержанія можно указать на увлеченіе дѣтей такими произведеніями, какъ „Жизнь Іисуса“ Э. Ренана. Запретить дѣтямъ читать эту книгу въ наше время нѣтъ никакой возможности потому, что ею завалены всѣ полки и прилавки нашихъ магазиновъ,— да съ нѣкоторой точки зрѣнія, едва ли это и желательно въ каждой семьѣ и въ каждомъ случаѣ. Пусть же о.о. законоучители познакомятъ не только нашихъ дѣтей, но и насъ, родителей, съ положительными и отрицательными качествами этой книги, чтобъ дѣти имѣли послѣ этого, что-нибудь такое, на что они могли бы опереться, а мы, родители, при случаѣ, разъяснить что-нибудь дѣтямъ, такъ или иначе воздѣйствовать на нихъ, предупредить, предохранить. Тоже самое нужно сказать о художественныхъ произведеніяхъ—пьесахъ современнаго содержанія, дающихся на сценахъ нашихъ театровъ. Ими ученики наши увлекаются чаще всего и больше всего потому, что въ нихъ затрагиваются интересы соціальные. Пусть школа объяснитъ истинный смыслъ этихъ произведеній, и укажетъ имъ надлежащее мѣсто въ исторіи литературы и человѣческаго знанія. Пусть она докажетъ, что увлекаться ими, видѣть въ этихъ произведеніяхъ начало и конецъ вообще всякому знанію и искусству, по меньшей мѣрѣ, неосновательно и односторонне.

Само собою разумѣется, что семья и здѣсь должна помочь школѣ, такъ какъ одна школа можетъ оказаться въ такомъ сложномъ дѣлѣ слишкомъ малосильной, чтобы отвѣтить назрѣвшей потребности: одинъ-два учителя не могутъ прочитать 10-15 лекцій и быть въ курсѣ всѣхъ современныхъ вопросовъ литературы, искусства и политики, а съ другой стороны, учитель рекомендуя вмѣсто такой-то книги или одновременно съ ней прочитать вотъ-что, не имѣетъ указываемой книги ни въ ученической, ни въ фундаментальной библіотекахъ, не знаетъ даже, гдѣ ученики могутъ достать ее и со стороны. Такимъ образомъ родители и здѣсь должны позаботиться, въ случаѣ нужды, о приглашеніи особыхъ лекторовъ-спеціалистовъ, о пополненіи ученической и фундаментальной библіотеки заведенія и т. д.

б) Переполненность школы—одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей школы, обвиняютъ учителя, почему онъ не прорабатываетъ матеріала, даннаго къ извѣстному уроку, на предыдущемъ урокѣ съ каждымъ ученикомъ въ отдѣльности,—почему онъ вообще не учитъ съ учениками уроковъ, какъ это дѣлается, примѣрно, во французской школѣ. Но французская школа имѣетъ 30, maximum 35 человѣкъ въ классѣ, а наши—иногда 60—65 и болѣе учениковъ. Французская школа имѣетъ уже исправительныя заведенія, куда идутъ безпощадно откидываемые ежегодно отбросы каждаго класса, а у насъ доселѣ и нормальныя то школы считаются единицами...

Единственное средство избѣгнуть многолюдства и переполненности школы—это ускоренное открытіе новыхъ гимназій въ такомъ числѣ, чтобъ онѣ могли удовлетворять спросу на образованіе и нормой считали бы не больше 30 ч. на классъ. Дѣло огромной важности и

трудности, требующее напряженія государственныхъ и общественныхъ силъ,—послѣднихъ въ особенности; безъ широкаго участія общества въ этомъ дѣлѣ одно государство никогда не разрѣшитъ вопроса. Какъ на палліативную мѣру, тѣмъ не менѣе заслуживающую полнаго вниманія, нужно указать на открытіе параллельныхъ отдѣленій въ первыхъ четырехъ классахъ нашихъ среднеучебныхъ заведеній, о чемъ примѣнительно къ нашей гимназіи, будетъ сказано ниже.

в) Что касается, затѣмъ, подсобныхъ учрежденій, учебныхъ пособій, мы видимъ, что бѣдность ихъ въ нѣкоторыхъ среднихъ школахъ удивительная. Ученическія библіотеки, хотя и насчитываютъ по 2—3 тысячи экземпляровъ, но въ это число, по провѣркѣ, входятъ и копеечныя брошюры и книги, болѣе похожія на кучу лохмотьевъ, чѣмъ на книгу: въ этой лапшѣ не найдешь ни начала, ни конца. Фундаментальныя библіотеки, заключая въ себѣ, главнымъ образомъ, старые журналы, учебники, извѣстія министерства народнаго просвѣщенія и под. едва ли могутъ обслуживать, какъ должно, нужды и потребности въ хорошей книгѣ и учебномъ пособіи учащагося юношества. Тѣмъ больше, что пользованіе книгами фундаментальной библіотеки для учениковъ, какъ извѣстно, обставлено большими формальными затрудненіями. Здѣсь семья обязана притти на помощь школѣ, прежде всего, денежными пожертвованіями, если каждый изъ родителей пожертвуетъ въ среднемъ по одной хорошей книги, это сразу уже будетъ большимъ пріобрѣтеніемъ. Съ годами же можетъ создаться чудная библіотека. А нынѣ такой способъ увеличенія библіотекъ кажется въ особенности желательнымъ и для родителей нетруднымъ: при сравнительной дешевизнѣ книги, при новой

системѣ выдачи премій при нашихъ журналахъ, при постоянно улучшающихся и удешевляющихся изданіяхъ писателей,—въ домѣ даже средняго достатка, всегда найдутся лишнія книги добропорядочнаго содержанія; отдать ихъ для насъ, въ сущности, ничего не стоитъ, а для школы это будетъ цѣлымъ кладомъ.

Физическіе кабинеты—тоже невсегда стоятъ на должной высотѣ. Въ нѣкоторыхъ школахъ не имѣется даже волшебныхъ фонарей и картинъ, что кажется, является теперь достояніемъ уже каждой болѣе или менѣе обезпеченной сельской начальной школы. Естественно-историческіе кабинеты и музеи только что заводятся и то не во всѣхъ школахъ.

Танцовальные классы имѣются только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ. Занятій музыкой нѣтъ; школьныхъ оркестровъ, которые такъ желательны для дѣтей и такъ умѣютъ заполнять ихъ свободное время и отвлекать отъ знакомства съ дурными руководителями, такъ мало, что о нихъ можно и не говорить. (Въ Пензѣ только при 2 гимназіи).

Родители, чрезъ посредство своихъ родительскихъ кружковъ, должны притти съ широкой помощью и въ дѣлѣ развитія этихъ учрежденій.

Нельзя также не позаботиться и о физическомъ воспитаніи дѣтей, каковое при переполненности нашихъ средне-учебныхъ заведеній повсюду находится въ довольно плачевномъ положеніи... Нужно ожидать, что съ открытіемъ параллельныхъ отдѣленій въ нашей гимназіи улучшатся условія и для физическаго развитія дѣтей. Поэтому первая обязанность комитета—заботиться отъ открытіи параллелей.

Въ частности семья должна помочь школѣ въ умень-

шеніи пропуска уроковъ учениками, для чего родители должны давать извѣщенія о болѣзни дѣтей не по окончаніи болѣзни, а въ первый же день нехожденія въ классъ, и вообще отнестись къ этому вопросу самымъ серьезнымъ образомъ. Наконецъ крайне желательно самое широкое участіе родителей въ обществѣ вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ гимназіи. Это участіе развило бы между родителями солидарность и сразу создало бы, такъ сказать, *репутацію родительскимъ кружкамъ и собраніямъ*.

Во исполненіе этихъ своихъ предположеній, прошлогодній комитетъ приступилъ къ своей дѣятельности. За краткостью времени (съ марта до мая) комитетъ чего-либо существеннаго для гимназіи сдѣлать, конечно, не могъ. При помощи комитета было ускорено только открытіе параллельнаго отдѣленія при первомъ классѣ, для чего со стороны комитета и предсѣдателя пришлось входить съ ходатайствами къ г.г. Министру и попечителю округа, да рѣшено открытіе классныхъ ученическихъ библіотекъ. Впрочемъ сказать, что комитетомъ вообще ничего не сдѣлано, слишкомъ рисковано. Чрезъ комитетъ въ школу вносился каждый разъ голосъ семьи, общества, чего въ нашей школѣ давно уже не было. При существованіи комитета и школа должна была считаться не съ одними циркулярами, но съ требованіями жизни и времени. Въ этомъ отношеніи очень существенное значеніе имѣло присутствіе предсѣдателя комитета, какъ представителя родительскихъ интересовъ, на педагогическихъ собраніяхъ совѣта гимназіи. Близкое знакомство предсѣдателя съ положеніемъ и нуждами родителей тѣхъ учениковъ, у кото-

рыхъ случались разныя неустойки, давали совѣту возможность освѣщать вопросы всесторонне. И можно свидѣтельствовать, что, благодаря отзывчивости г.г. преподавателей и сердечности директора гимназіи, почти всѣ недоразумѣнія ученической жизни, въ которыхъ принималъ участіе комитетъ или предсѣдатель, оканчивались къ обоюдному соглашенію и удовольствію семьи и школы...

Впрочемъ на счетъ малой продуктивности въ работахъ комитета, кромѣ краткости времени, была и другая, болѣе важная причина. Несомнѣнно, комитетъ могъ бы сдѣлать больше, если-бъ не индифферентность родителей къ дѣлу воспитанія дѣтей. На всѣ свои начинанія прошлогодній комитетъ со стороны родителей получалъ одно только молчаніе. Комитетъ просилъ о пожертвованіяхъ на классныя библіотеки деньгами, отозвались только двое родителей. Просилъ жертвовать книги, отозвалось еще меньше. Приглашалъ къ участію въ обществѣ для вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ,—кромѣ членовъ комитета, никто не отозвался. Даже на общее собраніе для избранія представителей отъ классовъ и предсѣдателя комитета родители являлись до того неохотно, что еле-еле можно было признать законнымъ только второе собраніе...

Переходя затѣмъ къ предстоящей дѣятельности нынѣшняго комитета, предсѣдатель комитета, на основаніи прошлогодняго опыта, пришелъ къ тому заключенію, что единственнымъ и самымъ вѣрнымъ путемъ для продуктивной дѣятельности комитета служитъ, по его убѣжденію, ближайшее знакомство комитета, чрезъ посредство г.г. классныхъ предста-

вителей, съ родителями учащихся, такъ какъ главною причиною малоуспѣшности прошлогоднихъ начинаній комитета является именно индифферентность родителей въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и въ судьбахъ гимназіи. Необходимо во что бы ни стало изыскать способы заинтересовать родителей жизнью гимназіи...

Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній, комитетъ, соглашаясь съ мнѣніемъ предсѣдателя, постановилъ признать знакомство чрезъ классныхъ представителей съ родителями учащихся, ихъ взглядами на вопросы воспитанія и положеніе учебно-воспитательнаго дѣла въ гимназіи, въ высшей степени желательнымъ въ цѣляхъ сближенія семьи и школы и осуществленія тѣхъ задачъ, которыя ставятся родительскимъ комитетамъ, при чемъ выражено пожеланіе выработать точную программу касательно формы и содержанія такого знакомства, на каковой предметъ и назначить слѣдующее засѣданіе.

Слѣдующее собраніе комитета состоялось 22 октября. Между другими вопросами, на этомъ собраніи продолжалось обсужденіе возбужденныхъ предположеній о будущей дѣятельности комитета.

Вслѣдствіе постановленія комитета въ засѣданіи 15 октября о выработкѣ схематической программы вопросовъ, которые желательно было бы выяснить на классныхъ родительскихъ собраніяхъ, предсѣдатель комитета полагалъ необходимымъ: во 1-хъ, чтобы классные представители освѣдомились о нуждахъ класса непосредственно у классныхъ наставниковъ, узнали бы отъ нихъ, въ чемъ именно и въ какой мѣрѣ родители учащихся могли бы проявить свое участіе въ дѣлѣ школьнаго устроительства, съ одной

стороны, и сближенія школы съ семьею, съ другой. Во вторыхъ, классные представители должны посѣтить родителей учащихся на дому и изъ личныхъ бесѣдъ съ ними выяснить ихъ отношеніе и взглядъ на школу вообще и на нашу гимназію въ частности; желательно при этомъ выяснить, какъ именно семья должна реагировать на школу въ дѣлѣ воспитанія и ученія, опредѣлить по возможности ея взглядъ на религіозное, умственное, нравственное и эстетическое воспитаніе, на улучшеніе постановки семейнаго воспитанія (безъ участія школы) и т. п... Въ частности, обратить вниманіе родителей на громадное значеніе въ дѣлѣ правильнаго умственнаго развитія дѣтей ученическихъ библіотекъ и крайнюю желательность возможно скорѣйшаго осуществленія ихъ, для чего необходимо привлечь къ къ участію въ этомъ благомъ дѣлѣ самихъ родителей, причемъ участіе ихъ можетъ выразиться въ той формѣ, какая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ признана ими возможной. Комитетъ, соглашаясь съ высказаннымъ мнѣніемъ, постановилъ: составить списки родителей учащихся, распредѣлить ихъ между классными представителями по ихъ усмотрѣнію; при этомъ каждый представитель долженъ посѣтить возможно большее число родителей на дому и результаты этихъ посѣщеній доложить комитету; въ зависимости отъ результатовъ ознакомленія съ родителями созвать классныя родительскія собранія для разрѣшенія намѣченныхъ вопросовъ, а затѣмъ, если окажется необходимымъ, созвать и общее родительское собраніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по предложенію предсѣдателя,

комитетъ призналъ настоятельно необходимымъ отпечатать журналы прошлогодняго комитета для раздачи ихъ родителямъ учащихся, въ видахъ ознакомленія родителей съ работами и предположеніями комитета, а также краткое резюме послѣднихъ двухъ засѣданій.

Въ настоящее время списки родителей готовы, журналы отпечатаны. Остается пожелать г.г. членамъ комитета поближе познакомиться съ г.г. родителями, обмѣняться взаимно взглядами, возбудить среди родителей общій интересъ къ учебно-школьному дѣлу и тѣмъ еще больше расшатать тѣ преграды, что залегли между семьей и школой. Не нужно забывать,—повторяемъ еще разъ,—что успѣхъ всякихъ начинаній комитета больше всего зависитъ отъ степени заинтересованности родителей въ вопросахъ воспитанія.

Н. Ѳ. Б.

Отдѣлъ V-й.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Почтовый ящикъ.

Воспитанникамъ Пензенской 2-й гимназіи, нашимъ юнымъ сотрудникамъ, прислано г. П. П—мъ посвященное имъ стихотвореніе. Съ удовольствіемъ и благодарностью помѣщаемъ его въ нашемъ „Журналѣ", которому такъ дорого сочувствіе общества.

Воспитанникамъ Пензенской Мужской Второй Гимназіи.

Читалъ я Ваше «объявленье»—
Журналъ хотите издавать.
Скажу: отрадное явленье,—
Кричу: друзья, вамъ исполать!

Въ святыя, юныя лѣта
Я самъ «журнальчикъ» издавалъ:
Была тамъ жизни пестрота,—
Все, что вблизи я наблюдалъ.

О, Боже! Чудное волненье
Овладѣвало всей душой!
Я видѣлъ: мыслей единенье
Тогда царило надъ толпой.

Читались жадно всѣ страницы,
И, восхищаясь безъ границъ,
Кругомъ восторженныя лица
Передъ тобой клонились ницъ...

Благія времена!... И нынѣ,
На склонѣ небомъ данныхъ лѣтъ,
Молюсь былой моей святынѣ:
«Вновь озари собою свѣтъ!

«Тебѣ послужатъ беззавѣтно,—
«Успѣхи дѣлая примѣтно,
«Поэты,—юные творцы,—
«Какъ встарь служили ихъ отцы!»

П. П.

Г. Пенза,
14 Октября 1906 года.

Отвѣтъ г-ну N***

Одинъ изъ гг. родителей, имени котораго мы не печатаемъ, не имѣя на то разрѣшенія съ его стороны, обратился къ намъ съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ спрашиваетъ, къ какому результату привело рѣшеніе родительскаго комитета и общаго собранія кружка основать съ помощью педагогическаго персонала, т. е. гг. классныхъ наставниковъ, особыя классныя библіотеки?

По этому поводу можемъ сообщить слѣдующее.

а) Гимназія, при настоящемъ состояніи своихъ спеціальныхъ средствъ и при возможныхъ затратахъ въ будущемъ на открытіе новыхъ параллельныхъ отдѣленій, не можетъ пріобрѣсти для каждаго класса достаточнаго количества даже самыхъ необходимыхъ книгъ. Поэтому рѣшено было ограничиться тѣмъ, что съ сентября мѣсяца текущаго учебнаго года отдѣлить часть ученической библіотеки и перенести книги, предназначенныя для приготовительнаго и двухъ отдѣленій перваго класса,—въ зданіе параллельныхъ отдѣленій; что въ настоящее время и приведено въ исполненіе. Но книжный запасъ, вслѣдствіе увеличившаго почти вдвое числа малолѣтнихъ читателей, оказался слишкомъ скуднымъ; отдѣлъ книгъ для малолѣтнихъ требуетъ немедленнаго пополненія приблизительно 400-ми экземплярами книгъ, наиболѣе подходящихъ для дѣтей 10—12 лѣтняго возраста. Кромѣ того, послѣ заявленія родительскаго комитета о желаніи родителей придти на помощь гимназіи въ дѣлѣ основанія классныхъ библіотекъ, директоромъ гимназіи были предложены учащимся старшихъ классовъ слѣдующіе вопросы относительно внѣкласснаго чтенія ихъ съ цѣлью ознакомиться съ ихъ собственными желаніями и потребностями:

1) Любите ли вы читать?
2) Много или мало читаете?
3) Что способствуетъ или мѣшаетъ чтенію?
4) Когда вы пріобрѣли любовь къ чтенію?
5) Какихъ читанныхъ когда-либо авторовъ вы можете вспомнить?
6) Какія произведенія и какихъ авторовъ вамъ нравятся больше другихъ?
7) Чѣмъ понравились вамъ эти любимыя произведенія?
8) Когда вы больше читаете, во время лѣтнихъ и зимнихъ каникулъ или въ учебное время?

Отвѣты, составленные учениками въ классахъ-же экспромтомъ, даютъ понятіе о потребностяхъ средняго читателя изъ учениковъ и, конечно, могутъ быть приняты къ свѣдѣнію при составленіи классныхъ библіотекъ, по крайней мѣрѣ, для четырехъ старшихъ классовъ.

в) Что касается дѣятельности родительскаго кружка, то она выразилась въ пожертвованіяхъ деньгами и книгами, а именно: на пополненіе ученической библіотеки книгами Л. А. Пастушковъ пожертвовалъ 10 руб. (онъ же пожертвовалъ и на изданіе журнала 25 рублей); г-мъ Ивановымъ

прислано почтою на имя г. предсѣдателя родительскаго комитета 5 руб., а всего 15 рублей.

Сверхъ того пожертвованы книги: а) родителями ученика VI класса *Николаева*:

Джонсъ «Классическая система».
Радичъ «Дѣтвора».
Рогова «Ласточкино гнѣздо» и «Хмѣльницкій».
Сиповскій «Родная старина» т. I.
Ж. Зандъ. «Сказка для дѣтей»
Деполовичъ «Витязь сѣвера».
Куперъ «Монтаунъ».
Гауфъ «Карликъ носъ».
Майнъ-Ридъ «Морской волкъ», «Дочери скватера» и «Роковой кладъ».
Ж. Вернъ «Къ центру земли» и «Приключенія молод. моряковъ».
Андерсенъ «Сказки» и «Разсказы».
Гранстремъ «Елена Робинсонъ».
Моли «Маленькій милліонеръ».
Д' Эрвильи «Доисторическій мальчикъ».

б) Журналы:

«Товарищъ» за 1903 годъ.

«Вокругъ свѣта» за 1898 и 99 гг., а также *Н. Данченко* «Живодеръ» и *Кругловъ* «Картинки изъ русской жизни» пожертвованы *Г-мъ Бржозовскимъ*.

в) *Г. Ергольскій* пожертвовалъ: сочиненія *Григоровича*, *Гончарова* и *Гейне*; одинъ томъ сочиненій Щедрина и журналы: «Природа и Люди» за 1905 г. и «Журналъ для всѣхъ» за 1899 г.

г) *Г. Розенкранцемъ* пожертвованы: *Михайловъ* «Наши дѣти» и приложенія къ Нивѣ за 1892, 94, 95 и 1904 годы.

Означенныя книги распредѣлены въ ученическія библіотеки младшаго и старшаго возрастовъ.

Всѣмъ жертвователямъ начальство гимназіи приноситъ искреннюю благодарность.

Редакція.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Не откажите помѣстить въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ слѣдующее письмо. Мы, ученики Тенишевскаго училища въ Петербургѣ, основали кружокъ международной школьной переписки при ученическомъ журналѣ «Впередъ», нами издаваемомъ.

Нами были посланы письма въ нѣкоторые иностранные журналы и учебныя заведенія съ просьбой—желающихъ переписываться сообщать свои адреса. Мы надѣемся, что и среди русскихъ товарищей-учениковъ наше письмо найдетъ откликъ.

Желающихъ вести переписку съ учениками другихъ странъ мы просимъ присылать заявленія, въ которыхъ должны быть указаны: 1) подробный адресъ, 2) страна, изъ которой желаютъ имѣть корреспондента, 3) возрастъ (свой и желательнаго корреспондента), 4) языкъ, на которомъ желаютъ переписываться (русскій или иностранный), и 5) по какому изъ слѣдующихъ одиннадцати отдѣловъ желательно переписываться:

1) Школьная жизнь.
2) Литература.
3) Искусство.
4) Наука.
5) Путешествія.
6) Научные опыты.
8) Коллектированіе.
9) Шахматныя и математическія задачи.
10) Игры, шарады, ребусы, загадки.
11) Спортъ.

Адреса для писемъ: 1) Петербургъ, Ямская, 22, кв. 54, Ал. Марковичу; 2) Петербургъ, Лѣсной Политехническій институтъ, кв. 6 Дм. Скобельцыну.

Перепечатывая это письмо изъ журнала «Всходы» (іюль—августъ 1906 года, стр. 644), редакція считаетъ долгомъ предувѣдомить желающихъ вести переписку, что таковая должна быть направляема черезъ редакцію къ тѣмъ взрослымъ руководителямъ означеннаго ученическаго журнала, которые указаны выше.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ устройствѣ катка въ саду народнаго театра въ гор. Пензѣ и о предполагаемомъ устройствѣ на той же территоріи (съ весны 1907 г.) „ДѢТСКАГО САДА.“.

Идя на встрѣчу назрѣвшей въ мѣстномъ обществѣ мысли о желательности устройства въ г. Пензѣ «*Дѣтскаго сада*», нижеподписавшійся возбудилъ передъ Пензенскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ ходатайство объ отводѣ для «Сада земельнаго участка, смежнаго съ народнымъ театромъ и вольнымъ пожарнымъ обществомъ, при чемъ имѣетъ въ виду испросить согласія общаго собранія членовъ драматическаго кружка народнаго театра въ г. Пензѣ на устройство «Дѣтскаго сада», на первое время, *на территоріи народнаго театра*, помѣщенія котораго большую часть дня свободны и потому могутъ быть использованы для цѣлей «Дѣтскаго сада», безъ ущерба для театральнаго дѣла. Изыскивая средства для осуществленія идеи «Дѣтскаго сада», заинтересованныя лица рѣшили устроить въ саду народнаго театра *КАТОКЪ*, эксплуатаціей котораго предполагается покрыть расходы по его устройству и содержанію и образовать нѣкоторый фондъ для содержанія будущаго «Дѣтскаго сада». Организацію этого новаго симпатичнаго воспитательно-благотворительнаго учрежденія предполагается выработать и установить въ теченіе наступившаго зимняго времени,—что и имѣетъ быть предметомъ дѣятельности возникающаго въ г. Пензѣ «Свято-Владимірскаго Общества Дѣтскаго сада», съ весны же будущаго 1907 года предполагается приступить уже и къ фактическому осуществленію въ Пензѣ идеи «Дѣтскаго сада».

Поставляя мѣстную пензенскую публику въ извѣстность о вышеизложенномъ и увѣдомляя, что устройство самого катка (льда) поручено *спеціалисту*, извѣстному пензенскому конькобѣжцу Василію Васильевичу Стрѣльцову, нижеподписавшійся, будучи увѣренъ въ сочувствіи мѣстнаго общества къ возникающему «Дѣтскому саду», надѣется, что *катокъ на территоріи народнаго театра* явится любимымъ мѣстомъ, гдѣ наша молодежь будетъ проводить время съ пользою для своего здоровья, а администрація катка приложитъ, съ своей стороны, всѣ усилія къ тому, чтобы посѣтители катка проводили время весело и пріятно!

О цѣнѣ сезонныхъ билетовъ и о прочихъ условіяхъ абонемента будетъ объявлено особо.

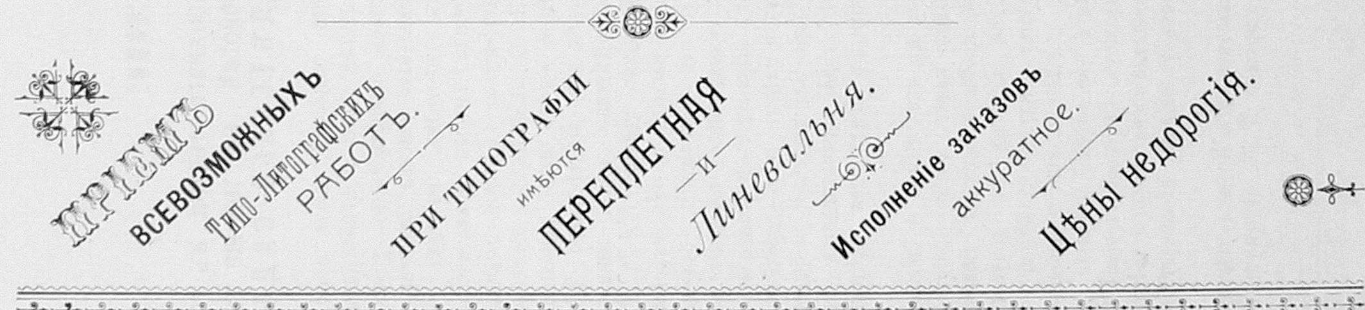
По уполномочію Совѣта старшинъ Драматическаго Кружка народнаго театра въ г. Пензѣ почетный членъ того кружка П. М. Первушинъ.

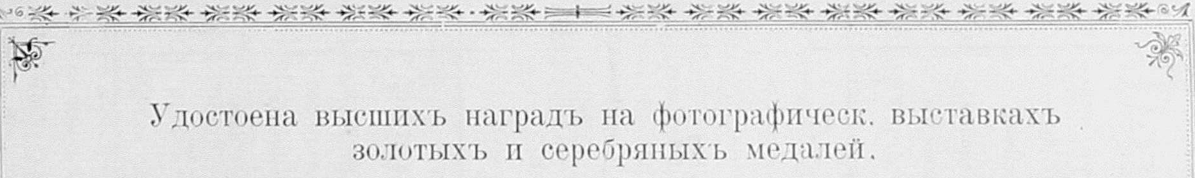
7 ноября 1906 года. Г. Пенза.

Типо-Литографія

А. М. Попова и В. Г. Соломонова

Пенза. Уголъ Московской и Рождественской у., д. Кошелева.

1-50

Съ 1-го Октября 1906 года

въ городѣ Пензѣ

будетъ выходить въ свѣтъ

ЖУРНАЛЪ УЧЕНИКОВЪ

ПЕНЗЕНСКОЙ 2-Й ГИМНАЗІИ

при ихъ непосредственномъ участіи,

подъ редакціей Директора Гимназіи В. В. ЛАПИНА,

книжками ежемѣсячно,

за исключеніемъ іюня и іюля, или въ двойномъ количествѣ листовъ (смотря по накопленію матеріала) одинъ разъ въ два мѣсяца, что составитъ отъ 6 до 10 книжекъ въ годъ.

Программа журнала:

1) Литературный отдѣлъ: повѣсти разсказы, стихотворенія (учащихся).

2) Популярно-научный отдѣлъ: составленныя учащимися статьи, въ популярномъ изложеніи, по исторіи, литературѣ, психологіи, естествознанію и проч. подъ редакціей гг. преподавателей.

3) Критическій отдѣлъ: рецензіи произведеній, появившихся въ этомъ же журналѣ и отзывы о прочитанныхъ книгахъ.

4) Смѣсь. Вопросы педагогики. Школьная жизнь.

5) Почтовый ящикъ (для иногороднихъ родителей учениковъ и др.)

6) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 3 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой; полгода 2 р.; отдѣльная книжка 50 к. безъ пересылки и доставки.

Подписка принимается въ Канцеляріи Пензенской 2-й гимназіи ежедневно отъ 9 утра до 3 час. дня, исключая праздничныхъ и воскресныхъ дней.

Директоръ гимназіи В. ЛАПИНЪ.